HX237
.P55

Г. В. Плеханов.

I. Социализм и политическая борьба.

II. Еще раз социализм и политическая борьба.

Цена 2 р. 25 к.

ПЕТРОГРАД.
Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.
1918.

4378

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАД

Петрогр. Совета Раб. и Красноарм. Деп.

Смольный Институт, 2-й этаж, комн. 51,

тел. 34. Контора, комн. 54.

Вышли из печати:

	Цѣна. Р.	К.
Н. Афиногенов (Степной). «Записки ополченца»	1	25
Гайк Ад-нц. «Крестьянский вопрос во Франции»	—	55
Ватин. «Что такое коммуна»	—	—
В. Володарский. «Напутственная речь агитаторам»	—	50
«Враги ли евреи рабочим и крестьянам»	—	20
«Венок коммунаров, сборник памяти В. Володарского (с рис.)	2	—
Н. Горлов. «Темные силы, война и погромы»	—	15
«Евреи, классовая борьба и погромы»	—	10
Г. Зиновьев. «Корни оборончества»	1	10
Его же. «Наше положение и задачи создания красной армии»	—	25
Его же. «Австрия и война»	1	80
Его же. «Из истории пролетарского праздника 1-го мая»	—	30
Его же. «Г. В. Плеханов». Вместо речи на могиле	—	45
Его же. «Хлеб, мир и партии»	—	70
Его же. «Рабочая партия и профессиональные союзы»	—	—
К. Каутский. «Наука, жизнь и этика»	—	30
Его же. «К. Марке и его историческое значение»	1	25
Его же. «Экономическое учение К. Маркса»	2	—
Кий. «Что такое социализм»	—	65
П. Лафарг. «Вера в Бога»	—	75
Н. Ленин. и **Г. Зиновьев.** «Против течения» (печ. 2-е изд.)	7	—
В. Либкнехт. «1848-й год и коммуна»	1	30
З. Лилина. «Солдаты тыла» (женский труд до и после войны)	2	10
А. Луначарский и **Г. Зиновьев.** «К. Маркс и социальная революция»	—	65
М. Лурье (Ю. Ларин). «Суд над К. Либкнехтом»	—	45
Его же. «Крестьяне и рабочие в русской революции»	—	40
Его же. «Состав пролетариата» (2-е изд.)	—	65
К. Маркс. «Либералы у власти»	—	65
К. Маркс. и **Ф. Энгельс.** «О коммунизме»	—	70
Марклевский. «Что такое политическая экономия»	—	50
«Наш рабочий праздник 1-го мая»	—	20
«Памяти К. Маркса». Сборник статей, (печ. 2-е изд.)	3	—

1448

Г. В. Плехановъ.

HX237
.P55

I. Соціализмъ и политическая борьба.

II. Еще разъ соціализмъ и политическая борьба.

4378 обл. ф.

Sotsializm i politicheskaia bor'ba. - Eshche paz sotsializm i politicheskaia bor'ba

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.
1918.

Третья Государственная типография. 1918 г.

Предисловіе.

Предлагаемая брошюра можетъ подать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ или даже неудовольствіямъ. Лица, сочувствующія направленію «Земли и Воли» и «Чернаго Передѣла» (органовъ, въ редактированіи которыхъ я принималъ участіе), могутъ упрекнуть меня въ томъ, что я отступилъ отъ теоріи такъ называемаго народничества. Сторонникамъ другихъ фракцій нашей революціонной партіи можетъ не понравиться моя критика дорогихъ имъ воззрѣній. Считаю нелишнимъ, поэтому, небольшое предварительное объясненіе.

Стремленіе работать *въ народѣ* и для народа, увѣренность въ томъ, что «освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса»—эта *практическая* тенденція нашего народничества дорога мнѣ по-прежнему. *Теоретическія* же его положенія, дѣйствительно, кажутся мнѣ во многихъ отношеніяхъ ошибочными. Годы пребыванія за-границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса убѣдили меня, что торжество стихійнаго народнаго движенія въ родѣ бунта Ст. Разина или крестьянскихъ войнъ въ Германіи, не можетъ удовлетворить соціально политическихъ нуждъ современной Россіи, что старыя формы нашей народной жизни носили въ самихъ себѣ много зародышей своего разложенія, и что онѣ не могутъ «развиться въ высшую коммунистическую форму» безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ сильной и хорошо организованной *рабочей* соціалистической партіи. Поэтому я и думаю, что рядомъ съ борьбой противъ абсолютизма русскіе революціонеры должны стремиться, по крайней мѣрѣ, къ выработкѣ элементовъ для созданія

такой партіи въ будущемъ. Въ этой созидательной дѣятельности имъ, по необходимости, придется перейти на почву современнаго соціализма, такъ какъ идеалы «Земли и Воли» не соотвѣтствуютъ положенію промышленныхъ рабочихъ. И это будетъ очень кстати теперь, когда теорія русской самобытности становится синонимомъ застоя и реакціи, а прогрессивные элементы русскаго общества группируются подъ знаменемъ осмысленнаго «западничества».

Перехожу къ другому пункту моего объясненія. Здѣсь, прежде всего, скажу въ свою защиту, что я касался не лицъ, а мнѣній, и что частыя разногласія мои съ той или другой соціалистической группой ни мало не уменьшаютъ моего уваженія ко всѣмъ искреннимъ борцамъ за освобожденіе народа.

Кромѣ того, такъ называемое террористическое движеніе открыло собою новую эпоху въ развитіи нашей революціонной партіи—эпоху *сознательной политической борьбы* съ правительствомъ. Эта перемѣна въ направленіи дѣятельности нашихъ революціонеровъ дѣлаетъ необходимымъ пересмотръ всѣхъ взглядовъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предшествующаго періода. Жизнь требуетъ внимательнаго пересмотра всего нашего умственнаго багажа при нашемъ вступленіи на новую почву, и я смотрю на свою брошюру, какъ на посильный вкладъ въ это дѣло критики, давно уже начавшееся въ нашей революціонной литературѣ. Читатель не забылъ еще, вѣроятно, біографіи А. И. Желябова, заключающей въ себѣ строгую и часто весьма вѣрную, критическую оцѣнку программы и дѣятельности кружка «*Земли и Воли*». Очень можетъ быть, что мои критическія попытки окажутся менѣе удачными, но едва-ли было бы справедливо признать ихъ менѣе своевременными.

Г. П.

Женева, 25 октября 1883 г.

Соціализмъ и политическая борьба.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая.
Карлъ Марксъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русское революціонное движеніе окончательно выступило на путь открытой борьбы съ абсолютизмомъ, вопросъ о политическихъ задачахъ соціалистовъ сдѣлался самымъ насущнымъ, самымъ жгучимъ вопросомъ для нашей партіи. Изъ-за него расходились люди, связанные многими годами совмѣстной практической дѣятельности, изъ-за него распадались цѣлые кружки и организаціи. Можно даже сказать, что всѣ русскіе соціалисты временно раздѣлились на два лагеря, державшіеся діаметрально-противоположныхъ взглядовъ на «политику». Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть-ли не измѣной народному дѣлу, проявленіемъ въ нашей революціонной интеллигенціи буржуазныхъ инстинктовъ, осквернѣніемъ чистоты соціалистической программы. Другіе не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, въ ея мнимыхъ интересахъ, идти на компромиссы съ либерально-оппозиціонными элементами нашего общества. Нѣкоторые доходили даже до того, что считали вреднымъ для настоящаго времени всякое проявленіе классового антагонизма въ Россіи. Такихъ взглядовъ держался, наприм., Желябовъ, которому «русская революція представлялась, по словамъ его біографа, не исключительно въ видѣ осво-

божденія крестьянскаго или даже (?) рабочаго сословія, а въ видѣ политическаго возрожденія всего русскаго народа вообще» [1]). Другими словами, революціонное движеніе противъ абсолютной монархіи сливалось въ его представленіи съ соціально-революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса во имя своего экономическаго освобожденія; частная, спеціально-русская задача настоящаго времени заслоняла собою общую задачу рабочаго класса всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Далѣе этого разногласіе идти не могло, и разрывъ сталъ неизбѣженъ.

Время сгладило, однако, крайности и разрѣшило значительную часть спорныхъ вопросовъ въ удовлетворительномъ для обѣихъ сторонъ смыслѣ. Мало-по-малу всѣ или почти всѣ признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока широкое освободительное движеніе въ народѣ и обществѣ не разрушитъ зданія абсолютизма, какъ землетрясеніе разрушаетъ курятникъ, если можно употребить здѣсь энергическое выраженіе Маркса. Но очень многимъ изъ нашихъ соціалистовъ борьба эта до сихъ поръ представляется какимъ-то вынужденнымъ компромиссомъ, временнымъ торжествомъ «практики» надъ «теоріей», насмѣшкой жизни надъ безсиліемъ мысли. Сами «политики», оправдываясь отъ сыпавшихся на нихъ упрековъ, избѣгали всякой аппеляціи къ основнымъ положеніямъ соціализма, а ссылались лишь на неотразимыя требованія дѣйствительности. Въ глубинѣ души они и сами, повидимому, вѣрили, что имъ не совсѣмъ къ лицу политическія тенденціи, но утѣшали себя тѣмъ соображеніемъ, что только въ свободномъ государствѣ они могутъ предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ и, покончивши всякіе счеты съ политикой, всецѣло посвятить себя дѣлу соціализма. Это смутное убѣжденіе приводило иногда къ нелишеннымъ курьеза недоразумѣніямъ. Разбирая рѣчь «русскаго гостя» на Хурскомъ Конгрессѣ, и пытаясь оправдаться

[1]) См. брошюру «Андрей Ивановичъ Желябовъ», стр. 110.

отъ мнимаго упрека въ политиканствѣ, «Народная Воля» замѣтила, между прочимъ, что ея сторонники не соціалисты и не политическіе радикалы, а просто «народовольцы». Органъ террористовъ полагалъ, что на «Западѣ» вниманіе радикаловъ исключительно поглощено политическими вопросами, а соціалисты, наоборотъ знать не хотятъ «политики». Всякій, знакомый съ программами западно-европейскихъ соціалистовъ, понимаетъ, конечно, насколько ошибочно такое представленіе по отношенію къ огромному ихъ большинству. Извѣстно, что соціальная демократія Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политическаго «воздержанія». Ея сторонники не игнорируютъ «политики». Они только не представляютъ себѣ задачъ соціалистической революціи въ видѣ «возрожденія всего народа вообще». Они стараются организовать рабочихъ въ особую партію, чтобы отдѣлить, такимъ образомъ, эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ и дать политическое выраженіе экономическому антагонизму. Откуда же взялась у насъ увѣренность въ томъ, что соціализмъ обусловливаетъ собою политическій индифферентизмъ,—увѣренность, стоящая въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью? У Шиллера Валленштейнъ говоритъ Максу Пикколомини, что человѣческій умъ широкъ, между тѣмъ какъ міръ узокъ, и что поэтому мысли легко уживаются въ первомъ, между тѣмъ какъ вещи рѣзко сталкиваются между собою во второмъ. Должны ли мы сказать про себя, что въ нашемъ мозгу, наоборотъ, не могутъ ужиться рядомъ понятія о такихъ вещахъ, которыя не только прекрасно уживаются на практикѣ, но и вообще немыслимы внѣ взаимной связи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно, прежде всего, привести въ ясность тѣ представленія о соціализмѣ, которыя существовали у нашихъ революціонеровъ въ эпоху возникновенія въ ихъ средѣ политическихъ тенденцій. Убѣдившись въ томъ, что эти представленія были ошибочными или отсталыми, мы посмотримъ, какое мѣсто отводитъ политической борьбѣ то ученіе, которому даже бур-

жуазные его противники не отказываютъ въ названіи *научнаго соціализма*. Послѣ этого намъ останется только сдѣлать въ нашихъ общихъ выводахъ поправки, неизбѣжныя въ виду тѣхъ или другихъ особенностей современнаго положенія дѣлъ въ Россіи—и наша тема будетъ исчерпана; политическая борьба рабочаго класса съ врагами, принадлежащими къ той или иной исторической формаціи, окончательно обнаружитъ передъ нами свою связь съ общими задачами соціализма.

I.

Соціалистическая пропаганда оказала огромное вліяніе на весь ходъ умственнаго развитія въ цивилизованныхъ странахъ. Нѣтъ почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повліяла бы въ томъ или иномъ смыслѣ. Она частью разрушила старые, научные предразсудки, частью превратила ихъ изъ наивнаго заблужденія въ софизмъ. Понятно, что еще сильнѣе должно было отозваться вліяніе соціалистической пропаганды на самихъ сторонникахъ новаго ученія. Всѣ традиціи прежнихъ «политическихъ» революціонеровъ подверглись безпощадной критикѣ, всѣ пріемы общественной дѣятельности были анализированы съ точки зрѣнія «новаго Евангелія». Но такъ какъ дѣло научнаго обоснованія соціализма было закончено лишь съ появленіемъ «Капитала», то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А такъ какъ, съ другой стороны, въ утопическомъ соціализмѣ существовало нѣсколько школъ, почти равносильныхъ по своему вліянію, то мало-по-малу выработался родъ какого-то средняго соціализма, котораго и придерживались люди, не претендовавшіе на основаніе новой школы и не принадлежавшіе къ числу особенно рьяныхъ сторонниковъ школъ, прежде существовавшихъ. «Этотъ эклектическій соціализмъ представляетъ собою, какъ говоритъ Фр. Энгельсъ,—различныхъ оттѣнковъ смѣсь изъ наиболѣе общепризнанныхъ и наименѣе глубокихъ критическихъ замѣ-

чапій, экономическихъ положеній и общественныхъ идеаловъ различныхъ основателей сектъ, смѣсь тѣмъ легче получаемую, чѣмъ скорѣе составныя части ея утрачиваютъ въ потокѣ дебатовъ—какъ камни въ ручьѣ—свои острые углы и грани» [1]). Этотъ средній соціализмъ, замѣчаетъ тотъ же авторъ, господствуетъ до сихъ поръ въ головахъ большинства рабочихъ въ Англіи и Франціи [2]). Мы, русскіе, могли бы прибавить, что такая же точно смѣсь господствовала въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ умахъ нашихъ соціалистовъ и представляла тотъ общій фонъ, на которомъ выдѣлялись два крайнія направленія: такъ называемыхъ «впередовцевъ» и «бакунистовъ». Первые склонялись къ нѣмецкой соціалъ-демократіи, вторые представляли собою русское изданіе анархической фракціи интернаціонала. Расходясь между собою въ очень многомъ, почти во всемъ, оба направленія сходились—какъ это ни странно сказать—въ отрицательномъ отношеніи къ «политикѣ». И нужно сознаться, что анархисты были, въ этомъ отношеніи, послѣдовательнѣе русскихъ соціалъ-демократовъ того времени.

Съ анархической точки зрѣнія политическій вопросъ является пробнымъ камнемъ всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицаютъ всякія сдѣлки съ современнымъ государствомъ, но исключаютъ изъ своихъ представленій о «будущемъ обществѣ» все, что напоминаетъ такъ или иначе государственную идею. «Автономная личность въ автономной общинѣ»—таковъ былъ и есть девизъ всѣхъ послѣдовательныхъ сторонниковъ этого направленія. Извѣстно, что родоначальникъ его, Прудонъ, поставилъ себѣ, въ своемъ органѣ «La voix du peuple», несовсѣмъ скромную задачу «сдѣлать по отношенію къ идеѣ правительства (которую онъ смѣшивалъ съ государ-

---

[1]) См. Entwicklung des Socialismus, S. 18.

[2]) *Прим. ко 2-му изданію.* Теперь во Франціи окончательно восторжествовалъ марксизмъ, основныя положенія котораго признаются, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, даже «оппортюнистами» изъ лагеря Жореса.

ственной идеей) то же, что сдѣлалъ Кантъ по отношенію къ идеѣ религіозной» [1]), и дошелъ въ своемъ государственномъ рвеніи до того, что объявилъ самаго Аристотеля «скептикомъ въ вопросѣ о государствѣ» [2]). Рѣшеніе поставленной имъ себѣ задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логично изъ экономическихъ ученій французскаго Канта. Прудонъ никогда не могъ представить себѣ экономическаго строя будущаго иначе, какъ въ формѣ товарнаго производства, исправленнаго и дополненнаго новой, «справедливой» формой обмѣна на началахъ «конституированной стоимости». При всей «справедливости» этой новой формы обмѣна, она не исключаетъ, разумѣется, ни купли, ни продажи, ни долговыхъ обязательствъ, сопровождающихъ товарное производство и обращеніе. Всѣ эти сдѣлки предполагаютъ, конечно, различные договоры, которыми и опредѣляются взаимныя отношенія обмѣнивающихся сторонъ. Но въ современномъ обществѣ «договоры» основываются на общихъ правовыхъ нормахъ, обязательныхъ для всѣхъ гражданъ и охраняемыхъ государствомъ. Въ «будущемъ обществѣ» дѣло должно будетъ происходить нѣсколько иначе. Революція должна была, по мнѣнію Прудона, уничтожить «законы», оставляя одни «договоры». «Не нужно законовъ, вотированныхъ большинствомъ или единогласно—говоритъ онъ

---

[1]) См. Confession d'un révolutionnaire, Préface, p. 4.

[2]) До какой степени Аристотель былъ «скептикомъ» въ вопросѣ о государствѣ, видно изъ первой главы первой книги его «*Политики*», гдѣ онъ говоритъ, что «государство есть самая законченная форма общественности»; что цѣль его есть «высшее благо», и что, поэтому, оно оказывается явленіемъ «естественнымъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, а человѣкъ есть животное, самой природой предназначенное къ государственной формѣ общественности», (B. I, C. I, §§ I—XI нѣмецкаго изданія Зюсемиля 1879 года). Авторъ «Политики» такъ же «скептично» относится къ государству, какъ Прудонъ къ товарному производству: первый не могъ представить себѣ иной, высшей формы общественности, второй не подозрѣвалъ, что продукты могутъ распредѣляться между членами общества, не являясь въ видѣ товаровъ.

въ своей «Idée générale de la Révolution au XIX siècle»— каждый гражданинъ, каждая коммуна и корпорація установятъ свои особые законы» (р. 259). При такомъ взглядѣ на дѣло, политическая программа пролетаріата упрощалась до послѣдней возможности. Государство, признающее лишь общіе и обязательные для всѣхъ гражданъ законы, не могло служить даже средствомъ для достиженія соціалистическихъ идеаловъ. Пользуясь имъ для своихъ цѣлей, соціалисты лишь укрѣпляютъ то зло, съ искорененія котораго должна начаться «соціальная ликвидація». Государство должно «разложиться», открывая, такимъ образомъ, «каждому гражданину, каждой коммунѣ и корпораціи» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для нихъ «договоры». Если же анархисты не будутъ терять времени въ періодъ «ликвидаціи», то «договоры» эти будутъ заключены въ духѣ «Системы экономическихъ противорѣчій», и торжество «Революціи» будетъ обезпечено.

Задача русскихъ анархистовъ упрощалась еще болѣе. «Разрушеніе государства» (занявшее мало-по-малу въ анархической программѣ мѣсто рекомендованнаго Прудономъ его «разложенія») должно было расчистить путь для развитія «идеаловъ» русскаго народа. А такъ какъ въ этихъ «идеалахъ» общинное землевладѣніе и артельная организація промысловъ занимаютъ очень видное мѣсто, то предполагалось, что «автономные» россіяне демократическаго происхожденія будутъ заключать свои «договоры» уже не въ духѣ прудоновской взаимности, а скорѣе въ духѣ аграрнаго коммунизма. Какъ «прирожденный соціалистъ», русскій народъ не замедлитъ понять, что одно общинное владѣніе землею и орудіями производства не гарантируетъ еще желаннаго «равенства»; и вынужденъ будетъ взяться за организацію «автономныхъ общинъ» на совершенно коммунистическихъ основаніяхъ.

Впрочемъ, русскіе анархисты—по крайней мѣрѣ, анархисты такъ называемаго «бунтарскаго» оттѣнка—мало задумывались объ экономическихъ послѣдствіяхъ пропо-

вѣдуемой народной революціи. Они считали своею обязанностью устранить тѣ общественныя условія, которыя мѣшали, по ихъ мнѣнію, нормальному развитію народной жизни; но они не спрашивали себя о томъ, по какому пути пойдетъ это развитіе, освободившись отъ внѣшнихъ препятствій. Что это своеобразная передѣлка на революціонный фасонъ знаменитаго девиза манчестерской школы: «laissez faire, laissez passer, исключала всякую возможность серьезной оцѣнки современнаго состоянія нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякій критерій для опредѣленія самаго понятія о «нормальномъ» ходѣ ея развитія—этого также не подозрѣвали ни «бунтари», ни появившіеся впослѣдствіи «народники». При томъ же, подобная оцѣнка была бы совершенно безнадежной попыткой до тѣхъ поръ, пока исходной точкой разсужденій нашихъ революціонеровъ оставались ученія Прудона. Слабѣйшею частью этихъ ученій, пунктомъ ихъ логическаго грѣхопаденія, является понятіе о товарѣ и мѣновой стоимости, т. е. именно тѣ посылки, на основаніи которыхъ только и можно сдѣлать правильное заключеніе о взаимныхъ отношеніяхъ производителей въ экономической организаціи будущаго. Съ точки зрѣнія прудоновскихъ теорій не имѣетъ никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладѣніе отнюдь не исключаетъ товарнаго производства. Прудонистъ понятія не имѣетъ о «внутренней неизбѣжной діалектикѣ», превращающей товарное производство, на извѣстной стадіи его развитія, въ—капиталистическое [1]). Его русскому кузену и въ голову не приходило, поэтому, спросить себя, достаточно ли разъединенныхъ усилій «автономныхъ» лицъ, коммунъ и корпорацій для борьбы съ этой тенденціей товарнаго производства, грозящей снабдить въ одинъ прекрасный день нѣкоторую часть «прирожденныхъ» коммунистовъ «благопріобрѣтенными» капиталами и превратить ихъ въ

[1]) См. Das Kapital. 2 Auflage. S. S. 607—8.

эксплуататоровъ остальной массы населенія. Анархистъ отрицаетъ созидающую роль государства въ соціалистической революціи именно потому, что не понимаетъ задачъ и условій этой революціи.

Мы не можемъ вступать здѣсь въ подробный разборъ ни анархизма вообще, ни «бакунизма» въ частности [1]). Мы хотимъ лишь обратить вниманіе нашихъ читателей на то обстоятельство, что какъ Прудонъ, такъ и русскіе анархисты были, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ правы, возводя «политическое невмѣшательство» въ основной догматъ своей практической программы. Соціально политическій складъ русской жизни, казалось, въ особенности оправдывалъ обязательное для всѣхъ анархистовъ отрицаніе «политики». Прежде чѣмъ выступить на поприще политической агитаціи, русскій «*обыватель*» долженъ превратиться въ *гражданина*, т. е. завоевать себѣ хоть какія-нибудь политическія права, а прежде всего, разумѣется, право думать, что хочетъ, и говорить, что думаетъ. Такая задача сводится на практикѣ къ «политической революціи», а опытъ западной Европы ясно «показалъ» всѣмъ анархистамъ, что такія революціи никакой пользы народу не принесли, не принесутъ и принести не мо-

---

[1]) Напомнимъ только читателю возраженіе, сдѣланное Прудону Риттингаузеномъ. «Власть, правительство со всѣми его формами,—говорилъ неутомимый пропагандистъ теоріи прямого народнаго законодательства,—представляютъ собою лишь *виды* того *рода*, который называется: *Вмѣшательство общества въ отношенія людей къ вещамъ, а черезъ посредство вещей—и другъ къ другу*... Я вызываю г. Прудона бросить мнѣ въ лицо, какъ результатъ его умственной работы, слѣдующее заключеніе: нѣтъ, не нужно такого вмѣшательства общества въ отношеніи людей къ вещамъ и другъ къ другу!» См. Législation directe par le peuple et ses adversaires, p. 194—195. Риттингаузенъ думалъ, что «поставить вопросъ такимъ образомъ—значитъ рѣшить его», такъ какъ «г. Прудонъ самъ признаетъ *необходимость такого вмѣшательства*». Но онъ не предвидѣлъ, что ученики пойдутъ дальше учителя, и что теорія анархіи выродится, наконецъ, въ теорію «соціальнаго аморфизма». Современные анархисты не признаютъ никакого вмѣшательства общества въ отношеніи индивидуумовъ, какъ они неоднократно заявляли это на страницахъ нѣкоторыхъ своихъ органовъ.

гутъ. Соображеніе же о необходимости политическаго воспитанія народа путемъ участія его въ общественной жизни своей страны, не могло имѣть мѣста уже потому, что анархисты считаютъ, какъ мы видѣли, такое участіе не воспитаніемъ, а развращеніемъ народныхъ массъ: оно развиваетъ въ нихъ «вѣру въ государство», а слѣдовательно и тенденцію къ государственности или, какъ сказалъ бы покойный М. А. Бакунинъ, «заражаетъ его оффиціально-общественнымъ ядомъ», и, во всякомъ случаѣ, отвлекаетъ его хоть на малое время отъ единственно нынѣ полезнаго и спасительнаго дѣла—отъ бунта [1]). Притомъ же, по философіи исторіи нашихъ «бунтарей» выходило, что русскій народъ цѣлымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ движеній доказалъ свои антигосударственныя наклонности, а потому и можетъ считаться достаточно зрѣлымъ въ политическомъ отношеніи. Поэтому, прочь всякое «политиканство»! Поможемъ народу въ его антигосударственной борьбѣ, сольемъ въ одинъ революціонный потокъ его разрозненныя усилія—и тогда неуклюжее зданіе государства разлетится въ прахъ, открывая своимъ паденіемъ новую эру соціальной свободы и экономическаго равенства! Въ этихъ немногихъ словахъ выражалась вся программа нашего «бунтарства».

Въ этомъ бѣгломъ образѣ программъ различныхъ фракцій русскихъ революціонеровъ мы не должны упускать изъ виду, что взгляды, съ точки зрѣнія которыхъ «всякія конституціи» являлись, по выраженію стараго Ф. Г. Якоби, лишь болѣе или менѣе невыгодной сдѣлкой съ чортомъ—такіе взгляды, говоримъ мы, были свойственны не однимъ народникамъ и анархистамъ. Если читателю извѣстна полемика Фр. Энгельса съ П. Ткачевымъ [2]), то онъ, вѣроятно, помнитъ, что редакторъ «Набата», расходясь съ бакунистами по вопросу о прак-

---

[1]) См. весьма интересную и характерную брошюру М. А. Бакунина «Наука и насущное революціонное дѣло».

[2]) См. «Offener Brief an Herrn F. Engels».

тической борьбѣ, совершенно сходился съ ними въ основныхъ взглядахъ на соціально-политическое положеніе нашего отечества. Онъ разсматривалъ его черезъ ту же призму русской самобытности и «прирожденныхъ коммунистическихъ наклонностей русскаго народа [1]). Какъ истинный бланкистъ, онъ не отрицалъ, разумѣется, «политики», но понималъ ее исключительно въ формѣ заговора съ цѣлью захвата государственной власти. Эта цѣль занимала, повидимому, все поле зрѣнія нашихъ тогдашнихъ бланкистовъ и приводила ихъ ко многимъ противорѣчіямъ. Оставаясь послѣдовательными, они должны были признать, что дѣятельность ихъ можетъ быть полезна дѣлу прогресса лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда направляемый ими ударъ ни на волосъ не минуетъ своей цѣли. Если задуманный захватъ власти не удастся, если заговоръ будетъ открытъ или революціонное правительство будетъ низвергнуто либеральной партіей, то русскій народъ не только ничего не выиграетъ, но, напротивъ, рискуетъ очень много потерять. Въ особенности, гибеленъ послѣдній изъ предположенныхъ случаевъ. Либералы создадутъ сильное правительство, борьба съ которымъ будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ борьба противъ современной «абсолютно-нелѣпой» и «нелѣпо-абсолютной» монархіей; а «огонь экономическаго прогресса» разрушитъ коренныя основы народной жизни. Подъ его вліяніемъ, разовьется обмѣнъ, упрочится капитализмъ, уничтожится самый принципъ общины, словомъ, рѣка временъ унесетъ тотъ камень, съ котораго рукой подать до коммунистическаго неба. Въ случаѣ неудачи, русскіе бланкисты должны были нанести страшный вредъ дѣлу народнаго освобожденія и попадали, такимъ образомъ, въ трагическое положеніе Вильгельма Теля, рисковавшаго жизнью собственнаго сына. Но такъ какъ они едва ли отличались ловкостью миѳическаго

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сравнить названное «Письмо къ Фр. Энгельсу» съ цитированной выше брошюрой М. А. Бакунина.

швейцарскаго «крамольника», то русскій народъ не крикнулъ бы имъ:

Стрѣляй! я не боюсь!

если бы усвоилъ ихъ взглядъ на «коренныя основы» своей жизни и былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе объ ихъ программѣ.

Такая узкая и безнадежная философія русской исторіи должна была логически вести къ тому поразительному выводу, что экономическая отсталость Россіи является надежнѣйшимъ союзникомъ революціи, а застой долженъ красоваться въ качествѣ перваго и единственнаго параграфа нашей «программы-минимумъ». «Каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новые враждебные намъ общественные факторы»—читаемъ мы въ первомъ ноябрьскомъ номерѣ «Набата» за 1875 годъ. «Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Теперь онѣ мертвы, безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнетъ въ нихъ новый духъ, дастъ имъ силу и крѣпость, которыхъ пока еще въ нихъ нѣтъ» и т. д. Но если Іисусу Навину удалось, по библейскому разсказу, остановить солнце «на десять степеней», то время чудесъ прошло, и нѣтъ ни одной партіи, которая могла бы крикнуть: «стойте производительныя силы, не шевелись капитализмъ!» Исторія также мало обращала вниманія на опасенія революціонеровъ, какъ и на реакціонныя іереміады. «Экономическій прогрессъ» дѣлаетъ свое дѣло, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществятъ свои намѣренія. Каждая фабрика, основанная въ Петербургѣ, каждый лишній «работничекъ», принанятый ярославскимъ кустаремъ, усиливаетъ роковое будто бы для революціи «пламя прогресса», а, слѣдовательно, и уменьшаетъ вѣроятность народнаго торжества. Можно ли называть революціоннымъ такой взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ общественныхъ силъ въ Россіи? Мы думаемъ, что нѣтъ. Чтобы сдѣлаться революціонерами по существу,

а не по названію, русскіе анархисты, народники и бланкисты должны были, прежде всего, революціонировать свои собственныя головы, а для этого имъ нужно было научиться понимать ходъ историческаго развитія и стать во главѣ его, а не упрашивать старуху - исторію потолкаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути.

Кружокъ «впередовцевъ» понималъ незрѣлость и ошибочность вышеизложенныхъ воззрѣній, и было время, когда онъ могъ получить преобладающее умственное вліяніе въ нашей революціонной средѣ. Это было именно то время, когда практическій опытъ порядкомъ-таки поистрепалъ основы стараго, анархическаго народничества, и всѣ его сторонники чувствовали, что ихъ программа нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ. Тогда послѣдовательная критика всѣхъ ея теоретическихъ и практическихъ положеній могла сдѣлать приближающійся переломъ въ движеніи еще болѣе рѣшительнымъ и безповоротнымъ. За такую критику удобнѣе всего было взяться именно «впередовцамъ», которые, стоя почти цѣликомъ на точкѣ зрѣнія соціалъ-демократіи, были совершенно свободны отъ всѣхъ народническихъ традицій. Но, чтобы имѣть успѣхъ, критика ихъ должна была *не осуждать, а выяснять и обобщать* тѣ насущныя потребности русской жизни, которыя все болѣе и болѣе толкали нашихъ революціонеровъ на путь политической борьбы. Между тѣмъ «впередовцы» отрицали «политику» такъ же рѣшительно, какъ и анархисты. Они не думали, правда, что соціализмъ несовмѣстимъ съ вмѣшательствомъ въ политическую жизнь буржуазнаго государства, и вполнѣ оправдывали программу западно-европейской соціалъ-демократіи. Но они полагали, что возможность открытой организаціи рабочаго класса въ особую политическую партію куплена въ современномъ «правовомъ» государствѣ слишкомъ дорогою цѣной: окончательнымъ торжествомъ буржуазіи и соотвѣтствующимъ эпохѣ капитализма ухудшеніемъ положенія рабочихъ. Они забывали, что при оцѣнкѣ этого по-

ложенія нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но и *всю организацію производства и обмѣна*, не только *среднее количество* потребляемыхъ рабочимъ продуктовъ, но и самый *видъ*, который принимаютъ эти продукты [1]), не только *степень* эксплуатаціи, но—и въ особенности—*ея форму*, не только *фактъ порабощенія* рабочихъ массъ, но и также и тѣ *идеи* и *понятія*, которыя зарождаются и могутъ зародиться въ головѣ рабочаго подъ вліяніемъ этого факта [2]). Они едва ли согласились бы съ тѣмъ, что фабричный рабочій долженъ оказаться воспріимчивѣе къ соціализму, чѣмъ временно-обязанный крестьянинъ; тѣмъ менѣе признали бы они, что переходъ, напр., отъ натуральнаго хозяйства къ денежному увеличиваетъ возможность сознательнаго движенія рабочихъ массъ во имя своего экономическаго освобожденія. Философско-историческая часть ученія Маркса осталась для нихъ непрочитанною главою любимой книги; они слишкомъ вѣрили во всемогущее вліяніе своей пропаганды, чтобы искать для нея опоры въ объективныхъ условіяхъ общественной жизни. И, подобно соціалистамъ утопическаго періода, они сводили къ этой пропагандѣ всю дальнѣйшую исторію своей страны вплоть до соціальнаго переворота. При такой постановкѣ вопроса они могли, вмѣстѣ съ анархистами, сказать, пародируя извѣстную фразу Прудона—la révolution est au-dessus de la politique. Но именно потому они и не могли вывести наше движеніе изъ той мертвой точки, въ которую оно попало въ концѣ семидесятыхъ годовъ, благодаря отрицанію всякой политической борьбы, съ одной стороны, и невозможности создать, при современныхъ по-

---

[1]) Т. е. являются ли они въ видѣ товаровъ или непосредственно потребляются семьею производителя, его господиномъ или, наконецъ, государствомъ, не являясь вовсе на рынкѣ.

[2]) Просимъ имѣть въ виду, что мы говоримъ не о редакціи журнала «Впередъ», а о дѣйствовавшихъ въ Россіи сторонникахъ этого органа.

литическихъ условіяхъ, сколько-нибудь сильную рабочую партію—съ другой.

Честь сообщенія новаго размаха нашему движенію безспорно принадлежитъ «Народной Волѣ». У всѣхъ еще на памяти тѣ нападенія, которыя вызвали противъ себя тенденціи народовольцевъ. Пишущій эти строки, самъ принадлежалъ къ числу рѣшительныхъ противниковъ этого направленія, и хотя совершенно признаетъ теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою дня современной Россіи, но до сихъ поръ раздѣляетъ далеко не всѣ взгляды, высказывавшіеся въ «народовольческихъ» изданіяхъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, признать, что въ спорахъ, происходившихъ въ организаціи «Земли и Воли» около времени ея распаденія, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почвѣ нашего практическаго опыта. Этотъ опытъ и тогда уже приводилъ къ поразительнымъ и совершенно неожиданнымъ выводамъ, хотя мы и не смѣли сдѣлать ихъ именно вслѣдствіе ихъ неожиданности. Попытки практической борьбы «противъ государства» въ сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русскій «бунтарь» непреодолимою силою обстоятельствъ вынужденъ направлять свою агитацію не противъ государства вообще, а только противъ *абсолютнаго* государства, воевать не съ государственной, а съ бюрократической идеей, не во имя полнаго экономическаго освобожденія народа, а во имя устраненія тѣхъ тягостей, которыми обременяетъ народъ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопросъ лежалъ въ основаніи всѣхъ или почти всѣхъ проявленій народнаго недовольства. Иначе и быть не могло въ средѣ земледѣльческаго населенія, гдѣ «власть земли» сказывается рѣшительно во всемъ складѣ и нуждахъ частной и общественной жизни. Этотъ аграрный вопросъ настойчиво требовалъ своего разрѣшенія, но онъ не вызывалъ *политическаго* недовольства. Крестьяне съ спокойною увѣренностью ожидали рѣшенія этого вопроса сверху; они «бунтовались» не во имя земельнаго передѣла, а

противъ притѣсненій администраціи, противъ непомѣрныхъ тягостей податной системы, противъ азіатскаго способа взысканія недоимокъ и т. д., и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаевъ активнаго протеста, являлось «правовое государство», а не «Земля и Воля», какъ намъ всѣмъ казалось въ то время. Но если это было такъ, и если революціонеры считали своею обязанностью принимать участіе въ разрозненной и неосмысленной борьбѣ отдѣльныхъ общинъ противъ абсолютной монархіи, то не пора ли было имъ понять смыслъ своихъ собственныхъ усилій и направить ихъ съ большею цѣлесообразностью? Не пора ли имъ было призвать къ этой борьбѣ всѣ прогрессивныя, живыя силы Россіи и, найдя для нея наиболѣе общее выраженіе, атаковать абсолютизмъ въ самомъ центрѣ его организаціи? Отвѣчая утвердительно на эти вопросы, «народовольцы» только подводили итогъ революціонному опыту предшествующихъ лѣтъ; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этихъ итоговъ и сознательно продолжали идти по дорогѣ, на которую мы выступили, имѣя ошибочное понятіе объ ея направленіи. «Терроризмъ» совершенно логически выросъ изъ нашего «бунтарства».

Но съ появленіемъ Н. В. логическое развитіе нашего революціоннаго движенія переходило уже въ тотъ фазисъ, въ которомъ оно не могло болѣе удовлетворяться народническими теоріями добраго стараго,—т. е. чуждаго политическихъ интересовъ,—времени. Примѣры переростанія теоріи практикой очень нерѣдки въ исторіи человѣческой мысли вообще и революціонной мысли въ частности. Внося то или другое измѣненіе въ свою тактику, подвергая тѣмъ или другимъ передѣлкамъ свою программу, революціонеры часто и не подозрѣваютъ, какому серьезному испытанію подвергаютъ они общепризнанныя въ ихъ средѣ ученія. Многіе изъ нихъ такъ и умираютъ въ тюрьмахъ или на висѣлицахъ, вполнѣ увѣренные въ томъ, что они дѣйствовали въ духѣ именно этихъ ученій, между тѣмъ какъ въ сущности они были представителями новыхъ тенденцій,

возникшихъ на почвѣ старыхъ теорій, но уже переросшихъ ихъ и готовыхъ найти новое теоретическое выраженіе. Такъ было и у насъ съ тѣхъ поръ, какъ окрѣпло «народовольческое» направленіе. Съ точки зрѣнія старыхъ народническихъ теорій направленіе это не выдерживало критики. Народничество стояло въ рѣзкомъ отрицательномъ отношеніи ко всякой государственной идеѣ; народовольцы разсчитывали осуществить свои соціально-реформаторскіе планы съ помощью государственной машины. Народничество открещивалось отъ всякой «политики»; народовольцы видѣли въ «демократическомъ политическомъ переворотѣ» самое надежное «средство соціальной реформы». Народничество основывало свою программу на такъ называемыхъ «идеалахъ» и требованіяхъ крестьянскаго населенія; народовольцы должны обращаться, главнымъ образомъ, къ городскому и промышленному населенію, а, слѣдовательно, и отвести интересамъ этого населенія несравненно болѣе широкое мѣсто въ своей программѣ. Словомъ, въ дѣйствительности «народовольство» было новымъ и всестороннимъ отрицаніемъ народничества, и пока спорящія стороны апеллировали къ основнымъ положеніямъ послѣдняго, «новаторы» были совершенно неправы: ихъ практическая дѣятельность стояла въ непримиримомъ противорѣчіи съ ихъ теоретическими взглядами. Нуженъ былъ полный пересмотръ этихъ взглядовъ, чтобы придать программѣ «Народной Воли» характеръ цѣльности и послѣдовательности; практическая революціонная дѣятельность ея сторонниковъ должна была, по крайней мѣрѣ, *сопровождаться* теоретической революціей въ умахъ нашихъ соціалистовъ; взрывая Зимній дворецъ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ взорвать и наши старыя анархическія и народническія традиціи. Но «ходъ идей» и здѣсь отсталъ отъ «хода вещей», и пока еще трудно предвидѣть, когда онъ, наконецъ, его нагонитъ. Не рѣшаясь разорвать съ народничествомъ, новая фракція необходимо должна была прибѣгать къ фикціямъ, приносящимъ съ собою хоть кажущееся разрѣшеніе прису-

щихъ ея программѣ противорѣчій. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела къ полному отрицанію политики, то теперь оказывалось, что самобытность русскаго общественнаго развитія именно въ томъ и заключается, что экономическіе вопросы рѣшались и должны рѣшаться у насъ путемъ государственнаго вмѣшательства. Весьма распространенное у насъ въ Россіи незнакомство съ экономической исторіей Запада способствовало тому, что подобнаго рода «теоріи» никого не приводили въ изумленіе. Періодъ капиталистическаго накопленія въ Россіи противопоставлялся періоду капиталистическаго производства на Западѣ, и неизбѣжное несходство этихъ двухъ фазисовъ развитія экономической жизни приводилось, какъ убѣдительнѣйшее доказательство, во-первыхъ, нашей самобытности, а во-вторыхъ, обусловленной этой самобытностью цѣлесообразности «народовольческой программы».

Нужно-ли прибавлять, что наши революціонные писатели, какъ и большинство русскихъ писателей вообще, смотрѣли на «Западъ» съ точки зрѣнія еврейскаго мальчика въ извѣстномъ разсказѣ Вейнберга? Бѣдному школьнику весь свѣтъ казался подраздѣленнымъ на двѣ равныя части: «Россію и за-границу», при чемъ достойныя вниманія черты различія существовали для него лишь между этими «половинами» земного шара,—«заграница» же представлялась ему совершенно однообразнымъ цѣлымъ. Русскіе «самобытные» писатели сдѣлали въ этой остроумной географической классификаціи лишь одно нововведеніе: они подраздѣлили «за-границу» на Востокъ и Западъ и, не долго думая, принялись сравнивать этотъ послѣдній съ нашей «громкой державой», игравшей при этомъ роль какой-то «Срединной Имперіи». Историческое развитіе Италіи отождествлялось, такимъ образомъ, съ историческимъ развитіемъ Франціи, въ экономической политикѣ Англіи не усматривалось никакой разницы съ экономической политикой Пруссіи, дѣятельность Кольбера валилась въ одну кучу съ дѣятельностью Ричарда Кобдена, своеобразно

«патріотическая» физіономія Фридриха Листа терялась въ толпѣ «западно-европейскихъ» политико-экономиковъ, старавшихся, по совѣту Тюрго, «забыть, что существуютъ на свѣтѣ государства, раздѣленныя границами и различно организованныя». Какъ всѣ кошки въ темнотѣ кажутся сѣрыми и совершенно похожатъ другъ на друга, такъ и общественныя отношенія различныхъ государствъ «Запада» утрачивали всякія несходства при отраженномъ свѣтѣ нашей самобытности. Очевидно было одно: «Франки» давно уже «обуржуазились», между тѣмъ какъ «храбрые Россы» сохранили невинность «первыхъ человѣковъ» и, въ качествѣ избраннаго народа, идутъ самобытнымъ путемъ къ своему спасенію. Чтобы достигнуть обѣтованной земли, имъ нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русскихъ соціалистовъ стоятъ въ противорѣчіи съ научными положеніями западно-европейскаго соціализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическимъ образчикомъ фикцій, наскоро придуманныхъ для соглашенія практической программы «Народной Воли» съ народническими теоріями, было извѣстное пророчество о томъ, что въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками соціальной революціи, если только мы добьемся всеобщаго избирательнаго права. Здѣсь теорія нашей самобытности дошла уже до Геркулесовыхъ столбовъ, за которыми ей грозила гибель со стороны самаго простого здраваго смысла. Народники «старой вѣры», твердо держась догмата «самобытности», допускали, все-таки, что эта самобытность нуждается еще въ нѣкоторой окончательной отдѣлкѣ. Одни находили, что у русскаго народа находится еще въ слишкомъ зачаточномъ состояніи бугоръ...—виноваты!—чувство храбрости и независимости, другіе стремились къ тому, чтобы реализовать самобытное настроеніе русскаго народа въ видѣ не менѣе самобытной революціонной организаціи. Но всѣ одинаково признавали необходимость

предварительной работы въ народѣ. Народовольцы пошли далѣе. Въ передовыхъ статьяхъ первыхъ же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во-первыхъ, безплодна («биться въ народѣ, какъ рыба объ ледъ»), а во-вторыхъ, и излишня, потому что 90% депутатовъ, сочувствующихъ соціальной революціи, болѣе чѣмъ достаточно для осуществленія стремленій русскихъ народниковъ. Программа «Народной Воли» не могла придать себѣ народническаго характера иначе, какъ доводя до абсурда всѣ характеристическія особенности народническаго міросозерцанія.

Въ этомъ заключается отрицательная заслуга народовольческихъ фикцій. Они будили критическую мысль русскихъ революціонеровъ, представляя имъ въ утрированномъ видѣ «самобытныя» черты ихъ народнической программы. Но едва ли можно даже заводить рѣчь о положительной заслугѣ этихъ фикцій. Онѣ укрѣпляли временно энергію бойцовъ, нуждавшихся въ теоретическомъ обоснованіи своей практической дѣятельности, но сшитыя на живую нитку, онѣ не выдерживали ни малѣйшаго прикосновенія серьезной критики и своимъ паденіемъ компрометировали дѣло борьбы, которая велась подъ ихъ знаменемъ. Нанеся своею практическою дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества и сдѣлавши такъ много для развитія революціоннаго движенія въ Россіи, «Народная Воля» не можетъ найти себѣ оправданія, да и не должна искать его, помимо современнаго научнаго соціализма. Но чтобы стать на эту новую точку зрѣнія, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, такъ какъ теоретическіе промахи и пробѣлы этой программы не могли не придать ей извѣстной практической односторонности.

Прежде чѣмъ говорить, въ какомъ смыслѣ долженъ быть предпринятъ этотъ пересмотръ, постараемся,—согласно нашему плану,—выяснить отношеніе научнаго соціализма къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса.

II.

Но что такое научный соціализмъ? Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ то куммунистическое ученіе, которое начало вырабатываться въ началѣ сороковыхъ годовъ изъ утопическаго соціализма подъ сильнымъ вліяніемъ гегелевской философіи, съ одной стороны, и классической экономіи—съ другой; то ученіе, которое впервые дало реальное объясненіе всему ходу развитія человѣческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиковъ буржуазіи и «во всеоружіи знанія своего вѣка» выступило на защиту пролетаріата. Это ученіе не только съ полною ясностью показало всю научную несостоятельность противниковъ соціализма, но, указывая ошибки, оно въ тоже время давало имъ историческое объясненіе и такимъ образомъ, какъ сказалъ нѣкогда Гаймъ о философіи Гегеля «привязывало къ своей тріумфальной колесницѣ каждое побѣжденное имъ мнѣніе». Какъ Дарвинъ обогатилъ біологію поразительно простой и вмѣстѣ съ тѣмъ строго-научной теоріей происхожденія видовъ, такъ и основатели научнаго соціализма показали намъ въ развитіи производительныхъ силъ и въ борьбѣ этихъ силъ противъ отсталыхъ «общественныхъ условій производства» великій принципъ измѣненія *видовъ общественной организаціи*. Едва ли нужно говорить, кого считаемъ мы основателями этого соціализма. Заслуга эта безспорно принадлежитъ Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, ученіе которыхъ именно такъ относится къ современному революціонному движенію въ цивилизованномъ человѣчествѣ, какъ относилась когда-то, по словамъ одного изъ нихъ, передовая нѣмецкая философія къ освободительному движенію въ Германіи: оно составляетъ его *голову*, между тѣмъ какъ пролетаріатъ составляетъ его *сердце*. Но само собою разумѣется, что развитіе научнаго соціализма еще не закончено и также мало можетъ остановиться на трудахъ Энгельса и Маркса, какъ теорія происхожденія видовъ могла считаться окончательно вы-

работанной съ выходомъ въ свѣтъ главныхъ сочиненій англійскаго біолога. За установленіемъ основныхъ положеній новаго ученія должна послѣдовать детальная разработка относящихся къ нему вопросовъ, разработка, дополняющая и завершающая переворотъ, совершенный въ наукѣ авторами «Коммунистическаго Манифеста» [1]). Нѣтъ ни одной отрасли соціологіи, которая не пріобрѣтала бы новаго и чрезвычайно обширнаго поля зрѣнія, усваивая ихъ философско-историческіе взгляды. Благотворное вліяніе этихъ взглядовъ и теперь уже начинаетъ сказываться въ области исторіи, права и такъ называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современнаго соціализма слишкомъ еще мало извѣстна у насъ въ Россіи, и потому мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать здѣсь нѣсколько выписокъ, знакомящихъ съ нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную, между прочимъ, «отъ Канта и Гегеля», научный соціализмъ является тѣмъ не менѣе самымъ смертельнымъ и рѣшительнымъ противникомъ идеализма. Онъ изгоняетъ его изъ его послѣдняго убѣжища—соціологіи, въ которой его принимали съ такимъ радушіемъ позитивисты. Научный соціализмъ предполагаетъ «матеріалистическое пониманіе исторіи», т. е. онъ объясняетъ духовную исторію человѣчества развитіемъ его общественныхъ отношеній (между прочимъ, подъ вліяніемъ окружающей природы). Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія Вико, «ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу

---

[1]) *Прим. ко 2-му изд.* Впослѣдствіи гг. «критики Маркса» упрекали насъ «ортодоксовъ», въ томъ, что мы возставали противъ всякой попытки дальнѣйшаго развитія взглядовъ Маркса. Читатель видитъ, что я не обнаруживалъ склонности къ подобному возстанію. Но само собою разумѣется, что въ качествѣ ученика Маркса, понимавшаго великое значеніе его теоріи, я долженъ былъ возстать противъ всякой попытки замѣнить нѣкоторыя положенія марксизма старыми, давно отжившими буржуазными «догмами». И эту свою обязанность я исполнилъ, какъ могъ.

вещей», а не наоборотъ. Главной же причиной того или иного направленія ихъ развитія является состояніе производительныхъ силъ и соотвѣтствующая имъ экономическая структура общества. Въ своей общественной жизни люди наталкиваются, говоритъ Марксъ [1]), на извѣстныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, именно на отношенія производства, соотвѣтствующія той или другой ступени развитія производительныхъ силъ. Вся совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія. Соотвѣтствующій матеріальной жизни способъ производства обусловливаетъ собою процессы соціальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятія опредѣляютъ общественную жизнь людей, но наоборотъ, ихъ общественная жизнь обусловливаетъ собою ихъ понятія... Правовыя отношенія, равно какъ и формы государственной жизни, не могутъ быть объяснены ни сами собою, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человѣческаго духа, но коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ 18 столѣтія, обозначилъ именемъ гражданскаго общества; анатомію же гражданскаго общества нужно искать въ его экономіи... На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства, или—говоря юридическимъ языкомъ—съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались. Изъ формъ, способствующихъ развитію производительныхъ силъ, эти имущественныя отношенія дѣлаются его тормазами. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія измѣняется болѣе или менѣе быстро вся возвышающаяся на немъ огромная надстройка.

[1]) См. «Zur Kritik der Politischen Oekon.», Vorwort, S. S. IV—VI.

Ни одна общественная формація не исчезаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, которымъ она предоставляетъ достаточно простора; и новыя высшія отношенія производства никогда не занимаютъ мѣста старыхъ раньше, чѣмъ выработаются въ нѣдрахъ стараго общества матеріальныя условія ихъ существованія. Поэтому, можно сказать, что человѣчество всегда ставитъ себѣ лишь исполнимыя задачи, ибо, при внимательномъ разсмотрѣніи, всегда оказывается, что самая задача является лишь тамъ, гдѣ матеріальныя условія ея рѣшенія уже существуютъ или находятся въ процессѣ своего возникновенія».

Теперь понятно, почему Марксъ и Энгельсъ отзывались съ такой презрительной насмѣшкой объ «истинныхъ соціалистахъ» Германіи конца сороковыхъ годовъ, ставшихъ въ отрицательное отношеніе къ борьбѣ нѣмецкой буржуазіи противъ абсолютизма и «проповѣдующихъ народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но рискуетъ все потерять». Историческое ученіе Маркса и Энгельса представляетъ собою настоящую «алгебру революціи», какъ выразился когда-то Герценъ о философіи Гегеля. Поэтому, они сочувствовали «всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній»; потому же они отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ и къ русскому движенію, сдѣлавшему Россію, по ихъ выраженію, передовымъ отрядомъ европейской революціи.

Но, несмотря на всю ихъ ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ въ области революціонной теоріи и практики. Такъ, напримѣръ, у насъ часто говорятъ, что теоріи научнаго соціализма непримѣнимы къ Россіи, потому что онѣ выросли на почвѣ западно-европейскихъ экономическихъ отношеній. Ученію Маркса подсказывается тотъ смѣшной выводъ, что Россія должна пройти совершенно тѣ-же фазы историко-экономическаго разви-

нія, которыя были пройдены Западомъ. Подъ вліяніемъ убѣжденія въ неизбѣжности этого вывода, уже не одинъ русскій философъ, незнакомый ни съ Марксомъ, ни съ исторіей Западной Европы, ополчался на автора «Капитала», обвиняя его въ узости и шаблонности взглядовъ. Но, разумѣется, это была борьба съ вѣтряными мельницами. Наши донъ-Кихоты не понимали, что исторія западно-европейскихъ отношеній положена Марксомъ лишь въ основу *исторіи капиталистическаго производства*, которое родилось и выросло именно въ этой части свѣта. Общіе философско-историческіе взгляды Маркса имѣютъ ровно такое же отношеніе къ современной Западной Европѣ, какъ къ Греціи и Риму, Индіи и Египту. Они обнимаютъ всю культурную исторію человѣчества и могутъ быть непримѣнимы къ Россіи только въ случаѣ ихъ общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни авторъ «Капитала», ни его знаменитый другъ и сотрудникъ не исключаютъ изъ своего поля зрѣнія экономическихъ особенностей той или другой страны; они только ищутъ въ нихъ объясненія всѣхъ ея общественно-политическихъ и умственныхъ движеній. Что они не игнорируютъ значенія нашей поземельной общины, видно уже изъ того обстоятельства, что не далѣе какъ въ январѣ 1882 года, они не считали возможнымъ сдѣлать рѣшительное предсказаніе относительно ея будущей судьбы. Въ предисловіи къ нашему переводу «Манифеста коммунистической партіи» (Женева, 1882 г.), они даже прямо говорятъ, что русская община можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, «непосредственно перейти въ высшую коммунистическую форму землевладѣнія». Эти обстоятельства стоятъ, по ихъ мнѣнію, въ тѣсной связи съ ходомъ революціоннаго движенія на западѣ Европы и въ Россіи. «Если русская революція—говорятъ они—послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ пополнятъ другъ друга, то современное русское землевладѣніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія» (Ман. ком. пар-

тіи, VIII). Едва-ли хоть одному «народнику» придетъ въ голову отрицать такого рода условность рѣшенія вопроса объ общинѣ. Едва-ли кто нибудь можетъ утверждать, что гнетъ современнаго государства благопріятенъ для развитія или хотя бы для сохраненія поземельной общины. Точно такъ же, едва-ли хоть одинъ человѣкъ, понимающій значеніе международныхъ отношеній въ экономической жизни современныхъ цивилизованныхъ обществъ, можетъ отрицать, что развитіе русской общины «въ высшую коммунистическую форму» тѣсно связано съ судьбою рабочаго движенія на Западѣ. Оказывается, такимъ образомъ, что во взглядѣ Маркса на Россію нѣтъ ничего противорѣчащаго самой очевидной дѣйствительности, и нелѣпый предразсудокъ относительно его крайняго «западничества» лишается всякой тѣни разумнаго основанія.

Но существуетъ другое недоразумѣніе, которое непосредственно касается интересующаго насъ вопроса о значеніи политической борьбы въ дѣлѣ переустройства соціальныхъ отношеній и коренится въ ошибочномъ пониманіи взгляда Маркса на роль экономическаго фактора въ развитіи человѣческой культуры. Взглядъ этотъ часто истолковывался многими въ томъ смыслѣ, что авторъ «Капитала» придаетъ политическому строю общества лишь самое ничтожное значеніе, считаетъ его незаслуживающею вниманія второстепенною частностью, которая не можетъ служить не только цѣлью, но даже и средствомъ плодотворной дѣятельности. Нерѣдко и до сихъ поръ можно встрѣтить у насъ «марксистовъ», которые именно на этомъ основаніи игнорируютъ политическія задачи соціализма. Экономическія отношенія, говорятъ они, лежатъ въ основаніи всякой общественной организаціи. Измѣненіе этихъ отношеній составляетъ причину всякаго политическаго переустройства. Чтобы освободиться отъ ига капитала, рабочій классъ долженъ имѣть въ виду не слѣдствіе,—а причину, не политическую, а экономическую организацію общества. Политическая агитація не приблизитъ рабочихъ къ ихъ цѣли, такъ какъ ихъ по-

литическое порабощеніе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена экономическая зависимость ихъ отъ имущихъ классовъ. Употребляемыя рабочими *средства* борьбы должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ ея *цѣлью*. Экономическая революція можетъ быть достигнута только путемъ борьбы на экономической же почвѣ.

При нѣкоторой послѣдовательности, понимаемый, такимъ образомъ, «марксизмъ» долженъ былъ бы измѣнить самый взглядъ соціалистовъ на цѣли и средства соціальной революціи и вернуть ихъ къ знаменитой формулѣ Прудона: «политическая революція—цѣль, экономическая революція средство». Точно такъ же онъ долженъ былъ бы значительно сблизить, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, соціалистовъ-революціонеровъ съ послѣдователями «консервативнаго соціализма», который такъ рѣшительно противится политической самодѣятельности рабочаго класса. Послѣдній честный и умный представитель этого соціализма, Родбертусъ, именно потому и не сошелся съ Лассалемъ, что знаменитый агитаторъ старался выдвинуть нѣмецкихъ рабочихъ на путь самостоятельной политической дѣятельности. Не Марксъ, а Родбертусъ, не *революціонный*, а *консервативный*, *монархическій* соціализмъ отрицаетъ значеніе «политическихъ примѣсей къ революціоннымъ цѣлямъ» рабочаго класса. И консерваторы прекрасно понимаютъ, почему они такъ дѣлаютъ; но тѣ, которые хотятъ примирить революціонное движеніе рабочаго класса съ отрицаніемъ «политики», тѣ, которые подсказываютъ Марксу практическія тенденціи Прудона или даже Родбертуса,—наглядно показываютъ, что они не понимаютъ автора «Капитала» или сознательно извращаютъ его ученіе. Мы говоримъ о сознательномъ извращеніи, потому что извѣстная книга московскаго профессора г. Иванюкова есть ничто иное, какъ именно такое сознательное извращеніе всѣхъ слѣдствій, вытекающихъ изъ основныхъ положеній научнаго соціализма. Книга эта показываетъ, что наши русскіе *полицей*-соціа-

листы не прочь эксплуатировать для своихъ реакціонныхъ цѣлей даже такую теорію, подъ знаменемъ которой совершается самое революціонное движеніе нашего вѣка. Одно это обстоятельство могло бы сдѣлать необходимымъ подробное выясненіе *политической* программы современнаго соціализма. Мы и приступимъ теперь къ этому выясненію, не пускаясь, однако, ни въ какую полемику съ гг. Иванюковыми, такъ какъ достаточно выяснить истинный смыслъ той или другой теоріи, чтобы тѣмъ самымъ опровергнуть умышленныя ея искаженія. Притомъ же насъ гораздо болѣе интересуютъ здѣсь тѣ революціонеры, которые, при всей искренности своихъ стремленій, слишкомъ еще пропитаны, хотя, быть можетъ, и безсознательно, анархическими ученіями, и потому готовы видѣть въ сочиненіяхъ Маркса мысли, умѣстныя только въ «Общихъ идеяхъ революціи въ XIX вѣкѣ». Критика выводовъ, сдѣланныхъ ими изъ философско-историческихъ взглядовъ Маркса логически приведетъ насъ къ вопросу о такъ называемомъ *захватѣ власти* и покажетъ намъ, насколько правы тѣ, которые усматриваютъ въ этомъ актѣ какое-то преступленіе противъ идеи человѣческой свободы, а равно и тѣ, которые, наоборотъ, видятъ въ немъ альфу и омегу всего соціально-революціоннаго движенія.

Посмотримъ, прежде всего, какое значеніе имѣютъ понятія о причинѣ и слѣдствіи въ примѣненіи къ общественнымъ отношеніямъ.

Если мы толкнемъ рукой или кіемъ билліардный шаръ, то онъ придетъ въ движеніе; если мы ударимъ сталью о кремень, то появится искра. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ очень легко опредѣлить, какое явленіе служитъ причиной и какое—слѣдствіемъ. Но эта легкость рѣшенія задачи обусловливается лишь крайнею ея простотою. Если вмѣсто двухъ одиноко стоящихъ явленій, мы возьмемъ процессъ, въ которомъ одновременно замѣчается нѣсколько явленій, или даже нѣсколько рядовъ явленій, то дѣло значительно усложнится. Такъ, напримѣръ, горѣніе свѣчи

есть, относительно говоря, довольно сложный процессъ, въ результатѣ котораго является свѣтъ и теплота. Казалось бы, поэтому, что мы, безо всякаго риска ошибиться, можемъ назвать выдѣляемую пламенемъ теплоту однимъ изъ слѣдствій этого химическаго процесса. Такъ оно и есть до извѣстной степени. Но если бы какимъ нибудь способомъ мы ухитрились лишить пламя выдѣляемой имъ теплоты, то горѣніе тотчасъ прекратилось бы, такъ какъ интересующій насъ процессъ не можетъ происходить при обыкновенной температурѣ. Поэтому, оказался бы до извѣстной степени правымъ и тотъ, кто сказалъ бы, что теплота есть *причина* горѣнія. Чтобы не уклоняться отъ истины ни въ ту, ни въ другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся въ данный моментъ, *слѣдствіемъ горѣнія, въ слѣдующій затѣмъ моментъ* является его *причиной*. Значитъ, по отношенію къ процессу горѣнія въ продолженіе нѣсколькихъ моментовъ, мы должны сказать, что теплота является *и слѣдствіемъ* его *и причиной*, или, другими словами, *ни слѣдствіемъ, ни причиной*, а просто однимъ изъ явленій, вызываемыхъ этимъ процессомъ и, въ свою очередь, составляющихъ необходимое для него условіе. Возьмемъ другой примѣръ. Всякому, «даже не обучавшемуся въ семинаріи», извѣстно, что такъ называемые растительные процессы человѣческаго организма оказываютъ огромное вліяніе на психическія явленія. То или другое настроеніе духа оказывается *слѣдствіемъ* того или другого физическаго состоянія организма. Но разъ существуетъ извѣстное настроеніе духа, то самые растительные процессы часто испытываютъ на себѣ его вліяніе, и оно дѣлается, такимъ образомъ, *причиной* тѣхъ или другихъ измѣненій въ физическомъ состояніи организма. Чтобы и здѣсь не погрѣшить ни въ ту и ни въ другую сторону, мы должны сказать, что психическія явленія и растительная жизнь организма представляютъ собою два ряда сосуществующихъ процессовъ, при чемъ каждый изъ этихъ рядовъ испытываетъ вліяніе другого. И если бы какой нибудь

медикъ сталъ игнорировать психическія вліянія на томъ основаніи, что душевное настроеніе человѣка есть слѣдствіе физическаго состоянія его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности къ разумной медицинской практикѣ.

Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чѣмъ жизнь индивидуальнаго организма. Поэтому, въ ней еще болѣе замѣтна относительность понятій о причинѣ и слѣдствіи. По ученію классической экономіи, высота заработной платы опредѣляется, въ среднемъ выводѣ, уровнемъ насущнѣйшихъ потребностей рабочаго. Значитъ, данная высота заработной платы есть *слѣдствіе* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Но, съ своей стороны, потребности эти могутъ повыситься лишь въ случаѣ повышенія заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для измѣненія ихъ уровня. Слѣдовательно, данная высота заработной платы есть *причина* даннаго состоянія потребностей рабочаго. Изъ этого логическаго круга нельзя вырваться съ помощью школьныхъ категорій причины и слѣдствія. А мы будемъ попадать въ него на каждомъ шагу нашихъ соціологическихъ разсужденій, если забудемъ, что «причина и слѣдствіе суть понятія, имѣющія значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ; но разъ мы разсматриваемъ этотъ случай въ его общей міровой связи, то причина и слѣдствіе совпадаютъ, ихъ противоположность исчезаетъ при созерцаніи всемірнаго взаимодѣйствія, въ которомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь—слѣдствіе, станетъ тамъ или тогда причиной, и наоборотъ» (Фр. Энгельсъ) [1]).

Сдѣлавши эту оговорку, постараемся опредѣлить теперь, въ какомъ смыслѣ нужно понимать причинную

---

[1]) См. Herrn Eugen Duehring's Umwaelzung der Wissenschaft S 6.

связь между экономическими отношеніями и политическимъ строемъ даннаго общества.

Чему учитъ насъ, въ этомъ случаѣ, исторія? Она показываетъ намъ, что всегда и вездѣ, гдѣ процессъ экономическаго развитія вызывалъ расчлененіе общества на классы,—противорѣчіе интересовъ этихъ классовъ неизбѣжно приводило ихъ къ борьбѣ за политическое господство. Эта борьба возникла не только между различными слоями господствующихъ классовъ, но также между этими классами, съ одной стороны, и народомъ—съ другой, если только послѣдній былъ поставленъ въ условія, хоть немного благопріятныя для его умственнаго развитія. Въ государствахъ древняго Востока мы видимъ борьбу между воинами и жрецами; весь драматизмъ исторіи античнаго міра заключается въ борьбѣ аристократіи и демоса, патриціевъ и плебеевъ; средніе вѣка выдвигаютъ горожанъ, которые стремятся завоевать политическое господство въ предѣлахъ своихъ коммунъ; наконецъ, современный рабочій классъ ведетъ политическую борьбу съ буржуазіей, достигшей полнаго господства въ новѣйшемъ государствѣ. Всегда и вездѣ политическая власть была рычагомъ, съ помощью котораго добившійся господства классъ совершалъ общественный переворотъ, необходимый для его благосостоянія и дальнѣйшаго развитія. Чтобы не заходить далеко, вспомнимъ исторію «третьяго сословія», этого класса, который съ гордостью можетъ смотрѣть на свое прошлое, полное блестящихъ завоеваній во всѣхъ отрасляхъ жизни и мысли. Едва ли кому-нибудь можетъ придти въ голову упрекнуть буржуазію въ отсутствіи такта и умѣнья достигать своихъ цѣлей наиболѣе подходящими средствами. Никто не станетъ также отрицать, что ея стремленія имѣли вполнѣ опредѣленный экономическій характеръ. Это не помѣшало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политическихъ завоеваній. То съ оружіемъ въ рукахъ, то путемъ мирныхъ договоровъ, то во имя республиканской независимости своихъ городовъ, то во имя усиленія королевской

власти—нарождающаяся буржуазія вела въ теченіе цѣлыхъ столѣтій безпрерывную упорную борьбу съ феодализмомъ, и уже задолго до французской революціи могла съ гордостью указывать врагамъ на свои успѣхи. «Различны были шансы, и неодинаковъ успѣхъ въ великой борьбѣ горожанъ противъ феодаловъ,—говоритъ историкъ [1]),—и не только сумма вольностей, вырванныхъ силою или полученныхъ путемъ мирнаго соглашенія, была не повсюду одинакова, но даже и при однѣхъ и тѣхъ же политическихъ формахъ города пользовались часто различною степенью свободы и независимости». Тѣмъ не менѣе, смыслъ движенія былъ тождественъ повсюду и знаменовалъ собою начало соціальной эмансипаціи третьяго сословія и упадка аристократіи, свѣтской и духовной [2]). Въ общемъ, это движеніе принесло горожанамъ «муниципальную независимость, право выбора всѣхъ мѣстныхъ властей, точную опредѣленность въ повинностяхъ», обезпечило права личности внутри городскихъ коммунъ [3]), дало буржуазіи болѣе высокое положеніе въ сословныхъ государствахъ «стараго режима», и рядомъ постоянныхъ завоеваній привело ее, наконецъ, къ полному господству въ современномъ обществѣ. Ставя себѣ совершенно опредѣленныя, хотя со временемъ и измѣняющіяся, соціально-экономическія цѣли, почерпая сред-

---

[1]) См. Essai sur l'histoire du Tiers Etat, par Aug. Thierry, p. 33—34.

[2]) Сторонники феодализма прекрасно понимали цѣли горожанъ и связь ихъ политическихъ и экономическихъ требованій. «Коммуна есть слово новое и гнусное,—говоритъ аббатъ Гиберъ,—и вотъ что оно означаетъ: люди, обязанные нести повинности, платятъ своему господину должную ими ренту одинъ только разъ въ годъ. Когда они совершаютъ какое-нибудь преступленіе, они платятъ установленный закономъ штрафъ, а что касается денежныхъ обложеній, которымъ подвергаются обыкновенно крѣпостные, то они освобождаются отъ нихъ совершенно». Laurent, la féodalité et l'église. p. 546.

[3]) Лютихскій Статутъ устанавливаетъ принципъ неприкосновенности жилища въ слѣдующемъ энергическомъ выраженіи: «*Бѣднякъ въ своемъ жилищѣ—король*». Laurent, ibid. p. 540.

ства для своей дальнѣйшей борьбы изъ пріобрѣтенныхъ уже выгодъ своего матеріальнаго положенія, буржуазія не упустила ни одного случая дать правовое выраженіе достигнутымъ ею ступенямъ экономическаго прогресса и, наоборотъ, съ такимъ же искусствомъ пользовалась каждымъ своимъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для новыхъ завоеваній въ области экономической жизни. Не далѣе, какъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, англійская «Лига противъ хлѣбныхъ законовъ» добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиленія своего *политическаго* вліянія въ «графствахъ» ради отмѣны ненавистной ей «монополіи», имѣвшей, повидимому, исключительно *экономическій* характеръ.

Исторія есть величайшій діалектикъ, и если, въ ходѣ ея движенія, разумъ превращается по выраженію Мефистофеля, въ безсмыслицу, а благодѣяніе становится источникомъ страданій,—то не менѣе часто въ историческомъ процессѣ слѣдствіе становится причиной, а причина оказывается слѣдствіемъ. Выростая изъ экономическихъ отношеній современнаго ему общества, политическое могущество буржуазіи, въ свою очередь, служило и служитъ незамѣнимымъ факторомъ дальнѣйшаго развитія этихъ отношеній.

Теперь, когда буржуазія близится къ окончанію своей исторической роли, и пролетаріатъ становится единственнымъ представителемъ прогрессивныхъ стремленій въ обществѣ, мы можемъ наблюдать явленіе, аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при измѣнившихся условіяхъ. Во всѣхъ передовыхъ государствахъ цивилизованнаго міра, въ Европѣ такъ же, какъ и въ Америкѣ, рабочій классъ выступаетъ на поприще политической борьбы, и чѣмъ сознательнѣе относится онъ къ своимъ экономическимъ задачамъ, тѣмъ рѣшительнѣе выдѣляется онъ въ особую политическую партію. «Такъ какъ существующія нынѣ политическія партіи всегда дѣйствовали лишь въ интересахъ имущихъ для охраненія ихъ экономическихъ привилегій—читаемъ мы въ программѣ Сѣверо-Американской соціалистической рабочей партіи,—то ра-

бочій классъ обязанъ организоваться въ большую рабочую партію, чтобы *добиться политической силы въ государствѣ* и завоевать, съ ея помощью, экономическую независимость, потому что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть совершено лишь самими рабочими» [1]). Въ томъ же духѣ и вполнѣ согласно съ программой нѣмецкой соціалъ-демократіи, высказывается французская рабочая партія, которая признаетъ, что пролетаріатъ долженъ стремиться къ экономической революціи «всѣми зависящими отъ него средствами, не исключая и всеобщаго избирательнаго права, превращаемаго, такимъ образомъ, изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, *въ орудіе освобожденія*». Испанская рабочая партія также стремится къ «завоеванію политической власти» для устраненія препятствій, стоящихъ на пути къ освобожденію рабочаго класса [2]).

Въ Англіи, гдѣ со времени прекращенія чартистскаго движенія, борьба пролетаріата сосредоточивалась исключительно на экономической почвѣ,—политическія стремленія рабочихъ начинаютъ снова оживать въ послѣднее время. Не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкій экономистъ Луи Брентано съ торжествомъ констатировалъ въ своей книгѣ «Das Arbeitsverhältniss etc» полное исчезновеніе «соціалъ-демократическихъ» тенденцій въ Англіи и съ истинно-буржуазнымъ самодовольствомъ глубокомысленно философствовалъ на ту тему, что «въ настоящее время Англія снова образуетъ *одну* націю, что «современные англійскіе рабочіе снова составляютъ часть великой либеральной партіи», а не стремятся къ захвату государственной власти, чтобы съ ея помощью «перестроить общество въ своихъ интересахъ» (стр. 110). Опубликованный недавно манифестъ англійской «демократической федераціи» показываетъ, что радость буржуаз-

[1]) Von Studnitz, Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse, S. 353.

[2]) Мы цитируемъ эту программу по книгѣ Б. Малона—Le nouveau parti, t. I, p. 15.

наго экономиста была нѣсколько преждевременна. Демократическая федерація стремится вызвать политическое отдѣленіе эксплуатируемыхъ отъ эксплуататоровъ и приглашаетъ первую изъ этихъ «націй» именно къ захвату государственной власти съ цѣлью переустройства общества въ интересахъ рабочихъ. «Пришло время,—говоритъ названный манифестъ,—когда народная масса необходимо должна взять въ свои собственныя руки завѣдываніе касающимися ея дѣлами; политическая и соціальная сила представляетъ собою въ настоящее время монополію людей, живущихъ трудомъ своихъ согражданъ. Землевладѣльцы и капиталисты, завладѣвшіе Верхней Палатой и пополняющіе нижнюю, стремятся лишь къ охраненію своихъ собственныхъ интересовъ. Возьмите свою судьбу въ свои собственныя руки, устраните этихъ богатыхъ паразитовъ обѣихъ группъ и расчитывайте только на самихъ себя»! Манифестъ требуетъ «*полнаго права голосованія для всѣхъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ*» Соединеннаго Королевства, и другихъ политическихъ реформъ, осуществленіе которыхъ «показало бы только, что мужчины и женщины этой страны стали господами у себя дома». Далѣе перечисляется,—въ качествѣ ближайшихъ требованій англійской демократической федераціи,—цѣлый рядъ мѣръ, необходимыхъ для развитія «здороваго, независимаго и серьезно образованнаго поколѣнія, готоваго организовать трудъ каждаго на пользу всѣхъ и *овладѣть, наконецъ, всей соціально-политической машиной государства*, въ которомъ перестанутъ тогда существовать классовыя различія и привиллегіи».

Такимъ образомъ, и англійскій пролетаріатъ снова выступаетъ на тотъ путь, на который давно уже вышли работники другихъ цивилизованныхъ государствъ.

Но подобно тому, какъ буржуазія не только боролась съ аристократіей на почвѣ существующихъ уже политическихъ отношеній, а стремилась также перестроить эти отношенія въ своихъ интересахъ, пролетаріатъ не ограничиваетъ свою политическую программу захватомъ совре-

менной государственной машины. Въ его средѣ все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ томъ, что «каждый порядокъ вещей, опредѣляющій взаимное положеніе гражданъ и ихъ имущественныя и трудовыя отношенія, соотвѣтствуетъ особой формѣ правленія, которая служитъ для него средствомъ осуществленія и сохраненія въ одно и то же время» [1]). Между тѣмъ, какъ представительная (монархическая или республиканская) система была дѣтищемъ буржуазіи, пролетаріатъ требуетъ *прямого народнаго законодательства*, какъ единственной политической формы, при которой возможно осуществленіе его соціальныхъ стремленій. Это требованіе рабочаго класса занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ соціальной демократіи всѣхъ странъ и стоитъ въ самой тѣсной связи со всѣми остальными пунктами ея программы [2]).

Вопреки Прудону, пролетаріатъ продолжаетъ смотрѣть на «политическую революцію», какъ на самое могущественное средство достиженія экономическаго переворота. Уже одно это свидѣтельство исторіи должно было бы предрасположить насъ къ той мысли, что не ошибочная теорія, а вѣрный практическій инстинктъ лежитъ въ основѣ политическихъ тенденцій различныхъ общественныхъ классовъ. Если несмотря на полное несходство въ другихъ отношеніяхъ, всѣ классы, ведущіе сознательную борьбу съ своими противниками, начинаютъ, на извѣстной стадіи своего развитія, стремиться обезпечить себѣ политическое вліяніе, а затѣмъ и господство,—то ясно, что политическій строй общества представляетъ собою далеко не безразличное условіе для ихъ развитія. А если мы видимъ, кромѣ того, что ни одинъ классъ, добившійся

---

[1]) См. Sozialdemokratische Abhandlungen, von M. Ritinghausen, drittes Heft, ueber die Nothwendigkeit der directen Gesetzgebung durch das Volk. S. 3.

[2]) См. программу нѣмецкой и сѣверо-американской рабочихъ партій. Манифестъ англійской демократической партіи также требуетъ «прямого голосованія по всѣмъ важнымъ вопросамъ».

политическаго господства, не имѣетъ причинъ раскаиваться въ своемъ интересѣ къ «политикѣ»; если, напротивъ, каждый изъ нихъ достигалъ высшей, кульминаціонной точки своего развитія лишь послѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляетъ собою такое средство соціальнаго переустройства, годность котораго доказана исторіей. Всякое ученіе, противорѣчащее этой исторической индукціи, лишается значительной доли убѣдительности, и если бы современный соціализмъ дѣйствительно осуждалъ политическія стремленія рабочаго класса, какъ нецѣлесообразныя, то уже по одному этому онъ не могъ бы называться научнымъ.

Провѣримъ теперь наше наведеніе дедуктивнымъ путемъ, принимая философско-историческіе взгляды Маркса за посылки для нашихъ выводовъ.

Представимъ себѣ общество, въ которомъ данный классъ пользуется полнымъ господствомъ. Онъ добился этого господства, благодаря преимуществамъ своего экономическаго положенія, которыя открываютъ, согласно нашимъ посылкамъ путь ко всѣмъ другимъ успѣхамъ общественной жизни. Въ качествѣ *господствующаго* класса, онъ, разумѣется, приспособляетъ общественную организацію къ наиболѣе выгоднымъ условіямъ своего существованія и тщательно устраняетъ изъ нея все, что можетъ такъ или иначе ослабить его вліяніе. «Господствующій классъ каждаго даннаго періода,—справедливо говоритъ Шеффле, — есть также и творецъ его права и обычаевъ. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохраненія, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно болѣе продолжительное время за своими потомками, какъ необходимое условіе ихъ привиллегированнаго положенія и средство эксплуатаціи угнетенныхъ... Почти ни одна часть положительнаго права не пользуется такимъ почетомъ со стороны господствующихъ сословій даннаго времени, ни одной не приписывается въ такой степени характеръ «вѣчныхъ» институтовъ и даже «священныхъ»

основъ общества, какъ той, которая упрочиваетъ сословныя права и защищаетъ классовое господство» [1]). И до тѣхъ поръ, пока господствующій классъ не будетъ носителемъ наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ идеаловъ, созданный имъ строй будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ соціальнаго развитія. Но какъ только экономическая исторія даннаго общества выдвинетъ новые элементы поступательнаго движенія, какъ только его производительныя силы придутъ въ столкновеніе съ существующими отношеніями производства—или, говоря юридическимъ языкомъ, — съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до тѣхъ поръ вращались», прогрессивная роль даннаго господствующаго класса будетъ окончена. Изъ представителя прогресса онъ сдѣлается заклятымъ его врагомъ и, разумѣется, воспользуется государственной машиной съ цѣлью самообороны. Политическая власть сдѣлается въ его рукахъ самымъ могучимъ орудіемъ реакціи. Чтобы открыть свободный путь развитію производительныхъ силъ общества, необходимо устранить тормозящія это развитіе имущественныя отношенія, т.-е. произвести, какъ говоритъ Марксъ, соціальную революцію. Но это невозможно до тѣхъ поръ, пока законодательная власть находится въ рукахъ представителей стараго порядка, т.-е., говоря другими словами, пока она охраняетъ интересы господствующаго класса. Неудивительно, поэтому, что новаторы, т.-е. представители угнетеннаго класса или классовъ будутъ стремиться выбить изъ рукъ своихъ противниковъ и обратить противъ нихъ это страшное оружіе. Сама логика вещей выдвинетъ ихъ на путь политической борьбы и захвата государственной власти, хотя они и задаются цѣлью экономическаго переворота. Лассаль сказалъ глубокую истину, когда замѣтилъ въ предисловіи къ своей «Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ», что «тамъ, гдѣ юридическія отношенія, переходя въ область частнаго права, теряютъ, повидимому, всякую

[1]) См. Шеффле, Bau und Leben des soc. Koerpers. B. III, S. S. 91. u. 102.

связь съ политикой, въ нихъ *оказывается гораздо болѣе политическаго, чѣмъ въ самой политикѣ*, потому что они представляютъ собою элементъ тогда *соціальный* [1]).

Въ практической жизни дѣло происходитъ, конечно, далеко не такъ скоро, какъ это можно было бы предположить, разсуждая a priori. Угнетенный классъ лишь постепенно уясняетъ себѣ связь между своимъ *экономическимъ* положеніемъ и своею *политической* ролью въ государствѣ. Долгое время онъ не понимаетъ во всей ея полнотѣ даже своей экономической задачи. Составляющіе его индивидуумы ведутъ тяжелую борьбу за свое повседневное существованіе, не задумываясь даже о томъ, какимъ сторонамъ общественной организаціи обязаны они своимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Они стараются избѣгать наносимыхъ имъ ударовъ, не спрашивая себя, откуда и кѣмъ направляются въ послѣднемъ счетѣ эти удары. Въ нихъ нѣтъ еще классоваго сознанія, въ ихъ борьбѣ противъ отдѣльныхъ угнетателей нѣтъ никакой руководящей идеи. Угнетенный классъ еще не существуетъ *для себя;* онъ *будетъ* современнымъ передовымъ классомъ общества, но онъ еще не *становится* имъ. Сознательно-организованной силѣ господствующаго класса противостоятъ лишь разрозненныя, единичныя стремленія отдѣльныхъ личностей или отдѣльныхъ группъ личностей. Такъ, напр., и теперь еще не рѣдкость встрѣтить рабочаго, который ненавидитъ особенно энергичнаго эксплуататора, но не подозрѣваетъ еще необходимости борьбы противъ цѣлаго класса эксплуататоровъ и устраненія самой возможности эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Мало-по-малу процессъ обобщенія дѣлаетъ, однако, свое дѣло, и угнетенные начинаютъ сознавать себя классомъ. Но они еще слишкомъ односторонне понимаютъ особенности своего классоваго положенія: пружины и дви-

---

[1]) См. System der erworbenen Rechte. Leipzig. 1880, erster Theil. Vorrede, S. VII.

татели общественнаго механизма, въ его цѣломъ, остаются еще скрытыми отъ ихъ умственныхъ взоровъ. Классъ эксплуататоровъ представляется имъ простою совокупностью отдѣльныхъ предпринимателей, не связанныхъ нитями политической *организаціи*. На этой ступени развитія въ понятіяхъ угнетенныхъ, какъ и въ головѣ профессора Лоренца фонъ Штейна, неясна еще связь между «обществомъ» и «государствомъ». Предполагается, что государственная власть стоитъ выше антагонизма классовъ, ея представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующихъ сторонъ. Угнетенный классъ относится къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и приходитъ въ большое удивленіе, когда обращенныя къ нимъ съ его стороны просьбы о помощи остаются безъ отвѣта. Не останавливаясь на частныхъ примѣрахъ, мы замѣтимъ только, что подобная путаница понятій обнаруживалась до послѣдняго времени англійскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почвѣ и въ то же время находили возможнымъ фигурировать въ рядахъ той или другой буржуазной политической партіи.

Только на слѣдующей и послѣдней ступени развитія угнетенный классъ всесторонне выясняетъ себѣ свое положеніе. Теперь онъ понимаетъ, какая связь существуетъ между обществомъ и государствомъ, и не аппелируетъ на притѣсненія своихъ эксплуататоровъ къ тѣмъ, кто представляетъ собою политическій органъ той же эксплуатаціи. Онъ знаетъ, что государство есть крѣпость, служащая оплотомъ и защитой его притѣснителямъ, крѣпость, которую можно и должно овладѣть, которую можно и должно перестроить въ интересахъ своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ея нейтралитетъ. Разсчитывая лишь на самихъ себя, угнетенные начинаютъ понимать, что «*политическая* самопомощь есть, какъ говоритъ Ланге, важнѣйшій изъ всѣхъ видовъ *соціальной* самопомощи». Они стремятся тогда къ политическому господству, чтобы помочь себѣ путемъ измѣ-

ненія существующихъ соціальныхъ отношеній и приспособленія общественнаго строя къ условіямъ своего собственнаго развитія и благосостоянія. Разумѣется, они тоже не вдругъ достигаютъ господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей въ умахъ противниковъ всякую мысль о сопротивленіи. Долгое время добиваются они лишь уступокъ, требуютъ лишь такихъ реформъ, которыя дали бы имъ не господство, а только возможность рости и созрѣвать для будущаго господства, реформъ, которыя удовлетворили бы самыя насущныя, самыя ближайшія ихъ требованія, и хоть немного расширили бы сферу ихъ вліянія на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдѣльные клочки непріятельской территоріи, угнетенный классъ пріобрѣтаетъ настойчивость, смѣлость и развитіе, необходимыя для рѣшительной битвы. Но разъ пріобрѣтя эти качества, онъ можетъ смотрѣть на своихъ противниковъ, какъ на классъ, окончательно осужденный исторіей; онъ можетъ уже не сомнѣваться въ своей побѣдѣ. Такъ называемая революція есть только послѣдній актъ въ длинной драмѣ революціонной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она дѣлается борьбою *политической* [1]).

Спрашивается теперь, цѣлесообразно ли поступили бы соціалисты, если бы они стали удерживать рабочихъ отъ «политики» на томъ основаніи, что политическій строй общества обусловливается экономическими его отношеніями? Конечно, нѣтъ. Они лишили бы рабочихъ точки опоры для ихъ борьбы, отняли бы у нихъ возможность сконцентрировать свои усилія и направить свои удары на созданную

---

[1]) *Примѣчаніе ко 2-му изд.* Эти строки были написаны за 15 лѣтъ до выступленія г. Бернштейна въ роли «критика Маркса». Пусть судитъ самъ читатель, правъ ли этотъ «критикъ» и его многочисленные единомышленники, упрекающіе насъ, «ортодоксовъ», въ томъ, что мы понимаемъ революцію пролетаріата, какъ простую и почти моментальную «катастрофу».

ихъ эксплуататорами общественную организацію. Вмѣсто этого рабочимъ пришлось бы вести партизанскую войну съ отдѣльными эксплуататорами или самое большее, съ отдѣльными группами этихъ эксплуататоровъ, на сторонѣ которыхъ всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку дѣлали русскіе соціалисты изъ такъ называемой интеллигенціи, когда они порицали (въ 4 № З. и В.). «Сѣверно-русскій рабочій союзъ» за то, что онъ выставилъ въ своей программѣ извѣстныя политическія требованія. Ту-же ошибку повторило «Зерно», которое рекомендовало рабочимъ вести борьбу на экономической почвѣ, добиваться сокращенія рабочаго дня, повышенія заработной платы и т. п., даже убивать шпіоновъ и особенно нелюбимыхъ мастеровъ и предпринимателей, но ни однимъ словомъ не обмолвилось о *политическихъ* задачахъ русскихъ работниковъ. Это отсутствіе синтеза въ революціонныхъ взглядахъ и программахъ нашихъ соціалистовъ не могло не оказать самаго вреднаго вліянія на результаты ихъ дѣятельности. Охраняя политическій индифферентизмъ рабочихъ, какъ важнѣйшій признакъ радикализма ихъ экономическихъ требованій, мы тѣмъ самымъ оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кромѣ того, обрывая наши программы именно на томъ пунктѣ, гдѣ нужно было подвести политическій итогъ соціальнымъ требованіямъ рабочаго класса, мы уменьшали практическое значеніе этихъ программъ въ глазахъ рабочихъ, лучше насъ понимавшихъ, до какой степени безплодна разрозненная борьба противъ отдѣльныхъ эксплуататоровъ. Къ счастью, наше рабочее движеніе очень рано переросло эту первую фазу своего развитія. Отвѣтъ «Сѣверно-Русскаго Рабочаго» Союза редакціи «Земли и Воли» (см. № 5 этого изданія) показалъ, что, по крайней мѣрѣ, члены этого Союза раньше нашей «интеллигенціи» поняли всю неумѣстность «политическаго невмѣшательства» рабочаго класса.

Все это прекрасно, скажетъ иной читатель, но ваша аргументація не попадаетъ въ цѣль. Мы не отрицаемъ,

что рабочему классу было бы *полезно* добиться политическаго вліянія и захватить государственную власть въ свои руки; мы утверждаемъ только, что въ настоящее время это *невозможно* для него по многимъ причинамъ. Ваша ссылка на исторію буржуазіи недоказательна, такъ какъ положеніе пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ вовсе не сходно съ положеніемъ третьяго сословія въ государствахъ «стараго режима». Самъ Марксъ признаетъ это несходство и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ въ «Коммунистическомъ манифестѣ». «Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ ига средневѣковый крѣпостной возвысился,—говоритъ онъ,—до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ выросъ до буржуа, не смотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы съ прогрессомъ промышленности улучшать свое положеніе, опускается все ниже и ниже. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство буржуазныхъ странъ». Если каждый прогрессивный шагъ буржуазіи въ области производства и обмѣна сопровождался «соотвѣтствующими политическими завоеваніями», то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: всякому извѣстно, что улучшеніе матеріальнаго благосостоянія того или другого класса сопровождается возрастаніемъ его политическаго вліянія. Но именно тотъ фактъ, что политическія завоеванія буржуазіи предполагали увеличеніе ея богатства, — именно этотъ фактъ и заставляетъ безнадежно смотрѣть на политическія движенія рабочаго класса. Все болѣе и болѣе превращаясь въ «нищихъ», рабочіе должны повидимому, утратить и ту долю вліянія, которую они пріобрѣли въ борьбѣ за интересы буржуазіи, побивая враговъ своихъ враговъ—остатки абсолютной монархіи, землевладѣльцевъ, непромышленную буржуазію» и т. д. Политическая борьба рабочаго класса нецѣлесообразна, потому что, въ силу экономическаго его положенія, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возра-

женіе это кажется, на первый взглядъ, до такой степени рѣшительнымъ, что его невозможно обойти молчаніемъ. Оно является послѣднимъ основаніемъ аргументаціи тѣхъ сторонниковъ теоріи политическаго невмѣшательства, которые считаютъ себя послѣдователями Маркса [1]). Поэтому, съ его устраненіемъ теорія невмѣшательства падаетъ окончательно, и политическія задачи современнаго соціализма выступаютъ въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

Доля рабочаго класса въ національномъ продуктѣ постоянно уменьшается,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ становится бѣднѣе не только относительно, но и абсолютно, его доходъ не только не возрастаетъ въ одинаковой прогрессіи съ доходомъ другихъ классовъ общества, но онъ падаетъ; реальная заработная плата современнаго пролетарія (количество достающихся ему предметовъ потребленія) меньше, чѣмъ была плата рабочаго 500 лѣтъ тому назадъ—это доказано изслѣдованіями Роджерса, Дюшатлэ и др. [2]). Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что въ настоящее время экономическія усло-

---

[1]) *Примѣчаніе ко 2-му изд.* Это покажется парадоксомъ, но на самомъ дѣлѣ теорія политическаго невмѣшательства рабочаго класса формулирована была Бакунинымъ, *какъ выводъ изъ матеріалистическаго объясненія исторіи*. Бакунинъ, бывшій горячимъ сторонникомъ этого объясненія, разсуждалъ такъ: если политическій строй всякаго даннаго общества основывается на его экономикѣ, то *политическая* революція излишня: она сама явится результатомъ *экономической* революціи. Этотъ человѣкъ, который былъ когда-то ученикомъ Гегеля, и который долженъ былъ бы, кажется, изощрить свою логику, никакъ не могъ понять, что результатомъ экономики является не только всякій данный, *готовый* политическій строй, но и всякое новое политическое движеніе, которое, возникнувъ на почвѣ данныхъ экономическихъ отношеній, въ свою очередь, служитъ необходимымъ *орудіемъ* ихъ переустройства. На этомъ *недоразумѣніи* до сихъ поръ строются всѣ *наиболѣе серьезныя* возраженія *анархистовъ* противъ *соціалъ-демократовъ*.

[2]) *Примѣчаніе ко 2-му изд.* Это касается «теоріи обнищанія», надѣлавшей столько шуму во время «*Бернштейніады*». О ней см. въ моей статьѣ «*Критика нашихъ критиковъ*», въ 2—3-ей книжкѣ «Зари».

вія менѣе благопріятны для политическаго движенія рабочаго класса, чѣмъ были они въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оцѣнкѣ экономическихъ условій данной страны, нужно принимать во вниманіе не только распредѣленіе національнаго дохода, но, главнымъ образомъ, организацію производства и способъ обмѣна продуктовъ. Сила зарождавшейся буржуазіи заключалась не столько въ ея богатствѣ, сколько въ томъ общественно-экономическомъ прогрессѣ, носителемъ котораго она нѣкогда явилась. Не увеличеніе ея дохода толкнуло ее на путь революціонной борьбы и обезпечило возрастаніе ея политическаго вліянія, а противорѣчіе между вызванными ею къ жизни производительными силами и тѣми условіями, въ которыхъ совершались производство и обмѣнъ продуктовъ въ феодальномъ обществѣ. Сдѣлавшись представительницей прогрессивныхъ требованій въ этомъ обществѣ, она собрала подъ свое знамя всѣ его недовольные элементы и повела ихъ на борьбу противъ режима, ненавистнаго огромному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояніе рабочаго класса создало ей руководящую роль въ этомъ освободительномъ движеніи. Ея богатство, ея и тогда уже относительно довольно высокое общественное положеніе были, конечно, необходимы для исполненія этой роли. Но чѣмъ обусловливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нея вести дѣло разрушенія стараго порядка безъ помощи низшихъ слоевъ населенія. Здѣсь-то и помогло ей ея богатство. Оно принесло ей вліяніе на ту самую массу, которая должна была сражаться за ея господство. Не будучи богатой, буржуазія не была бы и вліятельной, а безъ вліянія на народъ она не побѣдила бы аристократіи, потому что она была сильна не собственной силою, а той силой, надъ которой она уже господствовала и которой она повелѣвала, благодаря своимъ капиталамъ. Спрашивается теперь, *возможно-ли* для пролетаріата такое вліяніе на какой нибудь другой классъ населенія и *нужно-ли* оно для его

торжества? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы услышать рѣшительное «нѣтъ» отъ всякаго понимающаго современное положеніе рабочаго класса. Пролетаріату *невозможно* вліять на низшіе классы такъ, какъ вліяла когда-то на него буржуазія, по той простой причинѣ, что нѣтъ такихъ классовъ, которые стояли бы ниже его; онъ представляетъ собою самую послѣднюю экономическую формацію современнаго общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого вліянія, потому что онъ, въ то же время, есть *самый многочисленный* слой этого общества, потому что, вмѣстѣ съ другими слоями трудящагося населенія, онъ всегда былъ именно тою средою, вмѣшательство которой рѣшало политическіе споры. Говоримъ— самый многочисленный классъ, потому что всѣ «прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются, съ развитіемъ крупной промышленности, пролетаріатъ же именно ею и создается. Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне—всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны, они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата».

Прежде рабочій классъ побѣждалъ, состоя подъ начальствомъ буржуазіи, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти всѣ трудности борьбы падаютъ на его долю, между тѣмъ какъ почти всѣ выгоды и почести побѣды достаются его союзницѣ. Теперь онъ не довольствуется этой служебной ролью и обращаетъ противъ буржуазіи ту самую силу, которая нѣкогда принесла ей побѣду. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возрасла и продолжаетъ возрастать въ той же пропорціи, въ какой совершались и совершаются концентрація

капиталовъ и распространеніе крупнаго производства. Она возрасла, кромѣ того въ той самой мѣрѣ, въ какой умножился политическій опытъ рабочаго класса, выведеннаго самой буржуазіей на арену общественной дѣятельности. Можно ли сомнѣваться, что пролетаріатъ, оказавшійся нѣкогда достаточно сильнымъ, чтобы разрушить феодальный абсолютизмъ подъ руководствомъ буржуазіи, будетъ современемъ достаточно силенъ, чтобы сломить политическое господство буржуазіи по своей собственной иниціативѣ? Буржуазія могла побѣдить феодализмъ, лишь благодаря своему богатству, пролетаріатъ побѣдитъ буржуазію именно потому, что его удѣлъ—«нищета»—становится удѣломъ все большей и большей части современнаго общества.

Но въ исторіи развитія буржуазіи богатство оказало ей и другую и притомъ весьма «*производительную* услугу», какъ выразились бы ея экономисты. Оно дало ей знаніе, сдѣлало ее самымъ передовымъ и образованнымъ слоемъ тогдашняго общества. Можетъ ли пролетаріатъ пріобрѣсти это знаніе, можетъ ли онъ быть одновременно и самымъ бѣднымъ и самымъ развитымъ изъ всѣхъ общественныхъ классовъ? Политическое господство невозможно для него внѣ этого условія, потому что безъ знанія—нѣтъ силъ!

Мы говорили уже, что сама буржуазія начала политическое воспитаніе пролетаріата. Она заботилась объ его образованіи, поскольку это было нужно ей для борьбы съ ея врагами. Она расшатала его религіозныя вѣрованія тамъ, гдѣ это было необходимо для ослабленія политическаго значенія духовенства; она расширила его правовыя воззрѣнія тамъ, гдѣ ей нужно было противопоставить «естественное» право писанному праву сословнаго государства. Теперь сталъ на очередь экономическій вопросъ, и политическая экономія играетъ теперь—по выраженію одного очень умнаго нѣмца [1])—такую же важную роль, какую играло въ XVIII столѣтіи естественное право. Захочетъ ли буржуазія

[1]) *Примѣчаніе ко 2-му изд.* т. е. Родбертуса.

быть руководительницей рабочаго класса при изслѣдованіи отношеній труда къ капиталу, этого вопроса изъ вопросовъ всей общественной экономіи? Она неохотно беретъ на себя даже эту выгодную для нея роль, потому что поднимать этотъ вопросъ значитъ уже угрожать ея господству. Да и *можетъ ли* она выполнить эту роль хотя бы такъ, какъ она выполнила ее когда-то по отношенію къ религіи и праву? Нѣтъ! Ослѣпленные интересами своего класса, ея ученые представители давно уже утратили всякую способность къ объективному, научному изслѣдованію общественныхъ вопросовъ. Въ этомъ и заключается вся тайна современнаго упадка буржуазной экономіи. Рикардо былъ послѣднимъ экономистомъ, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имѣлъ достаточно ума, чтобы понять діаметральную противоположность интересовъ труда и капитала. Сисмонди былъ послѣднимъ экономистомъ-буржуа, у котораго было достаточно чувства, чтобы нелицемѣрно оплакать этотъ антагонизмъ. Послѣ нихъ *общія*, теоретическія изслѣдованія буржуазныхъ экономистовъ утратили, большею частью, всякое научное значеніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить исторію политической экономіи со временъ Рикардо и полюбоваться произведеніями Бастіа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современныхъ катедеръ-соціалистовъ. Изъ мирныхъ и объективныхъ мыслителей буржуазные экономисты превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала, направляющихъ всѣ свои усилія на то, чтобы перестроить съ военными цѣлями самое зданіе науки. Но несмотря на эти воинственныя упражненія, они отступаютъ безпрерывно и оставляютъ въ рукахъ непріятелей ту научную территорію, на которой они когда-то властвовали безконтрольно. Въ настоящее время люди, совершенно чуждые какихъ бы то ни было «демагогическихъ» стремленій, увѣряютъ, будто рабочіе «лучше какого-нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самыя абстрактныя понятія» въ экономической наукѣ. Такъ думалъ наприм. человѣкъ, имя котораго пользуется огромнымъ ав-

торитетомъ среди нѣмецкихъ экономистовъ, но который съ своей стороны питалъ къ нимъ самое глубокое презрѣніе. «Мы смотримъ на рабочихъ, какъ на дѣтей,—прибавлялъ этотъ человѣкъ,—между тѣмъ какъ они переросли уже насъ на цѣлую голову» [1]).

Но нѣтъ ли въ его словахъ преувеличенія? Можетъ ли рабочій классъ понимать «абстрактные» вопросы общественной экономіи и соціализма, не говоримъ уже лучше, но такъ же, какъ люди, затратившіе цѣлые десятки лѣтъ на свое образованіе?

На чемъ основываются положенія современнаго научнаго соціализма? Представляютъ ли они собою измышленія какого-нибудь досужаго благодѣтеля человѣческаго рода, или являются обобщеніемъ тѣхъ самыхъ явленій, съ которыми мы всѣ такъ или иначе сталкиваемся въ своей ежедневной жизни, объясненіемъ тѣхъ самыхъ законовъ, которыми опредѣляется наше участіе въ производствѣ, обмѣнѣ или просто въ распредѣленіи продуктовъ? Кто рѣшитъ этотъ вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ, тотъ согласится, что рабочій классъ имѣетъ много шансовъ для правильнаго пониманія «самыхъ абстрактныхъ» законовъ общественной экономіи, для усвоенія самыхъ отвлеченныхъ положеній научнаго соціализма. Трудность пониманія законовъ той или другой науки обусловливается неполнымъ знакомствомъ съ данными, лежащими въ основаніи этихъ законовъ. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь о явленіяхъ повседневной жизни, гдѣ научный законъ обобщаетъ лишь каждому извѣстные случаи, тамъ люди практическаго дѣла не только отлично понимаютъ теоретическія положенія, но и могутъ иногда научить самихъ теоретиковъ. Спросите сельскаго хозяина о вліяніи отдаленности рынка на цѣну его продуктовъ или плодородія почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о вліяніи расширенія сбыта на удешевленіе про-

---

[1]) *Примѣчаніе ко 2-му изд.* Я опять имѣю въ виду Родбертуса.

изводства. Спросите рабочаго, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убѣдитесь, что всѣ эти люди знаютъ Рикардо, никогда не видавши даже обертки его сочиненій. А вѣдь эти вопросы пользуются репутаціей весьма сложныхъ и «абстрактныхъ» вопросовъ; вѣдь по поводу ихъ пролиты цѣлыя моря чернилъ, написано такое огромное количество томовъ, что, приступая къ изученію экономической науки, можно ужаснуться этихъ ворохов печатной бумаги. И такъ во всемъ, во всѣхъ частяхъ общественной экономіи! Возьмите хоть теорію мѣновой стоимости. Въ двухъ словахъ вы можете объяснить рабочему, чѣмъ и какъ она опредѣляется; а вотъ многіе изъ гг. буржуазныхъ экономистовъ до сихъ поръ не хотятъ или не могутъ понять этой весьма простой теоріи и впадаютъ, въ спорахъ о ней, въ такія грубыя логическія ошибки, за которыя ни одинъ учитель ариѳметики не постѣснялся бы поставить единицу ученику «младшаго возраста». Поэтому мы и думаемъ, что цитированный нами писатель былъ правъ, что въ настоящее время единственною понятливою аудиторіею по жгучимъ соціальнымъ вопросамъ можетъ быть только аудиторія, состоящая изъ пролетаріевъ или людей, ставшихъ на точку зрѣнія пролетаріата. А разъ усвоены основныя положенія общественной экономіи, — пониманіе научнаго соціализма не представляетъ уже трудности: рабочій и здѣсь будетъ слѣдовать лишь указаніямъ своего практическаго опыта. Эта сторона дѣла прекрасно выяснена самимъ Марксомъ. «Если пролетаріатъ провозглашаетъ разложеніе *всего современнаго порядка* — читаемъ мы въ его «*Критикѣ гегелевской философіи права*» — то онъ высказываетъ этимъ лишь тайну *своего собственнаго существованія*, потому оно есть *фактическое разложеніе* этого порядка. Если пролетаріатъ требуетъ *отрицанія частной собственности*, то этимъ онъ только возводитъ на степень *общественнаго принципа* то, что уже возведено въ *его* принципъ самимъ обществомъ, что воплотилось уже въ немъ, какъ отрицательный общественный

результатъ, безъ всякаго содѣйствія съ его стороны» [1]).

Мы видимъ, стало быть, что пролетаріатъ не нуждается въ матеріальномъ богатствѣ, чтобы развиться до пониманія условій своего освобожденія. Его нищета,— обусловленная *не бѣдностью и дикостью общества, а недостатками общественной организаціи — такая* нищета не только не затрудняетъ, но облегчаетъ пониманіе этихъ условій.

Законы распредѣленія продуктовъ въ капиталистическомъ обществѣ въ высшей степени неблагопріятны для рабочаго класса. Но свойственныя капитализму организація производства и форма обмѣна впервые создаютъ и объективную и субъективную возможность эмансипаціи трудящихся. Капитализмъ расширяетъ міросозерцаніе рабочаго, уничтожаетъ всѣ предразсудки, унаслѣдованные имъ отъ стараго общества; онъ толкаетъ его на борьбу и въ то же время обезпечиваетъ побѣду, увеличивая его численный составъ и предоставляя въ его распоряженіе экономическую возможность организаціи царства труда. Развитіе техники увеличиваетъ власть человѣка надъ природой и поднимаетъ производительность труда до такой степени, что обязательность его не можетъ послужить препятствіемъ, но, наоборотъ, явится необходимымъ условіемъ всесторонняго развитія всѣхъ членовъ соціалистическаго общества. Въ то же время, характеризующая капитализмъ соціализація *производства* прокладываетъ путь для обращенія въ общую собственность его *средствъ и продуктовъ*. Акціонерныя компаніи, эта высшая въ настоящее время форма организаціи промышленныхъ предпріятій, устраняютъ капиталистовъ отъ всякой активной роли въ экономической жизни общества и превращаютъ ихъ въ трутней, исчезновеніе которыхъ не можетъ произвести ни малѣйшаго замѣшательства въ ходѣ этой жизни. «Если дѣятельному роду майордомовъ уда-

---

[1]) См. Deutsch-Franzoesische Jahrbuecher, 1 u. 2 Lieferung. S. S. 81—85.

лось нѣкогда безъ труда свергнуть съ престола облѣнившуюся королевскую династію—говоритъ консерваторъ Родбертусъ,—то почему бы живая и энергичная организація рабочихъ (служебный персоналъ компаній составляютъ квалифицированные работники), почему бы такая организація не была бы въ состояніи устранить со временемъ собственниковъ, превратившихся въ простыхъ рентьеровъ?.. А между тѣмъ капиталъ уже не можетъ свернуть съ этой дороги! Переживши періодъ расцвѣта, капиталъ превращается въ своего собственнаго могильщика»!

Почему бы, спросимъ мы, въ свою очередь, та самая организація рабочихъ, которая будетъ въ состояніи «устранить собственниковъ, сдѣлавшихся простыми рентьерами», почему бы такая организація не въ состояніи была захватить въ свои руки государственную власть и добиться, такимъ образомъ, политическаго господства? Вѣдь первое предполагаетъ второе: «устранить» собственниковъ можетъ только такая организація, которая въ состояніи преодолѣть ихъ *политическое* сопротивленіе.

Но и это не все; существуютъ другія общественныя явленія, которыя также увеличиваютъ вѣроятность *политической* побѣды пролетаріата.

«По мѣрѣ развитія крупной промышленности, цѣлые слои господствующаго класса переходятъ въ ряды пролетаріата, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе. Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата.

«Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату

часть буржуазіи, именно буржуа-идеалоги, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія».

У негровъ сѣверной Гвинеи есть одна въ высшей степени замѣчательная легенда. По словамъ этой легенды, «богъ призвалъ къ себѣ однажды двухъ сыновей первой человѣческой пары. Одинъ изъ нихъ былъ бѣлый, другой чернокожій. Положивши передъ ними кучу золота и книгу, богъ приказалъ черному брату, какъ старшему, выбирать любой изъ этихъ предметовъ. Тотъ выбралъ золото, и младшій братъ получилъ, такимъ образомъ, книгу. Неизвѣстная сила немедленно перенесла его тогда, вмѣстѣ съ книгой, въ отдаленную и холодную страну. Но благодаря своей книгѣ, онъ сдѣлался ученымъ и сталъ страшенъ и силенъ. Старшій же братъ остался на родинѣ и прожилъ достаточно долго, чтобы увидѣть, насколько наука выше богатства».

Буржуазія обладала когда-то и знаніемъ, и богатствомъ. Въ противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владѣніе золотомъ, и книгой, потому что богъ человѣческихъ обществъ, исторія, не признаетъ правъ несовершеннолѣтнихъ классовъ и отдаетъ ихъ въ опеку ихъ старшихъ братьевъ. Но настало время, когда обдѣленный исторіей рабочій классъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста и буржуазіи пришлось съ нимъ дѣлиться. У нея осталось золото, между тѣмъ, какъ ея младшій братъ получилъ «книгу», благодаря которой онъ, несмотря на мракъ и холодъ своихъ подваловъ, сталъ и теперь уже «силенъ и страшенъ». Мало-по-малу научный соціализмъ вытѣсняетъ буржуазныя теоріи со страницъ этой магической книги, и скоро пролетаріатъ прочтетъ въ ней, какъ завоевать ему матеріальное довольство. Тогда онъ сброситъ съ себя позорное иго капитализма и покажетъ буржуазіи, «насколько наука выше богатства».

III.

Въ первой главѣ мы старались исторически объяснить возникновеніе того убѣжденія, что соціализмъ несовмѣстимъ ни съ какой «политикой». Мы видѣли, что въ основѣ этого убѣжденія лежало прудоновско-бакунинское ученіе о государствѣ—съ одной стороны—и нѣкоторая непослѣдовательность нашихъ соціалъ-демократовъ семидесятыхъ годовъ—съ другой. Кромѣ того, оно встрѣчало поддержку въ общемъ колоритѣ того фона, на которомъ выдѣлялись оба вышеназванныя направленія. Фонъ этотъ состоялъ, какъ мы сказали словами Энгельса, изъ смѣси различныхъ ученій различныхъ основателей соціалистическихъ сектъ. Извѣстно, что соціалисты-утописты относились совершенно отрицательно къ политическимъ движеніямъ рабочаго класса, въ которыхъ они видѣли «лишь слѣпое недовѣріе въ новое Евангеліе». Этотъ отрицательный взглядъ на «политику» былъ занесенъ къ намъ вмѣстѣ съ ученіями утопистовъ. Задолго до начала сколько-нибудь сильнаго революціоннаго движенія въ Россіи, наши соціалисты готовы были—подобно «истиннымъ» соціалистамъ Германіи конца сороковыхъ годовъ (см. Коммун. Ман., стр. 32) — «расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкурренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству», совершенно забывая, что всѣ эти нападки «имѣютъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей», т. е. именно тѣ условія, о завоеваніи которыхъ только еще должна была пойти рѣчь въ нашемъ отечествѣ [1]).

---

[1]) Сказанное не относится, впрочемъ, къ группѣ, издававшей «Народное Дѣло» въ Женевѣ, группѣ, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношеніе къ «теоріи политическаго невмѣшательства».

Въ результатѣ всѣхъ этихъ вліяній получилась такая твердая увѣренность въ неумѣстности всякой политической борьбы, помимо борьбы революціонной въ узкомъ и вульгарномъ значеніи этого слова, что мы стали съ предубѣжденіемъ смотрѣть на тѣ соціалистическія партіи Западной Европы, которыя видѣли, напримѣръ, въ избирательной агитаціи могучее средство воспитанія и организаціи рабочихъ массъ. Всѣ сдѣланныя путемъ этой агитаціи политическія и экономическія пріобрѣтенія, казались намъ непростительнымъ опортюнизмомъ, гибельной сдѣлкой съ демономъ буржуазнаго государства, равносильной отказу отъ блаженства въ будущей соціалистической жизни. Мы и сами не замѣчали, что наши теоріи завели насъ въ заколдованный кругъ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Мы считали поземельную общину исходной точкой соціально-экономическаго развитія Россіи, и въ то же самое время, отказываясь отъ политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путемъ государственнаго вмѣшательства, отъ разрушительныхъ вліяній настоящаго времени. Мы должны были, такимъ образомъ, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающаго тотъ самый фундаментъ, на которомъ мы хотѣли строить зданіе будущаго.

Мы видѣли, однако, что логика событій вывела русское движеніе на другую дорогу и заставила русскихъ революціонеровъ, въ лицѣ партіи «Народной Воли», добиваться политическаго вліянія и даже господства, какъ одного изъ самыхъ могучихъ факторовъ экономической революціи. Мы видѣли также, что выступая на эту дорогу, наше движеніе вырастало настолько, что соціально-политическія теоріи различныхъ разновидностей прудонизма оказались для него слишкомъ узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ходъ вещей пришелъ въ столкновеніе съ ходомъ господствовавшихъ въ нашей революціонной средѣ идей, и тѣмъ вызвалъ новое умственное теченіе.

Это новое умственное теченіе, сказали мы далѣе, до тѣхъ поръ не отдѣляется отъ свойственныхъ ему теперь противорѣчій, пока не сольется съ несравненно болѣе глубокимъ и широкимъ теченіемъ современнаго соціализма. Русскіе революціонеры должны стать на точку зрѣнія соціальной демократіи Запада и разорвать свою связь съ «бунтарскими» *теоріями* такъ же, какъ они уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказались отъ «бунтарской» *практики*, вводя новый, *политическій* элементъ въ свою программу. Сдѣлать это имъ будетъ не трудно, если они постараются усвоить себѣ правильный взглядъ на политическую сторону ученія Маркса и захотятъ подвергнуть пересмотру пріемы и ближайшія задачи своей борьбы, прилагая къ нимъ этотъ новый критерій.

Мы видѣли уже во второй главѣ, къ какимъ ложнымъ выводамъ подали поводъ философско-историческія посылки современнаго соціализма. Сама «Народная Воля» не замѣчала, повидимому, ошибочности этихъ выводовъ и склонна была «даже, къ защитѣ соціологической точки зрѣнія Дюринга о преобладающемъ вліяніи политико-юридическаго элемента общественнаго строя на экономическій», какъ выразился П. Л. Лавровъ, характеризуя новѣйшія направленія въ русскомъ революціонномъ движеніи [1]). Только этою склонностью и можно объяснить содержащуюся во внутреннемъ обозрѣніи № 6-го «Народной Воли» полемику противъ какихъ-то «непосредственныхъ толкователей» исторической теоріи Маркса, основывающихъ свой взглядъ, по словамъ автора, «главнымъ образомъ, на извѣстной тріадѣ Гегеля», не имѣющихъ «иного индуктивнаго матеріала» для своихъ выводовъ и объясняющихъ «Гегелевъ законъ въ томъ смыслѣ, что дурное просто въ своемъ крайнемъ развитіи приведетъ къ хорошему» [2]). Достаточно познакомиться съ програм-

---

[1]) См. статью «*Взглядъ на прошедшее и настоящее русскаго соціализма*». *Календарь Н. В., стр. 109.*

[2]) *Примѣчаніе ко 2-му изд.* Впослѣдствіи этотъ вздоръ на

мой нѣмецкихъ соціалдемократовъ или французскихъ коллективистовъ, чтобы видѣть, какъ понимаютъ «историческую теорію Маркса» его западно-европейскіе послѣдователи и, если угодно «непосредственные толкователи». Съ своей стороны, мы можемъ увѣрить нашихъ русскихъ товарищей, что эти «толкователи» понимаютъ «Гегелевъ законъ» вовсе не «въ томъ смыслѣ, что дурное, просто въ своемъ крайнемъ развитіи, приведетъ къ хорошему», и къ тому же пользуются имъ какъ «*индуктивнымъ* матеріаломъ» лишь при изученіи исторіи нѣмецкой философіи, въ которой этотъ законъ занимаетъ весьма видное мѣсто и изъ которой его, *во всякомъ случаѣ*, не выкинешь, какъ не выкинешь, по народному выраженію, слова изъ пѣсни. Цитированное нами мѣсто есть почти буквальное повтореніе словъ Дюринга, упрекавшаго Маркса въ томъ, что въ его исторической схемѣ «гегелевское отрицаніе отрицанія играетъ, за недостаткомъ лучшихъ и болѣе ясныхъ средствъ, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдетъ изъ нѣдръ настоящаго» [1]). Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившаго все научное ничтожество произведеній бывшаго берлинскаго доцента. Зачѣмъ же повторять чужія ошибки и становиться, на такомъ шаткомъ основаніи, въ отрицательное отношеніе къ величайшей и самой революціонной общественной теоріи XIX вѣка? Вѣдь безъ революціонной теоріи нѣтъ революціоннаго

разные лады повторяли наши «легальные» критики,—Н. Михайловскій и братія. Вообще, надо замѣтить, что эти господа въ спорахъ съ нами не могли придумать ровно ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что писалось противъ насъ въ *нелегальной* литературѣ. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть прочтетъ статью г. Тихомирова во 2-ой книжкѣ «Вѣстника Народной Воли» («Чего намъ ждать отъ революціи?») и сравнитъ съ тѣми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову въ своей книгѣ. «Нелегальная» мысль давно опередила у насъ «легальную».

[1]) См. «Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Socialismus», dritte Auflage, S. 498.

движенія, въ истинномъ смыслѣ этого слова. Всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію, всякая политическая партія, добивающаяся господства,—революціонны лишь постольку, поскольку они представляютъ собою наиболѣе прогрессивныя общественныя теченія, а, слѣдовательно, являются носителями наиболѣе передовыхъ идей своего времени. (Революціонная, по своему внутреннему содержанію, идея есть своего рода динамитъ, котораго не замѣнятъ никакія взрывчатыя вещества въ мірѣ. И пока наше движеніе будетъ происходить подъ знаменемъ отсталыхъ или ошибочныхъ теорій, оно будетъ имѣть революціонное значеніе лишь *нѣкоторыми*, но далеко не всѣми своими сторонами). Въ то же время оно, безъ вѣдома своихъ участниковъ, будетъ носить въ себѣ зародыши реакціи, которые лишатъ его и этой доли значенія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, потому что, какъ сказалъ еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюмъ
Потребенъ для новаго дѣла.

А вѣдь настанетъ же, наконецъ, оно, это дѣйствительно новое время и для нашего отечества.

Впрочемъ, невѣрное пониманіе тѣхъ или другихъ положеній современнаго соціализма не составляетъ еще главнаго препятствія для окончательнаго выхода нашего революціоннаго движенія на путь, проложенный рабочимъ классомъ Запада. Ближайшее знакомство съ литературой «марксизма» покажетъ нашимъ соціалистамъ, какого могучаго оружія лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорію великаго учителя «пролетаріевъ всѣхъ странъ». Они убѣдятся тогда, что наше революціонное движеніе не только ничего не потеряетъ, но напротивъ, очень много выиграетъ, если русскіе народники и русскіе народовольцы сдѣлаются, наконецъ, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрѣнія примиритъ всѣ существующія у насъ фракціи, которыя правы, каждая по своему, потому что, при всей своей односторонности, каждая изъ

нихъ выражаетъ извѣстную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствіе для развитія нашего движенія въ только что указанномъ направленіи. Оно заключается въ томъ отсутствіи у насъ политическаго глазомѣра, которое съ самаго начала движенія мѣшало нашимъ революціонерамъ привести свои ближайшія задачи въ соотвѣтствіе со своими силами, и которое обусловливается ничѣмъ другимъ, какъ недостаткомъ политическаго опыта у русскихъ общественныхъ дѣятелей. Отправлялись ли мы въ народъ съ цѣлью распространенія соціалистическихъ изданій, селились ли мы въ деревняхъ для организаціи протестующихъ элементовъ нашего крестьянства, вступали ли мы въ непосредственную борьбу съ представителями абсолютизма, мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ разсчетъ во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды, и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствія въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ. Чуть не каждые два года мѣняли мы эти программы, и не могли остановиться на чемъ либо *прочномъ*, потому что всегда останавливались на чемъ нибудь *узкомъ* и *одностороннемъ*. Подобно тому, какъ, по словамъ Бѣлинскаго, русское общество, не имѣя еще литературы, пережило уже всѣ литературныя направленія, русское соціалистическое движеніе, не сдѣлавшись еще движеніемъ нашего рабочаго класса, успѣло уже перепробовать всѣ возможные оттѣнки западно-европейскаго соціализма.

Предпринятая «Народной Волей» борьба съ абсолютизмомъ,—выдвигая нашихъ революціонеровъ на болѣе широкій путь дѣятельности, заставляя ихъ стремиться къ

созданію дѣйствительной *партіи*,—будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно содѣйствовать устраненію односторонности *кружковъ*. Но чтобы прекратить эту постоянную смѣну программъ, чтобы отдѣлаться отъ этихъ привычекъ политическихъ номадовъ и пріобрѣсти, наконецъ, умственную осѣдлость, русскіе революціонеры должны довести до конца дѣло критики, начавшееся съ возникновеніемъ въ ихъ средѣ сознательныхъ политическихъ тенденцій. Они должны стать въ критическое отношеніе къ той самой программѣ, которая сдѣлала необходимой критику *всѣхъ* прежнихъ программъ и теорій. «Партія Народной Воли» есть дитя переходнаго времени. Ея программа есть послѣдняя программа, родившаяся при тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлали нашу односторонность неизбѣжнымъ и потому законнымъ явленіемъ. Расширяя политическій горизонтъ русскихъ соціалистовъ, программа эта сама не свободна еще отъ односторонности. Въ ней также замѣтно отсутствіе политическаго глазомѣра, способности сообразовать ближайшія цѣли партіи съ ея дѣйствительными или возможными силами. Партія «Народной Воли» напоминаетъ человѣка, идущаго по настоящей дорогѣ, но еще не имѣющаго понятія о разстояніяхъ и потому увѣреннаго въ томъ, что онъ тотчасъ же можетъ «верстъ сто тысячъ отмахать и нигдѣ не отдыхать». Практика разрушитъ, разумѣется, его иллюзію, но это разрушеніе можетъ стоить ему очень дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежатъ ли семимильные шаги къ области фантазіи.

Подъ хожденіемъ семимильными шагами мы разумѣемъ упомянутый уже фантастическій элементъ въ интересующей насъ программѣ, который во второмъ № «Народной Воли» выразился въ увѣренности относительно соціально-революціоннаго (мы не говоримъ *соціалистическаго*) большинства въ будущемъ русскомъ Учредительномъ Собраніи, а въ № 8—9 проявилъ себя въ разсужденіяхъ о «захватѣ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ». Мы глубоко убѣждены, что этотъ фан-

тастическій элементъ въ высшей степени вреденъ для самой партіи «Народной Воли». Какъ партіи соціалистической, онъ вреденъ ей тѣмъ, что отвлекаетъ ее отъ ея непосредственныхъ задачъ въ средѣ рабочаго класса въ Россіи; какъ партіи, взявшей на-себя иниціативу нашего освободительнаго движенія,—онъ вреденъ ей тѣмъ, что всегда будутъ отталкивать отъ нея очень много средствъ и силъ, которыя могли бы, при другихъ условіяхъ, притекать къ ней изъ среды такъ называемаго общества. Объяснимся подробнѣе.

Къ кому обращается, къ кому *можетъ* и должна обращаться «Народная Воля» въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ? «Привлеченіе въ организацію» (Народной Воли) *отдѣльныхъ лицъ изъ среды крестьянства*,—способныхъ къ ней примкнуть,—читаемъ мы въ «Календарѣ Народной Воли» [1])—конечно, всегда признавалось очень желательнымъ... Но что касается организаціи въ настоящее время *въ массѣ* крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ». Быть можетъ, партія «Народной Воли» разсчитываетъ опереться на болѣе передовой слой нашего трудящагося населенія, т. е. на городскихъ рабочихъ? Она, дѣйствительно, придаетъ весьма большое значеніе дѣлу пропаганды и организаціи въ ихъ средѣ, она считаетъ, что «городское рабочее населеніе должно обратить на себя серьезное вниманіе партіи». Но уже самая мотивировка необходимости этого дѣла показываетъ, что, по ея понятіямъ, городскіе рабочіе должны быть лишь однимъ изъ элементовъ нашего революціоннаго движенія. Они «имѣютъ особенно важное значеніе *для революціи*, какъ по своему положенію, такъ и по отноєительно большей развитости—поясняетъ намъ тотъ же документъ,—успѣхъ

[1]) «Подготовительная работа партіи», страница 129 въ примѣчаніи.

перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска». Значитъ, предстоящая революція не будетъ рабочей революціей въ полномъ смыслѣ этого слова, но рабочіе должны принять въ ней участіе, такъ какъ они «имѣютъ *для нея* особенно важное значеніе». Какіе же другіе элементы войдутъ въ это движеніе? Мы видѣли уже, что войдетъ, между прочимъ, «войско», а въ войскѣ «при настоящихъ условіяхъ пропаганда между солдатами затруднена въ такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надеждъ. Гораздо удобнѣе воздѣйствіе на *офицерство*: болѣе развитое, болѣе свободное, оно болѣе доступно вліянію»! Это, конечно, совершенно справедливо, но не будемъ пока останавливаться на этомъ и пойдемъ далѣе. Кромѣ рабочихъ и «офицерства», партія Народной Воли имѣетъ въ виду также либераловъ и «Европу», по отношенію къ которой «политика партіи должна стремиться къ тому, чтобы обезпечить русской революціи сочувствіе *народовъ*, вызвать къ этой революціи симпатіи европейскаго общественнаго мнѣнія». Для достиженія этой цѣли «партія должна знакомить Европу со всѣмъ пагубнымъ значеніемъ русскаго абсолютизма для самой европейской цивилизаціи, съ истинными цѣлями партіи, со значеніемъ нашего революціоннаго движенія, какъ выраженія всенароднаго протеста». Что же касается «либераловъ», то въ отношеніи къ нимъ «слѣдуетъ, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановкѣ партійныхъ задачъ, интересы наши и ихъ заставляютъ совмѣстно дѣйствовать противъ правительства».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что партія «Народной Воли» разсчитываетъ не на одинъ только рабочій и крестьянскій классы и даже не главнымъ образомъ на эти классы. Она имѣетъ въ виду также и общество и офицерство, которое, въ сущности, есть «плоть отъ плоти и кость отъ костей» того же общества. Она хочетъ убѣдить либеральную часть этого общества, что «при современной постановкѣ партійныхъ задачъ» интересы русскаго либера-

лизма сходятся съ интересами русской соціально-революціонной партіи. Что же она дѣлаетъ, чтобы вселить въ русскихъ либералахъ это убѣжденіе? Она издаетъ, во-первыхъ, программу «Исполнительнаго Комитета», въ которой говорится, что «*народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей». Въ извѣстномъ «Письмѣ къ Александру III» Исполнительный Комитетъ также требуетъ «созыва представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями». Такая программа, дѣйствительно, совпадаетъ съ интересами русскихъ либераловъ и для ея осуществленія они, пожалуй, примирились бы и со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, котораго не можетъ не требовать «Исполнительный Комитетъ». Во всемъ этомъ программа названнаго «Комитета» обнаруживаетъ гораздо большую зрѣлость, чѣмъ всѣ предшествовавшія ей программы. Но, не говоря уже о такомъ крупномъ промахѣ, какъ требованіе свободы сходокъ, слова, печати и избирательныхъ программъ лишь «въ видѣ временной мѣры» [1]), припомнимъ другія заявленія партіи «Народной Воли». Органъ этой партіи поспѣшилъ предупредить читающую публику, что большинство депутатовъ Учредительнаго Собранія будетъ состоять изъ сторонниковъ радикальнаго экономическаго переворота. Мы уже говорили выше, что эта увѣренность была не болѣе, какъ фикціей, придуманной для соглашенія несогласимыхъ между собою элементовъ народовольческой программы. Взглянемъ теперь на печатное выраженіе такой увѣренности съ точки зрѣнія тактики. Спрашивается, развѣ экономическій переворотъ входитъ въ интересы русскаго либерализма? Развѣ наше либе-

[1]) Смотри «Письмо къ Александру III», «Календарь Народной Воли». стр. 14.

ральное общество сочувствуетъ аграрной революціи, которой, по словамъ «Народной Воли», будутъ добиваться крестьянскіе депутаты? Западно-европейская исторія говоритъ намъ весьма убѣдительно, что тамъ, гдѣ «красный призракъ» принималъ хоть сколько нибудь грозныя формы, «либералы» готовы были искать защиты въ объятіяхъ самой безцеремоной военной диктатуры. Думалъ ли террористическій органъ, что наши русскіе либералы составятъ исключеніе изъ этого общаго правила? Если такъ, то на чемъ основывалъ онъ свое убѣжденіе. Думалъ ли онъ также, что современное «общественное мнѣніе Европы» до такой степени проникнуто соціалистическими идеями, что будетъ сочувствовать созыву соціально-революціоннаго Учредительнаго Собранія? Или онъ думалъ, что, трепеща краснаго призрака у себя дома, европейская буржуазія будетъ апплодировать появленію его въ Россіи? Само собою разумѣется, что ничего подобнаго онъ не думалъ и ничего подобнаго не забывалъ. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, было дѣлать это рискованное заявленіе? Или органъ партіи «Народной Воли» былъ до такой степени убѣжденъ въ неминуемомъ осуществленіи своего пророчества, что считалъ нужнымъ побудить членовъ организаціи къ принятію мѣръ, соотвѣтствующихъ важности ожидаемаго событія? Но въ виду того, что въ томъ же органѣ дѣятельность въ народѣ объявлялась безплодною, мы думаемъ, что заявленіе это имѣло успокоительный, чѣмъ побудительный характеръ: соціально-революціонное большинство въ Учредительномъ Собраніи ожидалось, *несмотря* на то, что названная дѣятельность напоминаетъ собою теперь «наполненіе бездонныхъ бочекъ Данаидъ».

Само по себѣ, заявленіе это могло бы считаться неважнымъ, тѣмъ болѣе, что «Народная Воля» сама, повидимому, разсталась съ преувеличенно-радужными надеждами на составъ будущей русской Конституанты. Мы думаемъ такъ потому, что передовая статья № 8—9 говоритъ объ экономическомъ переворотѣ, который, въ слу-

чаѣ отсутствія соціально - революціонной инициативы въ самомъ народѣ, долженъ быть совершенъ «временнымъ революціоннымъ правительствомъ» ранѣе созыва Учредительнаго Собранія. Авторъ статьи совершенно справедливо видитъ лишь въ такомъ переворотѣ гарантію того, что «на созванный Земскій Соборъ явятся истинные представители народа». Прежняя иллюзія «Народной Воли» разсѣялась, такимъ образомъ, окончательно. Но, къ сожалѣнію, она исчезла лишь затѣмъ, чтобы уступить мѣсто новой, еще болѣе вредной для дѣла самой партіи «Народной Воли». Фантастическій элементъ программы не уничтожился, онъ принялъ только новый видъ и называется теперь тѣмъ самымъ «*захватомъ власти временнымъ революціоннымъ правительствомъ*», который долженъ доставить партіи возможность совершить упомянутый экономическій переворотъ. Само собою понятно, что эта новая «постановка партійныхъ задачъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ внушить ни русскимъ либераламъ, ни буржуазной Европѣ мысли о солидарности ихъ интересовъ съ интересами русскаго революціоннаго движенія. Какъ ни забито, какъ ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохраненія и ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ добровольно на встрѣчу «красному призраку»; указывать ему на такую «постановку» задачъ партіи—значитъ лишать себя его поддержки и разсчитывать лишь на свои собственныя силы. Но настолько ли велики эти силы, чтобы нерискованно было отталкивать отъ себя такого союзника? Могутъ ли наши революціонеры дѣйствительно захватить въ свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или всѣ толки объ этомъ представляютъ собою ничто иное, какъ выкраиваніе шкуры звѣря, не только еще не убитаго, но по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, и не подлежащаго убіенію? Вотъ вопросъ, который становится въ послѣднее время злобою дня революціонной Россіи...

Спѣшимъ оговориться. Предыдущія страницы должны

были уже убѣдить читателя, что мы не принадлежимъ къ числу принципіальныхъ противниковъ такого акта, какъ захватъ власти революціонной партіей. По нашему мнѣнію, онъ представляетъ собою послѣдній и притомъ совершенно неизбѣжный выводъ изъ той политической борьбы, которую, на извѣстной ступени общественнаго развитія, долженъ начать всякій классъ, стремящійся къ своему освобожденію. Достигшій политическаго господства революціонный классъ только тогда и сохранитъ за собою это господство, только тогда и будетъ въ сравнительной безопасности отъ ударовъ реакціи, когда онъ направитъ противъ нея могучее орудіе государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! говоритъ Фаустъ.

Но диктатура класса, какъ небо отъ земли, далека отъ диктатуры группы революціонеровъ-разночинцевъ. Это въ особенности можно сказать о диктатурѣ рабочаго класса, задачей котораго является, въ настоящее время, не только разрушеніе политическаго господства непроизводительныхъ классовъ общества, но и устраненіе существующей нынѣ анархіи производства, сознательная организація всѣхъ функцій соціально-экономической жизни. Одно *пониманіе* этой задачи предполагаетъ развитой рабочій классъ, обладающій политическимъ опытомъ и воспитаніемъ, освободившійся отъ буржуазныхъ предразсудковъ и умѣющій самостоятельно обсуждать свое положеніе. *Рѣшеніе* же ея предполагаетъ, кромѣ всего сказаннаго, еще и распространеніе соціалистическихъ идей въ средѣ пролетаріата, сознаніе имъ своей силы и увѣренность въ побѣдѣ. Но *такой* пролетаріатъ *и не позволитъ* захватить власть даже самымъ искреннымъ благожелателямъ. Не позволитъ по той простой причинѣ, что онъ проходилъ школу своего политическаго воспитанія съ твердымъ намѣреніемъ окончить когда нибудь эту школу и выступить самостоятельнымъ дѣятелемъ на арену исторической жизни, а не переходить вѣчно отъ одного опекуна къ другому; не позволитъ потому, что такая опека была бы

излишней, такъ какъ онъ и самъ могъ-бы тогда рѣшить задачу соціалистической революціи; не позволитъ, наконецъ, потому, что такая опека была бы вредной, такъ какъ сознательнаго участія производителей въ дѣлѣ организаціи производства не замѣнитъ никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотверженіе заговорщиковъ. Одна мысль о томъ, что соціальный вопросъ можетъ быть на практикѣ рѣшенъ кѣмъ либо, помимо самихъ рабочихъ, указываетъ на полное непониманіе этого вопроса, безъ всякаго отношенія къ тому, держится ли ея «желѣзный канцлеръ» или революціонная организація. Понявшій условія своего освобожденія и созрѣвшій для него пролетаріатъ возьметъ государственную власть въ свои собственныя руки съ тѣмъ, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началахъ—не *ан*-архіи, конечно, которая принесла бы ему новыя бѣдствія,—но *пан*-архіи, которая дала бы возможность непосредственнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи общественныхъ дѣлъ всѣмъ взрослымъ членамъ общества. До тѣхъ же поръ, пока рабочій классъ не развился еще до рѣшенія своей великой исторической задачи, обязанность его сторонниковъ заключается въ ускореніи процесса его развитія, въ устраненіи препятствій, мѣшающихъ росту его силы и сознанія, а не въ придумываніи соціальныхъ экспериментовъ и вивисекцій, исходъ которыхъ всегда болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Такъ понимаемъ мы вопросъ о захватѣ власти въ соціалистической революціи. Примѣняя эту точку зрѣнія къ русской дѣятельности, мы должны сознаться, что отнюдь не вѣримъ въ близкую возможность соціалистическаго правительства въ Россіи.

«Народная Воля» считаетъ современное соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ особенно «выгоднымъ» для соціалистовъ. Мы согласны, что оно болѣе выгодно для нихъ въ Россіи, чѣмъ въ Индіи, Персіи или Египтѣ, но его, конечно, невоз-

можно и сравнивать съ западно-европейскими общественными отношеніями. И если «Народная Воля» пришла къ своему убѣжденію, противопоставляя наши порядки не египетскимъ или персидскимъ, а французскимъ или англійскимъ, то она впала въ очень крупную ошибку. Современное «соотношеніе общественныхъ факторовъ на русской почвѣ» обусловливаетъ собою невѣжество и индефферентизмъ народной массы; когда же такія свойства были выгодны для дѣла ея освобожденія? «Народная Воля» полагаетъ, повидимому, что индефферентизмъ этотъ начинаетъ исчезать, такъ какъ въ народѣ все болѣе и болѣе «пробуждается ненависть къ привилегированнымъ, правящимъ сословіямъ и настойчивое стремленіе къ радикальному измѣненію экономическихъ отношеній». Но что же выходитъ изъ этого стремленія? «Ненависть къ привилегированнымъ сословіямъ» еще ровно ничего не доказываетъ: она не сопровождается часто ни однимъ лучемъ политическаго сознанія. Притомъ же въ настоящее время намъ нужно строго различать *сословное* сознаніе отъ сознанія *классоваго*, такъ какъ старыя сословныя подраздѣленія не соотвѣтствуютъ болѣе экономическимъ отношеніямъ Россіи и готовятся уступить свое мѣсто формальному равенству гражданъ въ «правовомъ государствѣ». Если «Народная Воля» взглянетъ на современное міросозерцаніе нашего крестьянства съ точки зрѣнія развитія въ немъ *классоваго* и *политическаго* сознанія, то она едва ли будетъ настаивать на выгодности соотношенія нашихъ общественныхъ факторовъ для дѣла соціальнаго переворота. Вѣдь не можетъ же она считать «выгодными» для этого дѣла хотя бы тѣ толки, которые идутъ въ средѣ крестьянства по поводу ея собственной борьбы съ правительствомъ. Какъ ни сильно сказывается въ этихъ толкахъ «ненависть къ правящимъ классамъ», но въ виду того, что самое революціонное движеніе приписывается крестьянами крѣпостническимъ проискамъ дворянъ и чиновниковъ, и «временное революціонное правительство» будетъ находиться въ большой опасности,

когда народъ начнетъ «отвоевывать экономическое равенство у своихъ вѣковыхъ угнетателей и эксплуататоровъ». Тогда нынѣшнее соотношеніе интересующихъ насъ факторовъ обнаружитъ, пожалуй, свойства, весьма *невыгодныя* для временно восторжествовавшихъ заговорщиковъ. Да и что значитъ «отвоевать экономическое равенство»?

Достаточно ли для этого экспропріировать крупныхъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать, извѣстнымъ образомъ, и самое производство? А если да, то благопріятны ли ей современныя экономическія отношенія Россіи, иначе говоря, много ли шансовъ на ея успѣхъ обѣщаетъ намъ «экономическій факторъ»? Мы думаемъ, что нѣтъ, и думаемъ такъ по слѣдующей причинѣ. Всякая организація предполагаетъ извѣстныя, опредѣляемыя ея цѣлью и характеромъ, свойства организуемаго. Соціалистическая организація производства предполагаетъ такой характеръ экономическихъ отношеній, который дѣлалъ бы эту организацію логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго развитія страны, и, слѣдовательно, отличался бы весьма значительной опредѣленностью. Другими словами, соціалистическая, какъ и всякая другая, организація требуетъ соотвѣтствующей ей основы. Этой-то основы и нѣтъ въ современной Россіи. Старые устои народной жизни слишкомъ узки, разнородны и односторонни и, кромѣ того, слишкомъ уже расшатаны, а—новые только еще вырабатываются. Объективныя общественныя условія производства не созрѣли еще для соціалистической организаціи, а потому и въ самыхъ производителяхъ нѣтъ еще ни стремленія, ни способности къ такой организаціи: наше крестьянство не можетъ еще ни понять, ни рѣшить этой задачи. Поэтому «временному правительству» придется не «санкціонировать», а *совершать* «экономическій переворотъ», если его не снесетъ волной народнаго движенія, если только оно встрѣтитъ достаточно повиновенія со стороны производителей.

Но декретами не создашь условій, чуждыхъ самому характеру современныхъ экономическихъ отношеній. «Временному правительству» придется мириться съ тѣмъ, что есть, брать то, что дастъ ему современная русская дѣйствительность въ качествѣ основы его реформаторской дѣятельности. И на этой-то узкой и шаткой основѣ зданіе соціалистической организаціи будетъ строиться руками правительства, въ которое войдутъ: во-первыхъ, городскіе рабочіе, пока еще мало подготовленные къ такой трудной дѣятельности, во-вторыхъ, представители нашей революціонной молодежи, всегда остававшейся чуждой практической жизни, и, въ третьихъ, «офицерство», въ экономическихъ познаніяхъ которыхъ весьма позволительно усомниться. Мы не хотимъ дѣлать весьма вѣроятнаго предположенія относительно того, что, рядомъ со всѣми этими элементами, во временное правительство проникнутъ и либералы, которые будутъ не сочувствовать, а мѣшать соціально-революціонной «постановкѣ партійныхъ задачъ». Мы предлагаемъ читателю взвѣсить лишь выше перечисленныя обстоятельства и затѣмъ спросить себя: много ли вѣроятности успѣха имѣетъ «экономическій переворотъ», начавшійся при этихъ обстоятельствахъ? Точно ли выгодно для дѣла соціалистической революціи существующее нынѣ «соотношеніе политическихъ и экономическихъ факторовъ на русской почвѣ»? И не принадлежитъ ли увѣренность въ выгодности этого соотношенія къ числу фикцій, заимствованныхъ изъ анархически-бунтарскаго міросозерцанія и доведенныхъ въ программѣ новой, *политической* партіи до совершенно уже невозможной крайности? А вѣдь этой фикціей опредѣляются ближайшія «непосредственныя задачи» партіи, на ней основывается стремленіе къ немедленному «захвату власти», стремленіе, пугающее наше общество и придающее односторонній характеръ всей дѣятельности нашихъ революціонеровъ!

Намъ возразятъ, быть можетъ, что «Народная Воля» и не думаетъ приступать къ соціалистической

организаціи общества тотчасъ же послѣ захвата ею власти, что проектируемый ею «экономическій переворотъ» имѣетъ цѣлью лишь воспитаніе народа для будущей соціалистической революціи. Посмотримъ, возможно ли такое предположеніе, и если—да, то какіе слѣдуютъ изъ него выводы?

Передовая статья № 8—9 «Народной Воли» говоритъ объ экономическомъ равенствѣ, которое будетъ «отвоевано» самимъ народомъ, а въ случаѣ недостатка въ немъ иниціативы, создано временнымъ правительствомъ. Мы говорили уже, что это такъ называемое экономическое равенство возможно лишь при соціалистической организаціи производства. Но допустимъ, что «Народная Воля» считаетъ его возможнымъ и при другихъ условіяхъ, что экономическое равенство будетъ по ея мнѣнію, достаточно обезпечено переходомъ земли и орудій производства въ собственность трудящихся. Такое мнѣніе было бы ничѣмъ другимъ, какъ возвратомъ къ старымъ народническимъ идеаламъ «Земли и Воли» и съ экономической точки зрѣнія обнаруживало бы тѣ же самыя слабыя стороны, которыя свойственны были этимъ идеаламъ. Взаимныя отношенія отдѣльныхъ общинъ другъ къ другу, превращеніе продуктовъ труда общинниковъ въ товары и связанное съ нимъ капиталистическое накопленіе грозили бы сдѣлать это «равенство» весьма неустойчивымъ. При самостоятельности міра, «какъ экономической и административной единицы», при «широкомъ областномъ самоуправленіи обезпеченномъ выборностью всѣхъ должностей» и принадлежности земли народу»,—которыхъ требуетъ программа Исполнительнаго Комитета, центральное правительство не можетъ принять никакихъ мѣръ для упроченія этого равенства; если даже и предположить, что оно придумало-бы такія мѣры, которыя упразднили бы не только писанные законы Россійской имперіи, но и законы самаго товарнаго производства. Да оно и не захотѣло бы принимать такихъ мѣръ, такъ какъ оно состояло бы изъ представи-

телей того освобожденнаго экономически и политически народа, идеалы котораго въ лучшемъ случаѣ выражались бы словами «Земли и Воли» и не оставляли бы мѣста для какой-либо организаціи національнаго производства (мы не говоримъ уже объ *интернаціональномъ*).

Предположимъ, что въ виду этой опасности временное правительство «Народной Воли» не передастъ захваченной имъ власти народнымъ представителямъ и превратится въ постоянное. Тогда ему будетъ предстоять такая альтернатива: или оно должно будетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ медленнаго разложенія созданнаго имъ «экономическаго равенства», или оно вынуждено будетъ *организовать* національное производство. Рѣшить эту трудную задачу оно должно будетъ или въ духѣ современнаго соціализма, чему помѣшаютъ какъ его собственная непрактичность, такъ и современная степень развитія національнаго труда и привычки самихъ трудящихся, или же оно должно будетъ искать спасенія въ идеалахъ «патріархальнаго и авторитарнаго коммунизма», внося въ эти идеалы лишь то видоизмѣненіе, что вмѣсто перувіанскихъ «сыновъ солнца» и ихъ чиновниковъ, національнымъ производствомъ будетъ завѣдывать соціалистическая каста. Но русскій народъ и теперь уже слишкомъ развитъ, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исходъ такихъ опытовъ надъ нимъ. Несомнѣнно, кромѣ того, что при такой опекѣ народъ не только не воспитался бы для соціализма, но или окончательно утратилъ бы всякую способность къ дальнѣйшему прогрессу, или сохранилъ бы эту способность, лишь благодаря возникновенію того самого экономическаго неравенства, устраненіе котораго было бы непосредственной цѣлью революціоннаго правительства. Мы не говоримъ уже о вліяніи международныхъ отношеній и о невозможности перувіанскаго коммунизма даже на востокѣ Европы XIX или XX столѣтія.

Впрочемъ, зачѣмъ такъ много говорить о *результатахъ* захвата власти нашими революціонерами. Вѣроятенъ ли, возможенъ ли самый захватъ? По нашему мнѣ-

нію очень мало вѣроятенъ; такъ мало вѣроятенъ, что его можно считать совсѣмъ невозможнымъ. Нашъ «мыслящій пролетаріатъ» сдѣлалъ уже очень много для освобожденія своей родины. Онъ расшаталъ абсолютизмъ, пробудилъ политическій интересъ въ обществѣ, занесъ сѣмя соціалистической пропаганды въ среду нашего рабочаго класса. Онъ составляетъ переходъ отъ высшихъ классовъ общества къ низшему, обладаетъ образованіемъ первыхъ и демократическими инстинктами второго. Это положеніе облегчало ему разностороннюю работу агитаціи и пропаганды. Но то-же самое положеніе даетъ ему очень мало надежды на успѣхъ заговора съ цѣлью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантовъ, энергіи и образованія; нужны связи, богатство и вліятельное общественное положеніе заговорщиковъ. Именно того-то и недостаетъ нашей революціонной интеллигенціи. Пополнить этотъ недостатокъ она можетъ, лишь вступая въ союзъ съ другими недовольными элементами русскаго общества. Допустимъ, что ея планы встрѣтятъ сочувствіе со стороны этихъ элементовъ, допустимъ, что къ заговору примкнутъ богатые землевладѣльцы, капиталисты, чиновники, штабъ-и оберъ-офицеры. Успѣхъ заговора станетъ тогда вѣроятнѣе, хотя вѣроятность эта будетъ еще очень невелика: припомнимъ только исходъ большей части извѣстныхъ въ исторіи заговоровъ. Но главная опасность будетъ грозить *соціалистическому* заговору не со стороны существующаго правительства, а со стороны его собственныхъ участниковъ. Вошедшія въ него вліятельныя и высокопоставленныя лица могутъ быть искренними соціалистами лишь въ видѣ «счастливой случайности». Относительно же большей части этихъ лицъ не можетъ быть никакихъ гарантій въ томъ, что они не пожелаютъ воспользоваться захваченною ими властью для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами рабочаго класса. А разъ заговорщики отклонятся отъ соціалистической цѣли заговора, его можно считать не только безполезнымъ, но даже вреднымъ для соціальнаго раз-

витія страны; вѣдь нельзя же изъ ненависти къ абсолютизму сочувствовать успѣхамъ «новѣйшихъ Сэяновъ»— какъ выражается Степнякъ въ своей извѣстной книгѣ,— которые захотѣли бы воспользоваться заговоромъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Такимъ образомъ, результаты заговора соціалистической интеллигенціи съ цѣлью захвата власти въ ближайшемъ будущемъ станутъ тѣмъ болѣе сомнительными, чѣмъ болѣе сочувствія встрѣтитъ онъ во вліятельныхъ сферахъ, т. е. чѣмъ вѣроятнѣе будетъ его внѣшній успѣхъ; и наоборотъ, результаты такого заговора, поскольку рѣчь идетъ о намѣреніяхъ его участниковъ, будутъ тѣмъ несомнѣннѣе, чѣмъ болѣе его сфера ограничится нашей соціалистической «интеллигенціей», т. е., чѣмъ невѣроятнѣе будетъ его счастливый исходъ. Все заставляетъ думать, что въ настоящее время русскому соціалистическому заговору грозила бы неудача скорѣе второго, чѣмъ перваго рода.

Въ виду всего сказаннаго, мы думаемъ, что единственною нефантастическою цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь только завоеваніе свободныхъ политическихъ учрежденій съ одной стороны и выработка элементовъ для образованія будущей *рабочей соціалистической партіи* Россіи—съ другой. Они должны выставить требованіе демократической конституціи, которая, вмѣстѣ съ «правами человѣка», обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность активнаго участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракомъ», такая политическая программа вызывала бы въ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ соціалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма[1]). И между тѣмъ, какъ захватъ

[1]) *Примѣчаніе ко 2-му изданію.* Сочувствіе «общества» для насъ очень важно. И мы можемъ,—точнѣе: у насъ *было много шансовъ*,—пріобрѣсти его, ни на іоту не измѣняя своей про-

власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи и лицъ, посвященныхъ въ ея планы, агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію. Тогда интересы либераловъ дѣйствительно «заставили» бы ихъ «вмѣстѣ съ соціалистами дѣйствовать противъ правительства», потому что либералы перестали бы встрѣчать въ революціонныхъ изданіяхъ увѣренія въ томъ, что ниспроверженіе абсолютизма будетъ сигналомъ соціальной революціи въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ другая, менѣе пугливая и болѣе трезвая, часть либеральнаго общества перестала бы видѣть въ революціонерахъ непрактичныхъ юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этотъ невыгодный для революціонеровъ взглядъ уступилъ бы мѣсто уваженію общества не только къ ихъ героизму, но и къ ихъ политической зрѣлости. Постепенно это сочувствіе перешло бы въ активную поддержку или, что вѣроятнѣе, въ самостоятельное общественное движеніе, и тогда пробилъ бы, наконецъ, часъ паденія абсолютизма. Соціалистическая партія играла бы въ этомъ освободительномъ движеніи весьма почетную и выгодную роль. Ея славное прошлое, ея самоотверженіе и энергія придали бы вѣсъ ея требованіямъ, и она имѣла бы, по крайней мѣрѣ, шансы завоевать, такимъ образомъ, *народу* возможность политическаго развитія и воспитанія, *а себѣ* право открытаго обращенія къ нему съ своею проповѣдью и открытой организаціи его въ особую партію.

Но этого мало. Вѣрнѣе, это недостижимо безъ одно-

граммѣ. Но, разумѣется, для перехода этой *возможности въ дѣйствительность* необходимъ *тактъ*, которымъ мы не всегда обладаемъ. Вотъ, напримѣръ, мы иногда пускаемся ругать «капиталъ», какъ-разъ *по тому поводу*,—хотя, конечно, и *не за то*,—что онъ «бунтуетъ». Марксъ никогда не сдѣлалъ бы такой грубой тактической ошибки. Онъ нашелъ бы, что она достойна Карла Грюна и другихъ «истинныхъ соціалистовъ».

временной дѣятельности другого рода и въ другой сферѣ. Безъ силы нѣтъ и права. Всякая конституція—по прекрасному выраженію Лассаля—соотвѣтствуетъ или стремится притти въ соотвѣтствіе съ *«реальными, фактическими отношеніями силы, существующими въ странѣ»*. Поэтому, наша соціалистическая интеллигенція должна позаботиться о томъ, чтобы еще въ до-конституціонный періодъ измѣнить эти фактическія отношенія русскихъ общественныхъ силъ въ пользу рабочаго класса. Въ противномъ случаѣ, паденіе абсолютизма далеко не оправдаетъ надеждъ, возлагаемыхъ на него русскими соціалистами или даже демократами. Требованія народа и въ конституціонной Россіи могутъ быть оставлены совсѣмъ безъ вниманія или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиленія его податной способности, нынѣ почти совершенно истощенной хищническимъ характеромъ государственнаго хозяйства. Сама соціалистическая партія, завоевавши либеральной буржуазіи свободу слова и дѣйствія, можетъ очутится въ «исключительномъ» положеніи, подобномъ положенію современной нѣмецкой соціалдемократіи. Въ политикѣ на благодарность вчерашнихъ союзниковъ и нынѣшнихъ враговъ можетъ разсчитывать лишь тотъ, кому невозможно разсчитывать на что-либо болѣе серьезное.

Къ счастью, русскіе соціалисты могутъ строить свои надежды на болѣе прочномъ основаніи. Они могутъ и должны надѣяться прежде всего на рабочій классъ. Сила рабочаго, какъ и всякаго другого класса, зависитъ, между прочимъ, отъ ясности его политическаго сознанія, отъ его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежатъ воздѣйствію нашей соціалистической интеллигенціи. Она должна стать руководительницей рабочаго класса въ предстоящемъ освободительномъ движеніи, выяснить ему его политическіе и экономическіе интересы, равно, какъ и взаимную связь этихъ интересовъ, должна подготовить его къ самостоятельной роли въ общественной жизни Россіи. Она должна всѣми силами стремиться къ тому,

чтобы, въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи, нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самимъ рабочимъ, но интеллигенція должна выяснить имъ главнѣйшіе ея пункты, какъ, напримѣръ, радикальный пересмотръ современныхъ аграрныхъ отношеній, податной системы и фабричнаго законодательства, государственная помощь производительнымъ ассоціаціямъ и т. п. Все это можетъ быть достигнуто лишь путемъ усиленной работы въ средѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе передовыхъ слоевъ нашего рабочаго класса, путемъ устной и печатной пропаганды и организаціи рабочихъ соціалистическихъ кружковъ. Эти задачи всегда занимали, правда, болѣе или менѣе видное мѣсто въ программахъ нашихъ соціалистовъ, а Календарь «Народной Воли» можетъ убѣдить насъ въ томъ, что онѣ не были забыты даже въ пылу самой ожесточенной борьбы съ правительствомъ (смотри «Подготовительную работу партіи», рубрику — В, *Городскіе рабочіе*). Но мы предлагаемъ всякому, знакомому съ нашимъ революціоннымъ движеніемъ, припомнить и сравнить, сколько силъ и средствъ поглотила разрушительная работа и сколько пошло ихъ на подготовленіе элементовъ для будущей *рабочей соціалистической партіи*. Не виня никого, мы думаемъ, однако, что распредѣленіе революціонныхъ силъ было слишкомъ односторонне. А между тѣмъ мы напрасно стали бы объяснять это свойствомъ самихъ революціонныхъ силъ или той рабочей среды, на которую имъ нужно было воздѣйствовать, согласно ихъ собственной программѣ. Появленіе и успѣхъ такихъ изданій, какъ «Зерно» и «Рабочая газета», показываютъ, что наши революціонеры не утратили склонности къ пропагандѣ, а наши рабочіе не остались къ ней равнодушны. Названныя изданія не избѣжали, конечно, ошибокъ, иногда весьма существенныхъ, но не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Главная бѣда въ томъ, что въ

изданіи этихъ листковъ не видно той энергіи, съ какой ведется литературная пропаганда въ «интеллигентныхъ» слояхъ общества, что арестованная типографія не замѣняется новой, что за невозможностью вести дѣло изданія въ Россіи оно не переносится заграницу и т. д. Изъ всѣхъ заграничныхъ журналовъ, а ихъ было у насъ немало, только «Работникъ» и имѣлъ въ виду читателей изъ народа, и въ этомъ величайшая заслуга его издателей. Но «Работникъ» давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новыхъ попыткахъ въ этомъ родѣ, хотя бы и съ другою программою, болѣе подходящей къ измѣнившимся взглядамъ русскихъ соціалистовъ. А что издано у насъ для рабочихъ въ Россіи, кромѣ «Зерна» и «Рабочей газеты?» Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры! [1]). И это въ то время, когда революціонное движеніе обратило на себя всеобщее вниманіе, и народъ, съ жадностью ловя всѣ слухи и толки, въ недоумѣніи спрашивалъ себя: чего хотятъ эти люди? Можно ли послѣ этого удивляться тѣмъ нелѣпымъ отвѣтамъ на этотъ вопросъ, которыми онъ довольствуется иногда, за неимѣніемъ лучшихъ. Повторяемъ, мы не винимъ *никого*, но *всѣмъ* совѣтуемъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла, чтобы во-время наверстать упущенное [2]).

---

[1]) *Прим. ко 2-му изд.* Отсюда видно, что идея популярнаго органа совсѣмъ не новость въ нашей литературѣ. Но это обстоятельство, разумѣется, не помѣшало ей казаться опаснымъ новшествомъ многимъ товарищамъ *не далѣе какъ наканунѣ нашего второго съѣзда*, когда я являлся между «искровцами» едва ли не единственнымъ ея сторонникомъ. Теперь эта идея получила уже практическое,—болѣе или менѣе удачное,—осуществленіе. Лучше поздно, чѣмъ никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какіе изумительные доводы приводились противъ этой идеи въ только-что указанное, еще недалекое отъ насъ, время, вы воскликнули бы, какъ Фаустъ: *Wie weh, wie weh, wie weh!*

[2]) «Въ истекшемъ году — читаемъ мы въ Прибавленіи къ Листку Н. В. № 1 (1883 г., стр. 61—) былъ цѣлый рядъ стачекъ, которыя, *благодаря отсутствію организаціи рабочихъ*, кончались большей частью неудачей.

Такимъ образомъ, борьба за политическую свободу, съ одной стороны, и подготовка рабочаго класса къ его будущей самостоятельной и наступательной роли—съ другой, такова по нашему мнѣнію «постановка партійныхъ задачъ», единственно возможная въ настоящее время. Связывать въ одно два такихъ существенно-различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и соціалистическая революція, вести революціонную борьбу съ разсчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого.* Но отъ насъ зависитъ *сблизить* эти два момента. Мы должны послѣдовать прекрасному примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ, которые шли, по словамъ *Манифеста*, «рядомъ съ буржуазіей, поскольку она являлась революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи» и, въ то-же время, ни на минуту не переставали вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно-болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата». Поступая такимъ образомъ, коммунисты хотѣли, чтобы «нѣмецкая буржуазная революція послужила лишь непосредственнымъ прологомъ революціи рабочей».

Современное положеніе буржуазныхъ обществъ и вліяніе международныхъ отношеній на соціальное развитіе каждой цивилизованной страны даютъ право надѣяться, что соціальное освобожденіе русскаго рабочаго класса послѣдуетъ очень скоро за паденіемъ абсолютизма. Если нѣмецкая буржуазія «*пришла слишкомъ поздно*», то русская запоздала еще болѣе, и господство ея не можетъ быть продолжительнымъ. Нужно только, чтобы русскіе революціонеры, въ свою очередь, не «слишкомъ поздно» начали дѣло подготовки рабочаго класса, дѣло, теперь уже ставшее вполнѣ современнымъ и насущнымъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній оговоримся. Мы не держимся того взгляда—скорѣе, какъ мы видѣли, навязаннаго школѣ Маркса, чѣмъ существовавшаго въ дѣйствительности—взгляда, по которому соціалистическое движе-

ніе не можетъ будто бы встрѣтить поддержки въ нашей крестьянской средѣ до тѣхъ поръ, пока крестьянинъ не превратится въ безземельнаго пролетарія, а сельская община не разложится подъ вліяніемъ капитализма. Мы думаемъ, что—въ общемъ—русское крестьянство отнеслось бы съ большой симпатіей ко всякой мѣрѣ, имѣющей въ виду такъ называемую «націонализацію земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитаціи въ его средѣ [1]) оно отнеслось бы съ сочувствіемъ и къ соціалистамъ, которые не замедлили бы, разумѣется, внести требованіе такого рода мѣръ въ свою программу. Но мы не преувеличиваемъ силъ нашихъ соціалистовъ и не игнорируемъ тѣхъ препятствій, того сопротивленія среды, съ которыми имъ неизбѣжно придется считаться въ своей дѣятельности. Поэтому, и *только поэтому*, мы думаемъ, что имъ слѣдуетъ, на первое время, сосредоточить главное свое вниманіе на промышленныхъ центрахъ. Современное сельское населеніе, живущее при отсталыхъ соціальныхъ условіяхъ, не только менѣе промышленныхъ рабочихъ способно къ сознательной политической *иниціативѣ*, но и менѣе ихъ *воспріимчиво* къ движенію, начатому нашей революціонной интеллигенціей. Ему труднѣе усвоить соціалистическія ученія, потому что условія его жизни слишкомъ непохожи на условія, породившія эти ученія. Къ тому же крестьянство переживаетъ теперь тяжелый, критическій періодъ. Прежніе «старо-дѣдовскіе устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется въ его глазахъ», по признанію даже такихъ «стародѣдовски» народническихъ органовъ, какъ «Недѣля» (см. 39 №, статью г. N. Z., «*Въ родныхъ мѣстахъ*»); новыя же формы труда и жизни еще только складываются, и этотъ созидательный процессъ обнаруживаетъ наибольшую интенсивность именно въ промышленныхъ центрахъ. Какъ вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образуетъ въ другихъ мѣстахъ новые

[1]) *Примѣчаніе ко 2-му изданію.* Т. е. при конституціи.

осадки и отложенія, такъ процессъ русскаго соціальнаго развитія образуетъ новыя общественныя формаціи, разрушая вѣковыя формы отношенія крестьянъ къ землѣ и другъ къ другу. Эти новыя общественныя формаціи носятъ въ себѣ зародыши новаго общественнаго движенія, которое одно только и можетъ положить конецъ эксплуатаціи трудящагося населенія Россіи. Промышленные рабочіе, обладающіе бо́льшимъ развитіемъ, болѣе высокими потребностями и болѣе широкимъ кругозоромъ, чѣмъ крестьянство, примкнутъ къ нашей революціонной интеллигенціи въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ и затѣмъ, добившись политической свободы, организуются въ рабочую соціалистическую партію, которая и должна будетъ начать систематическую пропаганду соціализма въ средѣ крестьянства. Говоримъ о *систематической пропагандѣ* потому, что отдѣльные случаи пропаганды и агитаціи въ крестьянствѣ, конечно, не должны быть упускаемы и въ настоящее время. Едва-ли, нужно прибавлять, что наши соціалисты должны были бы измѣнить распредѣленіе своихъ силъ въ народѣ, если бы въ средѣ крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движеніе.

Такова «программа», которая самою жизнью подсказывается русской революціонной соціалистической партіи. Сумѣетъ ли она выполнить эту программу? Захочетъ ли она покинуть фантастическіе планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорятъ чувству и воображенію? Пока еще трудно отвѣчать на это съ увѣренностью. «Объявленіе объ изданіи «Вѣстника Народной Воли» говоритъ о политическихъ задачахъ революціонной партіи лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Редакція «Вѣстника» называетъ эти цѣли «совершенно опредѣленными» и не считаетъ, повидимому, нужнымъ снова опредѣлять ихъ въ своемъ объявленіи. Можно опасаться, поэтому, что она не сочтетъ также нужнымъ спросить себя, соотвѣтствуютъ ли «совершенно опредѣленныя условія» современной русской дѣйствительности «совершенно

опредѣленнымъ цѣлямъ» партіи Народной Воли? Въ такомъ случаѣ, новый органъ оставитъ неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революціонной литературы, потребность въ критическомъ пересмотрѣ устарѣвшихъ программъ и традиціонныхъ способовъ дѣйствія. Но мы надѣемся, что будущее разсѣетъ наши опасенія. Намъ хочется думать, что новый органъ трезво взглянетъ на тѣ задачи нашей революціонной партіи, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ ея будущее. Общественная жизнь отнесется къ ея современнымъ иллюзіямъ съ тою же безпощадностью, съ какой отнеслась она къ иллюзіямъ нашихъ «бунтарей» и пропагандистовъ. *Лучше теперь же послѣдовать ея указаніямъ, чѣмъ оплачивать, впослѣдствіи, ея суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованіями.*

Еще разъ соціализмъ и политическая борьба [1]).

Осенью 1883 года вышла въ Женевѣ моя брошюра «*Соціализмъ и политическая борьба*», положившая начало литературной пропагандѣ группы «*Освобожденіе Труда*» и посвященная вопросу о политическихъ задачахъ русскихъ соціалистовъ. Теперь я берусь за перо, чтобы опять поговорить съ читателемъ о томъ же вопросѣ. И я надѣюсь, что никто не назоветъ его устарѣлымъ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ не устарѣлъ и до сихъ поръ. Нынѣшнее положеніе русской соціалистической партіи въ очень многомъ и очень сильно отличается отъ того, въ которомъ она находилась семнадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь, дѣйствительно, устарѣло очень многое изъ того, что занимало и волновало тогда ея приверженцевъ, но вопросъ объ ея политическихъ задачахъ и теперь принадлежитъ, какъ принадлежалъ тогда, къ числу нашихъ Zeit-und Streitfragen. Болѣе того, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что теперь, какъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, онъ является самымъ важнымъ, самымъ насущнымъ и самымъ жгучимъ изо всѣхъ практическихъ вопросовъ, требующихъ отъ насъ отвѣта: отъ его рѣшенія въ ту или другую сторону зависитъ все будущее нашей партіи. А между тѣмъ, онъ до сихъ поръ нѣкоторыми изъ насъ рѣшается ошибочно,

[1]) Статья эта написана осенью 1900 года и напечатана въ первой книжкѣ «Зари».

до сихъ поръ онъ представляетъ собою какое-то «заколдованное мѣсто», о которое запинаются подчасъ люди, имѣющіе рѣшительно всѣ данныя для того, чтобы легко справиться и не съ такими трудностями. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какъ и кѣмъ заколдовано «мѣсто», относящееся къ нашимъ политическимъ задачамъ? Чтобы уяснить себѣ это, полезно будетъ припомнить, какъ развивалась въ русской революціонной средѣ идея политической борьбы въ теченіе послѣдней четверти вѣка.

I.

Лѣтъ 25 тому назадъ въ этой средѣ почти безраздѣльно господствовало *народничество*, которое, однако, не надо смѣшивать съ *ученіемъ гл. В. В. и компаніи*. Ученіе этихъ господъ представляетъ собою что-то въ родѣ злѣйшей каррикатуры на старое народничество. Правда, въ основѣ стараго народничества лежали, въ общемъ, тѣ же самыя *теоретическія* посылки, на которыя опираются теперь г. В. В. и его единомышленники, но *практика* народничества семидесятыхъ годовъ непохожа на ту практику, которой занимаются теперь г. В. В. съ братіей. Эта почтенная братія твердо уповаетъ на царское правительство: она помнитъ тотъ историческій фактъ, что это правительство заводило когда-то военныя поселенія, и дѣлаетъ изъ этого несомнѣннаго факта тотъ нѣсколько сомнительный выводъ, что это же правительство могло бы взяться и за организацію фаланстеровъ; народники семидесятыхъ годовъ и слышать нехотѣли о *царскомъ правительствѣ*. Г. В. В.—реакціонеръ; народники семидесятыхъ годовъ были *революціонерами*, отъ души ненавидѣвшими всякую реакцію. Поэтому они, навѣрное, почувствовали бы себя жестоко оскорбленными, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что современемъ народничество выродится въ доктрину, проповѣдующую экономическое освобожденіе русской трудящейся массы посредствомъ мирныхъ реформъ сверху.

Но народники семидесятыхъ годовъ были въ значительной степени пропитаны духомъ *анархизма*. Я сказалъ, что они и слышать не хотѣли о *царскомъ* правительствѣ. Мнѣ слѣдовало прибавить: какъ и о *правительствѣ вообще*. Они смотрѣли на государство глазами анархистовъ, и если этотъ анархическій взглядъ на государство предохранялъ ихъ отъ всякихъ ложныхъ шаговъ по отношенію къ царизму, то *онъ же мѣшалъ имъ понять характеръ и значеніе ихъ собственной резолюціонной борьбы*.

Съ точки зрѣнія анархиста, стремящагося къ непосредственному разрушенію государства, борьба за политическую свободу, т. е. за *извѣстный видъ государственнаго устройства*, представляется жалкой непослѣдовательностью, постыднымъ компромиссомъ [1]).

Уже одного этого было-бы достаточно, чтобы вызвать у нашихъ тогдашнихъ народниковъ сильное предубѣжденіе противъ «*политики*». Но къ этому у нихъ присоединялось другое соображеніе, подсказанное имъ ихъ *экономическими воззрѣніями*. Они боялись, что конституціонный строй окончательно развязавъ руки буржуазіи, тѣмъ самымъ дастъ могучій толчокъ *развитію* у насъ *капитализма*, а слѣдовательно и разрушенію тѣхъ *старинныхъ* «*устоевъ*» нашей экономической жизни, которые представлялись имъ зародышами будущаго соціалистическаго строя. Это, такъ сказать, *самобытное* соображеніе еще болѣе предубѣждало ихъ противъ «политики». Всякая мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу встрѣчала съ ихъ стороны такое же страстное осужденіе, съ какимъ они относились ко всѣмъ видамъ и родамъ экономической эксплуатаціи трудящихся.

Но осуждать всякую мысль о борьбѣ съ царизмомъ за политическую свободу значитъ косвенно его поддерживать. Отрицая «политику», наши народники повторяли

---

[1]) Это твердитъ теперь гр. Л. Толстой, представляющій собою анархиста на *религіозной* подкладкѣ.

ошибку «истинныхъ» нѣмецкихъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, такъ мѣтко и жестоко осмѣянныхъ въ «*Манифестѣ Коммунистической Партіи*».

По словамъ Манифеста, эти соціалисты не упускали случая «противопоставить политическому движенію соціалистическія требованія и расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ и равенству и проповѣдывать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять». Это какъ-разъ та самая проповѣдь, которую вели наши народники и какъ-разъ тѣ самыя проклятія, которыя расточались ими. И поскольку они вели *такую* проповѣдь и расточали *такія* проклятія, они невольно и незамѣтно для себя превращались изъ рѣшительныхъ реакціонеровъ въ косвенныхъ сторонниковъ *застоя*. Это была большая ошибка. Къ счастью для самихъ себя и для всего нашего революціоннаго движенія, народники *дѣлали* въ этомъ случаѣ *не то, что думали и говорили*.

Они называли себя *бунтарями*. Это значитъ, что они старались поднимать народъ противъ правительства вездѣ, гдѣ это было возможно. Собственно «*бунтовъ*»— по крайней мѣрѣ большихъ «*бунтовъ*», о которыхъ мечтали народники—изъ этихъ стараній никакихъ не вышло, но это не помѣшало «бунтарямъ» сослужить нашему движенію хорошую службу. Ихъ «бунтарскія» стремленія сдѣлали изъ нихъ усердныхъ, неутомимыхъ и очень искусныхъ *агитаторовъ*. Они агитировали въ деревнѣ и въ городѣ, между крестьянами и рабочими, между либералами и раскольниками, между казаками разныхъ «земель» и студентами разныхъ «вѣдомствъ». Они энергично, «не щадя своего живота», поддерживали всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направлявшееся противъ существующаго порядка, и въ этой неутомимой агитаціонной дѣятельности, въ этой всегдашней готовности немедленно откликнуться на всякое проявленіе общественнаго недовольства заключается все зна-

ченіе революціоннаго народничества. *Правильный революціонный инстинктъ спасалъ народниковъ семидесятыхъ годовъ отъ реакціонныхъ выводовъ, вытекавшихъ изъ ихъ ошибочныхъ теоретическихъ посылокъ.*

Но какъ ни велико значеніе революціоннаго *инстинкта*, онъ не можетъ замѣнить собою революціонную *теорію*. Теоретическія ошибки народниковъ не остались безъ вреднаго вліянія на ихъ агитаціонную практику.

Какъ уже сказано мною выше, въ ихъ программѣ не было мѣста для борьбы за политическую свободу. Имъ оставалось, поэтому, направить всѣ свои силы въ сторону *агитаціи на экономической почвѣ*. И дѣйствительно, агитація этого рода составляетъ самую выдающуюся черту ихъ революціонной дѣятельности. Но въ ней была своя неумолимая логика. Агитація на экономической почвѣ во имя ближайшихъ требованій крестьянъ и рабочихъ велась *не въ государствѣ вообще, а въ русскомъ полицейскомъ государствѣ*. Агитаторамъ, равно какъ и волнующейся массѣ, приходилось сталкиваться не съ правительствомъ вообще, а съ правительствомъ русскаго самодержца. Столкновенія съ этимъ правительствомъ вызывали въ умахъ массы извѣстные *политическіе вопросы*, на которые *не могли не отвѣчать* агитаторы. Такимъ образомъ, *экономическая* агитація естественнымъ и неотвратимымъ ходомъ вещей превращалась въ *политическую*. Но такъ какъ она превращалась въ нее *вопреки народнической теоріи*, то превращеніе оставалось незаконченнымъ, и народники сами старались задержать начинавшееся въ рабочей средѣ политическое движеніе. Если читатель дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ моей брошюрой: «*Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи*», то онъ увидитъ изъ нея, какъ искусно вели народники (напримѣръ, во время стачекъ на Новой Бумагопрядильнѣ) дѣло первоначальнаго политическаго воспитанія массы. Но эта же брошюра напомнитъ ему о томъ, что когда «*Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ*» выставилъ въ своей программѣ

конституціонныя требованія, то тѣ же народники осудили ихъ, какъ несовмѣстимыя съ соціализмомъ.

А когда народникамъ приходилось агитировать въ такъ называемомъ *обществѣ*, тогда противорѣчіе между ихъ *мнѣніями* и ихъ *дѣйствіями* обнаруживалось съ еще большею ясностью. «Ближайшими требованіями», дававшими поводы для агитаціи, являлись здѣсь требованія, имѣвшія самый несомнѣнный политическій характеръ. Удовлетвореніе этихъ требованій (напримѣръ, требованіе неприкосновенности личности и подсудности присяжныхъ дѣлъ по «политическимъ преступленіямъ») предполагало установленіе того конституціоннаго порядка, который пугалъ народниковъ своими «буржуазными» послѣдствіями. Много умственныхъ силъ потратили народники на борьбу съ этимъ противорѣчіемъ, но такъ какъ побороть, т. е. разрѣшить его можно было лишь отказавшись отъ народничества, то ихъ усилія приводили къ мало убѣдительнымъ софизмамъ или къ такимъ страннымъ заявленіямъ, которыя способны были только уменьшить престижъ революціонеровъ въ глазахъ либеральнаго общества. Чтобы подтвердить мою мысль примѣромъ, достаточно напомнить о брошюрѣ «*Смерть за смерть*», которая издана была обществомъ «*Земля и Воля*» тотчасъ послѣ удачнаго покушенія на жизнь шефа жандармовъ Мезенцева и въ которой говорилось, что революціонеры вовсе не считаютъ нужнымъ нападать на правительство и очень охотно оставили бы его въ покоѣ, если бы только оно съ своей стороны не вмѣшивалось въ ихъ смертельную борьбу съ буржуазіей. Такое заявленіе могло бы быть признано умѣстнымъ только въ томъ случаѣ, если бы «землевольцы» задались цѣлью совершенно испортить чрезвычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на общество отчаянно-смѣлымъ поступкомъ С. М. Кравчинскаго [1]).

---

[1]) Интересно, что авторомъ упомянутой брошюры былъ самъ же С. М. Кравчинскій.

II.

Такъ называемая террористическая борьба означала въ дѣйствительности полный разрывъ со старой народнической программой. Но, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, *мысль* отстала отъ *жизни*, и тѣ самые люди, дѣйствія которыхъ нанесли смертельный ударъ старому образу мыслей, продолжали держаться за него обѣими руками. «*Народовольцы*» называли себя *народниками* и подобно своимъ предшественникамъ—«землевольцамъ» были убѣждены въ томъ, что конституціонный порядокъ, расшатавъ старые «устои», нанесетъ существенный ущербъ интересамъ народной массы. Чтобы устранить вызываемыя этимъ сомнѣнія и опасенія, публицисты «Народной Воли» сначала старались убѣдить себя и другихъ, что депутаты, которыхъ нашъ народъ пошлетъ въ Учредительное Собраніе, окажутся, въ огромномъ большинствѣ своемъ, соціалистами; впослѣдствіи тѣ же публицисты остановились на *теоріи захвата власти*.

Съ помощью захвата власти они надѣялись однимъ зарядомъ убить двухъ зайцевъ: свергнуть царское правительство и устранить буржуазію отъ вліянія на общественно-экономическую жизнь Россіи. Имъ казалось, что разъ политическая власть попадетъ въ руки революціонеровъ, то соціалистическая организація общества не представитъ большихъ трудностей въ виду существованія у насъ общиннаго землевладѣнія и неразвитаго состоянія нашего капитализма. Излишне критиковать здѣсь эту теорію. Ея критика сдѣлана мною уже въ первыхъ изданіяхъ группы «Освобожденіе Труда», т. е. въ такое время, когда жизнь еще не произнесла надъ нею своего приговора «въ окончательной формѣ», и когда еще очень немногимъ приходило на мысль сомнѣваться въ ея основательности.

Изо всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ заколдовано «мѣсто», относящееся къ политическимъ задачамъ

нашихъ соціалистовъ: *соціалисты второй половины семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ неправильно понимали эти задачи отчасти потому, что они усвоили отъ анархистовъ противоположеніе соціализма политикѣ, а отчасти потому, что они держались ошибочнаго взгляда на такъ называемые «устои» нашей старой экономической жизни.*

Когда въ 1883 году возникла группа «*Освобожденіе Труда*», она поставила своей ближайшей цѣлью именно критику этихъ двухъ вредныхъ предразсудковъ. Она стала доказывать во-первыхъ, что развитіе капитализма въ Россіи не отдалитъ торжества нашего соціалистическаго идеала, а напротивъ, впервые создастъ для него экономическую основу и, во вторыхъ, что противопоставленіе соціализма политикѣ лишено смысла, такъ какъ *всякая классовая борьба есть борьба политическая*. Въ то время эти, чрезвычайно простыя мысли встрѣчены были въ нашей соціалистической средѣ, какъ опасная ересь. Группѣ «*Освобожденіе Труда*» пришлось выслушать не мало упрековъ за ея будто бы вредныя новшества. Теперь въ нашей революціонной средѣ господствуетъ *соціалдемократическое* направленіе, а между соціалдемократами днемъ съ огнемъ не найдешь такого чудака, который боялся бы капитализма или находилъ бы, что политическая борьба не согласима съ соціализмомъ. Теперь огромное большинство русскихъ революціонеровъ окончательно разорвало съ *теоретическими* предразсудками народничества. Поэтому можно было бы думать, что и въ нашей *практикѣ* стали невозможны прежнія народническія ошибки. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло иначе. Такъ называемое *экономическое* направленіе воспроизводитъ ихъ иногда съ поразительной точностью. Какимъ же путемъ пришли къ этимъ народническимъ ошибкамъ люди, придерживающіеся соціалдемократическаго образа мыслей?

Какъ извѣстно, экономическое направленіе съ наибольшей яркостью выразилось у насъ въ «Рабочей Мысли»,

не разъ высказывавшей совершенно «несуразныя» сужденія по политическимъ вопросамъ. Но я не стану говорить о «Рабочей Мысли» именно потому, что сужденія ея публицистовъ часто бываютъ совершенно «несуразны». Мнѣ хочется заглянуть «въ корень вещей» и рѣшить, не были ли эти публицисты введены во искушеніе нѣкоторыми взглядами, еще недавно очень распространенными у насъ и высказанными впервые серьезными и основательными людьми. Съ этой цѣлью я остановлюсь на извѣстной брошюрѣ «*Объ агитаціи*».

III.

Въ этой брошюрѣ говорится, что «какъ бы широко ни было рабочее движеніе, успѣхъ его не обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не станетъ твердо на почву политической борьбы» и что «достиженіе политической власти является главной задачей борющагося пролетаріата» [1]). Это именно та элементарная неоспоримая политическая истина, признаніе которой составляетъ огромный шагъ впередъ въ развитіи нашего политическаго міросозерцанія. Далѣе авторъ брошюры утверждаетъ, что «какъ соціалдемократы, мы ставимъ своей задачей привести пролетаріатъ къ сознанію необходимости политической свободы, какъ предварительнаго условія для возможности его широкаго развитія [2]). Это опять вполнѣ справедливо. Задача поставлена авторомъ правильно: весь вопросъ въ томъ, какъ приходитъ онъ къ ея рѣшенію.

Послушаемъ опять его самого.

«Какъ ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притомъ еще въ странѣ политически отсталой, рабочій классъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ задыхаться въ данной политической атмосферѣ, пока удовлетвореніе ставшихъ для него необ-

[1]) Объ агитаціи. Женева 1896, стр. 7.
[2]) Тамъ же, та же страница.

ходимыми потребностей не будетъ (не сдѣлается?) невозможнымъ въ предѣлахъ существующихъ политическихъ условій. Какъ для сознанія противоположности интересовъ недостаточно только возникновенія этой противоположности, а необходима постоянная борьба, такъ и для сознанія политическаго безправія недостаточно самаго факта этого безправія, до тѣхъ поръ, пока оно не столкнется съ стремленіями рабочей массы къ улучшенію своего положенія» [1]).

Авторъ и тутъ правъ. Дѣйствительно, никогда, нигдѣ и ни одинъ классъ не начиналъ политической борьбы до тѣхъ поръ, пока его стремленія (экономическія и другія) не наталкивались на серьезное препятствіе, на существующій политическій порядокъ. Но эта вѣрная мысль сопровождается у нашего автора слѣдующимъ положеніемъ: «Народная масса вовлекается въ борьбу не разсужденіями, но объективной логикой вещей, самимъ ходомъ событій, наталкивающихъ ее на борьбу». Это положеніе можно признать справедливымъ только съ очень большими оговорками, которыхъ мы напрасно стали бы искать въ брошюрѣ «*Объ агитаціи*».

Для того, чтобы повліять на поступки людей, а слѣдовательно и на ихъ борьбу, «*объективная логика вещей*» *должна отразиться въ ихъ сознаніи*, т. е. *повліять и на ихъ разсужденія*. Когда рабочіе данной фабрики объявляютъ предпринимателю, что они несогласны работать на данныхъ условіяхъ, это значитъ, что ихъ «объективное» положеніе вызвало въ нихъ рядъ «*разсужденій*», въ результатѣ которыхъ явилось *рѣшеніе начать забастовку*. Противопоставленіе «*объективной логики вещей*» человѣческимъ «*разсужденіямъ*» можетъ быть допущено лишь въ извѣстномъ, точно опредѣленномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности объективная логика вещей (точнѣе— общественныхъ отношеній) не только не отрицаетъ разсужденій, а напротивъ, вызываетъ и опредѣляетъ ихъ,

[1]) Тамъ же, стр. 7—8.

г. е. наполняетъ извѣстнымъ содержаніемъ и направляетъ ихъ въ извѣстную сторону. Въ этомъ не могутъ сомнѣваться по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, которые держатся матеріалистическаго пониманія исторіи. Пониманіе это указало и объяснило причинную *связь, существующую между развитіемъ общественныхъ отношеній, съ одной стороны, и ходомъ человѣческихъ разсужденій, съ другой.* Но оно признало и объяснило также и тотъ давно уже подмѣченный фактъ, что разсужденія людей—особенно массы—очень часто, чтобы не сказать всегда, отстаютъ отъ хода развитія общественныхъ отношеній. Признавъ и объяснивъ этотъ фактъ, матеріалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ разрѣшило и знаменитый, вызвавшій у насъ такъ много устныхъ и печатныхъ споровъ, вопросъ о *«роли личности въ исторіи»*. Тамъ, гдѣ общественныя отношенія не стоятъ на одномъ мѣстѣ, задача *передовыхъ личностей*,—а слѣдовательно и передовыхъ *партій*,—заключается прежде всего въ содѣйствіи тому чрезвычайно важному по своимъ практическимъ послѣдствіямъ процессу, благодаря которому *сознаніе* массы приходитъ въ соотвѣтствіе съ ея *положеніемъ*, и субъективная логика ея *«разсужденій»* перестаетъ противорѣчить объективной логикѣ *«вещей»*. Революціонеры обязаны содѣйствовать росту революціоннаго сознанія въ массѣ, обязаны стать акушерами ея революціонной мысли. Но само собою разумѣется, что этого никакъ невозможно сдѣлать, не повліявъ на ея *«разсужденія»*.

По всему видно, что авторъ брошюры *«Объ агитаціи»* стоитъ на точкѣ зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Поэтому онъ и самъ знаетъ, конечно, какъ неосновательно ходячее противопоставленіе *«разсужденій» «объективной логикѣ вещей»*. Ему извѣстно, что этому противопоставленію мы обязаны всей *нелогичностью субъективизма*. Но онъ, повидимому, не замѣтилъ, къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ подать поводъ его собственное замѣчаніе о томъ, что не

разсужденіями вовлекается въ борьбу трудящаяся масса. Отъ этого замѣчанія, взятаго въ его буквальномъ смыслѣ, до практической программы «Рабочей Мысли» совсѣмъ не такъ далеко, какъ это навѣрно думаетъ нашъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если разсужденія не играютъ никакой роли при вовлеченіи массы въ борьбу, то они совсѣмъ не нужны. Мы должны говорить рабочимъ только о томъ, что понятно и доступно имъ и безъ нашихъ разсужденій. Но безъ нашихъ разсужденій понятны и доступны массѣ именно ея ближайшіе экономическіе интересы: нѣтъ такого рабочаго, который не понималъ бы, что высокая заработная плата лучше низкой. Стало быть, намъ слѣдуетъ сосредоточить свои усилія именно на *экономической агитаціи*. Нашимъ девизомъ должна стать прибавка нѣсколькихъ копеекъ на рубль; все прочее или приложится само собою, или не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, какъ пустая «идеологія». Если же интеллигенціи не понравится такая программа, то для насъ это не важно. Интеллигенція насъ не интересуетъ; ея мнѣнія намъ не импонируютъ. Она заражена идеализмомъ и испорчена разсужденіями, не имѣющими въ глазахъ рабочихъ ни малѣйшаго смысла.

Что такія разсужденія не разъ проскальзывали даже въ нашу соціалъ-демократическую печать, это, разумѣется, прекрасно знаетъ авторъ брошюры «Объ агитаціи». Онъ скажетъ, можетъ быть, что онъ никогда не сочувствовалъ имъ. Я охотно повѣрю этому. Но я утверждаю, что въ его брошюрѣ есть мѣсто,—напримѣръ, только что разсмотрѣнное мною мѣсто о «разсужденіяхъ»,—которыя даютъ поводъ и теоретическое основаніе для такихъ разсужденій. Мнѣ самому очень жаль, что у него такія мѣста. Но что они существуютъ, это неоспоримо...

«Роль партіи, взявшей на себя политическое воспитаніе и организацію народа,—читаемъ мы далѣе—въ этомъ отношеніи ограничивается тѣмъ, чтобы вѣрно

опредѣлить моментъ, когда борьба назрѣла настолько, чтобы перейти въ борьбу политическую и подготовить въ самой массѣ элементы, необходимые для того, чтобы этотъ переходъ совершился съ наименьшей тратой силъ» [1]).

Если роль нашей партіи ограничивается тѣмъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда экономическая борьба рабочихъ должна перейти въ политическую, то ясно, что этому моменту будетъ предшествовать періодъ чисто экономической агитаціи, до окончанія котораго всякая мысль о политической борьбѣ *останется преждевременной, а потому и вредной.* Но всякій общественный дѣятель обязанъ всѣми честными средствами *препятствовать распространенію вредныхъ для его дѣла мыслей.* Слѣдовательно, въ продолженіи перваго періода нашего рабочаго движенія *мы обязаны всѣми честными средствами препятствовать распространенію мысли о политической борьбѣ.* Мы можемъ, конечно, обнаружить при этомъ большій или меньшій талантъ, большій или меньшій тактъ, большее или меньшее остроуміе. Но если кто-нибудь изъ насъ,—напримѣръ, какой-нибудь публицистъ «*Рабочей Мысли*»—и выкажетъ въ этой борьбѣ нѣкоторый недостатокъ таланта, такта или остроумія, то ему надо великодушно простить его погрѣшность, помня, что онъ нападаетъ на *мысль дѣйствительно заслуживающую осужденія*, и что, по французской пословицѣ, самый красивый офицеръ не можетъ быть красивѣе самого себя.

Обратимъ вниманіе еще вотъ на какое мѣсто: «Такимъ образомъ, задачей соціаль-демократовъ является постоянная агитація среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій. Вызванная такой агитаціей борьба пріучитъ рабочихъ отстаивать свои интересы, подниметъ ихъ мужество, дастъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе необходимости

[1]) Тамъ же, стр. 9

единенія и въ концѣ концовъ поставить передъ ними болѣе важные вопросы, требующіе разрѣшенія. Подготовленный такимъ образомъ къ болѣе серьезной борьбѣ, рабочій классъ приступаетъ къ рѣшенію своихъ насущныхъ вопросовъ, и агитація на почвѣ этихъ вопросовъ должна имѣть цѣлью выработку классоваго самосознанія. Классовая борьба въ этомъ болѣе сознательномъ видѣ создастъ почву для политической агитаціи, цѣлью которой будетъ измѣненіе существующихъ политическихъ условій въ пользу рабочаго класса [1]).

Отсюда опять видно, что, по, мнѣнію нашего автора, мысль о политической борьбѣ была бы преждевременна въ первыхъ «фазисахъ» воспитанія рабочаго класса. Поэтому я опять скажу: то, что преждевременно,—вредно, а то, что вредно, должно быть устраняемо и побиваемо. Зачѣмъ же мы станемъ нападать на «*Рабочую Мысль*», прославившуюся своимъ усердіемъ въ дѣлѣ такого устраненія и побиванія? Положимъ, она «*немножко деретъ*», но за то ужъ, «*въ ротъ хмельного не беретъ*» и не проповѣдуетъ ничего *преждевременнаго*. Она стоитъ за систематическое проведеніе пролетаріата черезъ всѣ «фазисы» и не находитъ, что еще рано «разсуждать» съ нимъ о политикѣ. И если мы примемъ въ соображеніе, какъ много въ Петербургѣ рабочихъ, еще не окончившихъ перваго класса...—я хочу сказать, не вышедшихъ изъ перваго «фазиса»,—то выйдетъ, пожалуй, что «*Рабочая Мысль*» совсѣмъ права, и что совсѣмъ неправы ея порицатели. Что скажетъ на это авторъ брошюры? По моему, такое «*разсужденіе*» грѣшитъ противъ «*объективной логики*» нашей общественной жизни, но не противъ «*субъективной логики*» его брошюры.

Логика этой брошюры ясна и недвусмысленна: *Чисто-экономическая агитація не только возможна, но прямо обязательна въ теченіе цѣлыхъ двухъ «фазисовъ» нашего*

[1]) Объ агитаціи, стр. 16.

рабочаго движенія. И пока не кончились эти «фазисы», существованіе у насъ чисто-экономическаго направленія не только возможно, но вполнѣ законно и очень желательно.

Окончены ли у насъ эти «фазисы»? На этотъ счетъ могутъ спорить между собою даже тѣ, которые раздѣляютъ основныя положенія брошюры «*Объ агитаціи*». Одни изъ нихъ скажутъ, можетъ быть, что пора уже чистымъ экономистамъ уходить со сцены, такъ какъ уже пришелъ «моментъ» политической агитаціи, а другіе возразятъ, что если имѣть въ виду весь нашъ рабочій классъ въ его цѣломъ, то надо признать, что намъ рано еще толковать не только о политической борьбѣ, но и о постановкѣ передъ рабочими тѣхъ «болѣе важныхъ вопросовъ», которые—по словамъ брошюры «*Объ агитаціи*»—потребуютъ ихъ рѣшенія во второмъ фазисѣ воспитанія. Мнѣ сдается, что *субъективная* логика брошюры будетъ въ этомъ случаѣ не на сторонѣ защитниковъ политической агитаціи.

IV.

Говоря все это, я вовсе не желаю хулить брошюру «*Объ агитаціи*». Я знаю, что она принесла большую пользу нашему движенію, нанеся сильный ударъ той «кружковщинѣ», которая процвѣтала у насъ прежде и которая могла создавать очень образованныхъ людей изъ *отдѣльныхъ рабочихъ*, но рѣшительно неспособна была повліять на *массу*. Брошюра «Объ агитаціи» дала намъ *многихъ агитаторовъ*. Но авторъ ея боролся съ кружковщиной такими доводами, которые скоро подали поводъ къ печальнымъ недоразумѣніямъ и къ ошибочнымъ «разсужденіямъ». Въ этомъ—слабая сторона брошюры, та самая сторона, благодаря которой она въ теченіи нѣкотораго времени была евангеліемъ «*чистыхъ экономистовъ*» и оказывала вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашего движенія.

Эта слабая сторона характеризуется смѣшеніемъ понятія «классъ» съ понятіемъ «партія». А это смѣшено и служитъ теперь источникомъ тѣхъ заблужденій, которыя препятствуютъ извѣстной части русскихъ соціалъ-демократовъ не только вѣрно рѣшить, но даже правильно формулировать нашу политическую задачу. Именно, оно приводитъ нѣкоторыхъ изъ насъ къ повторенію старыхъ народническихъ ошибокъ.

Чтобы обнаружить указанное смѣшеніе, достаточно вдуматься въ ту мысль нашего автора, что рабочая масса (т.-е. рабочій классъ?) отзывается только на вопросы, поставленные передъ нею самой жизнью. Мысль эта сама по себѣ, конечно, неоспорима. Но возьмите хоть переживаемый нами «*моментъ*» и скажите — какіе же вопросы ставитъ жизнь передъ нашимъ рабочимъ классомъ? Я думаю, что передъ различными слоями этого класса она ставитъ различные вопросы. Промышленный рабочій значительно развитѣе сельскохозяйственнаго, и потому наши общественныя отношенія представляются шуйскому прядильщику не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видитъ ихъ тамбовскій батракъ. Это не требуетъ доказательствъ. Не требуетъ ихъ и то, что въ средѣ промышленныхъ рабочихъ существуютъ *слои*, довольно значительно отличающіеся одинъ отъ другого своимъ умственнымъ развитіемъ, а слѣдовательно и не одинаково отвѣчающіе на вопросы жизни. Извѣстно, наконецъ, что даже рабочіе одной и той же отрасли промышленности неодинаковы по своему умственному развитію въ различныхъ районахъ. Выходитъ, что, напримѣръ, передъ слесарями южнаго промышленнаго района жизнь ставитъ иные вопросы, чѣмъ передъ петербургскими. Въ какомъ же «фазисѣ» движенія находится *вся* русская рабочая *масса?* По моему, она находится въ *нѣсколькихъ «фазисахъ» сразу.* А если это такъ, то не легко опредѣлить наступленіе того, искомаго нашимъ авторомъ, «момента», когда *экономическая* борьба должна будетъ перейти въ *политическую.* Повидимому, онъ для разныхъ слоевъ рабочаго класса наступитъ въ раз-

ные моменты. Какъ же намъ быть? По словамъ автора, агитаторъ всегда долженъ итти на одинъ шагъ впереди массы. Пусть будетъ такъ. Но впереди какого же именно слоя пойдемъ мы, *какъ партія?* Какой именно слой опередимъ мы на одинъ шагъ? Если—самыхъ передовыхъ, то моментъ перехода къ политической борьбѣ, вѣроятно, уже наступилъ. Если — самыхъ отсталыхъ, то онъ, вѣроятно, никогда не наступитъ, потому что даже въ самыхъ передовыхъ странахъ до сихъ поръ существуютъ и будутъ существовать вплоть до окончательной побѣды соціализма такіе рабочіе, которые слѣпы и глухи по отношенію къ вопросамъ жизни [1]). Если же мы будемъ имѣть въ виду рабочихъ средняго уровня развитія, то, — не говоря уже о трудности опредѣленія этого уровня,—спрашивается, какъ же поступимъ мы съ наиболѣе развитыми рабочими? Неужели оставить на второй годъ въ томъ же классѣ, осудивъ ихъ на повтореніе того, что уже пройдено ими въ среднемъ «фазисѣ?» Авторъ скажетъ, вѣроятно, что партія должна идти впереди каждаго изъ этихъ слоевъ, примѣняясь въ своей агитаціи къ достигнутой имъ степени умственнаго развитія. Я спорить и прекословить не стану; я только спрошу: какъ же намъ быть съ «моментомъ» перехода экономической борьбы въ политическую? Съ одной стороны, *онъ уже наступилъ*, потому что *у насъ уже есть слои, созрѣвшіе для политической борьбы.* А съ другой стороны, *онъ еще не пришелъ*, такъ какъ у насъ *есть слои, для нея неготовые.* Въ виду этого невольно возникаетъ сомнѣніе въ томъ, что онъ можетъ быть найденъ.

Всѣ эти затрудненія исчезаютъ, какъ только мы вспоминаемъ, что иное дѣло *весь рабочій классъ*, а иное дѣло *соціалъ-демократическая партія*, представляющая собою

[1]) «So wird—замѣчаетъ Каутскій—die moderne Gesellschaft reif werden für den Sozialismus... bevor das ganze Proletariat politisch reif und ökonomisch organisirt ist». Die Agrarfrage, S. 322.

лишь передовой,—и въ началѣ очень малочисленный,—отрядъ рабочаго класса. Если рабочій классъ данной страны, взятый въ его цѣломъ (то-есть точнѣе, въ *большинствѣ своихъ членовъ*), еще не созрѣлъ для перехода къ политической борьбѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что «моментъ» такой борьбы еще не насталъ *для партіи*, задавшейся цѣлью политическаго воспитанія этого класса. Для партіи моментъ *политической борьбы* наступаетъ каждый разъ, когда она встрѣчаетъ поводъ для *политической агитаціи*. А у насъ въ Россіи поводы для такой агитаціи встрѣчаются никакъ не рѣже, чѣмъ поводы для *агитаціи на экономической почвѣ*.

V.

Экономическая агитація! Политическая агитація! Какъ легко произнести эти всѣмъ извѣстные термины, какъ легко изъ-за нихъ перессориться, и какъ трудно въ то же время русскому агитатору разграничить связанныя съ ними понятія! Какъ трудно отдѣлить въ нашей русской агитаціонной практикѣ экономію отъ политики! Мы уже видѣли, что народники семидесятыхъ годовъ, осуждавшіе борьбу за политическую свободу, какъ грѣшную сдѣлку съ дьяволомъ оппортунизма, вынуждены были вести ее всюду, гдѣ агитація на почвѣ ближайшихъ экономическихъ требованій народа приводила ихъ и волнуемую ими массу къ столкновеніямъ съ правительствомъ. Но именно потому, что они вели ее *вопреки собственному теоретическому убѣжденію*, они не доводили ея до конца и, возставая противъ политической части программы «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза», они старались разрушать то теченіе, возникновенію котораго они сами содѣйствовали. Наши соціалъ-демократическіе «экономисты» окажутся—и, вѣроятно, уже оказывались много разъ—въ такомъ же двойственномъ положеніи. Полицейское правительство заставитъ ихъ—и, вѣроятно, уже заставило не однажды — заговаривать о *политикѣ* тамъ, гдѣ они

собирались ограничиться «пока» одною *экономіей*; но, заговоривъ о политикѣ наперекоръ собственной программѣ, т. е. задолго до того «*момента*» когда *весь рабочій классъ созрѣетъ* для политической *борьбы*, они по необходимости будутъ противорѣчить самимъ себѣ, не скажутъ и десятой доли того, что могло бы быть сказано ими, и вообще невольно будутъ ослаблять дѣйствіе своихъ собственныхъ усилій. Не лучше ли разъ-навсегда отказаться отъ вреднаго предразсудка? Не пора ли ясно сказать, что тамъ, гдѣ рабочіе лишены всѣхъ способовъ законной защиты своихъ интересовъ, почти всякое столкновеніе ихъ съ предпринимателями является въ то же самое время столкновеніемъ съ полицейскимъ государствомъ и потому дѣлаетъ политическую агитацію не только возможной, но совершенно неизбѣжной для всякаго серьезнаго агитатора.

Для насъ, соціалъ-демократовъ, въ высшей степени важно выяснить рабочимъ, что въ полицейскомъ государствѣ они всегда будутъ осуждены на болѣе или менѣе полное безправіе. Когда они поймутъ это, полицейское государство затрещитъ по всѣмъ швамъ. Авторъ брошюры «*Объ агитаціи*», разумѣется, прекрасно знаетъ это. Но онъ почему-то думаетъ, что такое выясненіе можетъ начаться лишь во второмъ «фазисѣ» рабочаго движенія, лишь тогда, когда рабочіе выдвинутъ «то или иное требованіе значительнаго измѣненія въ существующихъ на данной фабрикѣ или въ данной отрасли промышленности порядкахъ» [1]). Это слишкомъ схематично. На самомъ дѣлѣ указанное выясненіе можетъ и должно имѣть мѣсто даже и тогда, когда требованія рабочихъ сами по себѣ не принадлежатъ къ числу «значительныхъ», и когда движеніе, вызванное ими, еще далеко не охватываетъ цѣлой отрасли промышленности. Такое выясненіе должно быть начинаемо всегда и вездѣ, когда и гдѣ полицейскій произволъ поддерживаетъ хозяйскую прижимку. А гдѣ же и когда же онъ не поддерживаетъ ея? Всякій, кому

[1]) «Объ агитаціи», стр. 15.

приходилось дѣйствовать въ рабочей средѣ, легко воскресить въ своей памяти немало такихъ случаевъ борьбы рабочихъ «съ отдѣльными предпринимателями» (первый «фазисъ», по схемѣ нашего автора), которые могли бы дать хорошій поводъ для наглядная выясненія рабочимъ нѣкоторыхъ сторонъ нынѣшняго нашего полицейскаго порядка. Я сошлюсь на самого автора. Вотъ какими чертами изображаетъ онъ психологическій процессъ, совершающійся въ душѣ борющихся съ фабрикантомъ рабочихъ.

«Въ сознаніи всей правоты своего требованія рабочіе сначала держатся спокойно, увѣренные въ томъ, что всѣ должны быть на ихъ сторонѣ, всѣ должны имъ сочувствовать. Вѣдь все это такъ просто, требованіе ихъ такъ ясно, притѣсненіе такъ несправедливо! Они отправляютъ депутацію къ фабричному инспектору. Онъ навѣрное имъ поможетъ: вѣдь онъ защитникъ, онъ знаетъ всѣ законы, а законы навѣрное говорятъ въ ихъ пользу... Точно ушатомъ холодной воды обливаетъ ихъ инспекторъ... Въ законахъ ничего объ этомъ нѣтъ; фабрикантъ стоитъ на вполнѣ законной почвѣ, ничего не могу сдѣлать... Дверь закрывается передъ носомъ .. Какъ! чтобы законы за насъ не заступались! Быть этого не можетъ, чтобы насъ не защищалъ нашъ батюшка! Инспекторъ подкупленъ фабрикантомъ, онъ вретъ, нахально вретъ!.. Рабочіе пробуютъ другіе пути,—вездѣ отказъ, кое-гдѣ съ угрозой, которая скоро принимаетъ реальныя формы: въ помощь фабрикантамъ посылаются войска. Рабочіе получаютъ первый урокъ политической науки, гласящей, что право на сторонѣ сильнаго, что противъ организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда» [1]).

Здѣсь предполагаемое умозаключеніе не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому практическому опыту, на основаніи котораго оно строится. Если *правительство* становится на сторону *предпринимателей*, то изъ этого слѣдуетъ прежде

[1]) Тамъ же, стр. 15—16.

всего тотъ выводъ, что борьба противъ капитала должна сопровождаться *борьбой съ правительствомъ*, а не тотъ, что организаціи капиталистовъ надо противопоставить организацію рабочихъ. Легко было бы показать, что эта логическая ошибка вызвана уже знакомымъ намъ схематизмомъ автора. Но мнѣ теперь нѣтъ нужды въ этомъ. Теперь я хочу только спросить читателя: неужели же въ первомъ «фазисѣ» движенія, т.-е. когда рабочіе борются «съ отдѣльными предпринимателями», имъ не представляется случая получить изображенныя авторомъ впечатлѣнія и убѣдиться не только въ томъ, что «право на сторонѣ сильнаго», но также и въ томъ, что сила экономически сильнаго заключается нерѣдко въ политическомъ безправіи экономически слабаго? Конечно, да. Можно даже сказать, что изображаемый авторомъ психологическій процессъ *совершается преимущественно въ первомъ «фазисѣ»*. Тамъ, гдѣ столкновенія учащаются и охватываютъ цѣлыя отрасли промышленности, рабочіе уже имѣютъ обыкновенно много предварительнаго опыта, и врядъ-ли отличаются тою наивностью, какую приписываетъ имъ нашъ авторъ, — едва-ли они могутъ думать, что «всѣ (т. е. главнымъ образомъ, всѣ *власти*) будутъ на ихъ сторонѣ».

Но если «уроки политической науки» доступны рабочимъ уже въ первой порѣ ихъ движенія, то зачѣмъ мы будемъ откладывать политическую агитацію въ долгій ящикъ, зачѣмъ мы будемъ ждать момента ея наступленія? Онъ не *наступитъ*, потому что онъ *уже наступилъ*.

Выше я сказалъ, что рабочіе (и, конечно, не одни только рабочіе, а всѣ человѣческія существа безъ различія возраста, пола и общественнаго положенія) *никогда не вовлекаются въ борьбу иначе, какъ путемъ разсужденій*. Теперь пора прибавить, что характеръ этихъ разсужденій зависитъ отъ умственнаго развитія борющихся, и что степенью этого развитія должны опредѣляться *агитаціонные пріемы* тѣхъ людей, которые хотятъ повліять на ходъ борьбы въ томъ или другомъ смыслѣ. Въ примѣненіи къ

интересующему насъ вопросу это означаетъ, что *въ разныхъ слояхъ рабочаго класса политическая агитація непремѣнно должна принимать различный видъ*. Но необходимое разнообразіе ея *пріемовъ* не можетъ и не должно измѣнить ея *содержаніе, заключающееся въ выясненіи враждебности и непримиримой противоположности интересовъ рабочихъ съ интересами* самодержавнаго правительства. Эта противоположность не можетъ быть выяснена сразу; ея пониманіе будетъ лишь понемногу, лишь малыми дозами усваиваться рабочимъ классомъ. Но что-жъ изъ этого? И какая же великая общественная истина *сразу* усваивается тѣми, которые заинтересованы въ ея усвоеніи? Невозможно усвоить рабочему сразу и ту мысль, что интересы наемнаго труда противоположны интересамъ капитала. Но развѣ кто-нибудь умозаключитъ отсюда когда-либо, что мы не можемъ приступить къ выясненію этой мысли уже въ самомъ первомъ фазисѣ рабочаго движенія?

У рабочихъ возникаетъ недовѣріе къ *царскимъ чиновникамъ*,—мы углубляемъ и расширяемъ его, какъ можно больше, не упуская ни одного случая довести его до недовѣрія къ *самому царизму*.

У рабочихъ родится *сомнѣніе* въ выгодности для нихъ нынѣшняго политическаго порядка,—мы поддерживаемъ «это сомнѣніе всѣми средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи; мы старательно выставляемъ на видъ всѣ тѣ факты, которые способны дать ему новую пищу; мы растимъ его и заботливо охраняемъ до тѣхъ поръ, пока оно не уступитъ мѣста непримиримой *ненависти* къ самодержавному правительству.

Рабочихъ начинаетъ тяготить *рабское ярмо*,—мы принимаемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы они узнали «*свободы гордой вдохновенье*».

Мы лишь постепенно подвигаемся къ этой великой цѣли, но мы ни на минуту не упускаемъ ея изъ виду. Дѣло не въ томъ, можемъ или не можемъ мы высказать въ данномъ частномъ случаѣ нашу политическую мысль *во*

всей ея полнотѣ, а въ томъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ мы передаемъ рабочей массѣ возможно-большую часть того запаса политическихъ понятій, которымъ мы обладаемъ. Поскольку мы передаемъ ей эти понятія, мы *боремся съ самодержавнымъ правительствомъ, и всякій новый успѣхъ нашъ въ этомъ дѣлѣ будетъ новымъ пораженіемъ абсолютизма.*

VI.

Я знаю, что многихъ удивятъ эти слова. Въ нашихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ до сихъ поръ очень распространено то представленіе о политической борьбѣ, согласно которому необходимыми ея аттрибутами являются заговоры, кинжалы, взрывчатыя вещества, или по меньшей мѣрѣ, баррикады и манифестаціи. Но это одно изъ тѣхъ ошибочныхъ представленій, которыя унаслѣдованы нами отъ анархизма и которыя очень сильно мѣшаютъ распространенію у насъ правильнаго взгляда на нашу политическую задачу. Заговоры, кинжалы, взрывчатыя вещества, баррикады и манифестаціи—все это не болѣе, какъ *пріемы* политической борьбы, очень полезные и даже вполнѣ неизбѣжные при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но вовсе не исключающіе возможности, пользы и даже полной неизбѣжности *другихъ пріемовъ при другихъ обстоятельствахъ. Сущность политической*—какъ и всякой другой—*борьбы* заключается въ томъ, что *каждая изъ борющихся сторонъ старается разрушить или хотя бы только ослабить силы, поддерживающія существованіе другой стороны.* Тотъ или иной пріемъ хорошъ лишь постольку, постольку онъ служитъ для достиженія этой цѣли. Спрашивается теперь, ослабляются ли силы правительства тѣмъ, что мы распространяемъ недовѣріе и ненависть къ нему въ средѣ рабочаго класса? На этотъ вопросъ, разумѣется, нельзя отвѣтить иначе, какъ утвердительно. И само правительство отвѣчаетъ на него такъ своими дѣйствіями. Оно всѣми силами старается поддержать и упрочить вѣковые политическіе

предразсудки нашего народа. Оно понимаетъ, что каждая удача его на этомъ мрачномъ поприщѣ означаетъ пораженіе *«революціонной гидры»*. Оно понимаетъ также, что и, наоборотъ,—всякій успѣхъ «революціонной гидры» въ борьбѣ съ этими предразсудками приближаетъ время его паденія. И можно утверждать, нимало не рискуя ошибиться, что самый страшный теперь для него и самый дѣйствительный пріемъ борьбы съ нимъ состоитъ именно въ развитіи политическаго сознанія пролетаріата посредствомъ устной и печатной пропаганды и агитаціи.

«Критика посредствомъ оружія,—справедливо говоритъ Марксъ,—не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, матеріальная сила должна быть свергнута матеріальной силой, но теорія тоже дѣлается матеріальной силой, когда увлекаетъ за собой массу». Намъ именно нужно теперь создавать и увеличивать матеріальную силу революціи, распространяя въ массѣ—посредствомъ пропаганды и агитаціи—«теорію» противоположности интересовъ самодержавія съ ея собственными насущнѣйшими интересами [1]). Успѣшное распространеніе этой «теоріи» обѣщаетъ намъ теперь самые блестящіе успѣхи: *именно оно дастъ намъ возможность добиться отъ правительства нѣкоторыхъ уступокъ.*

Это тоже можетъ показаться сомнительнымъ, но это тоже несомнѣнно. Доказательство на-лицо. Наши польскіе товарищи твердо и рѣшительно выступили на путь *политической* агитаціи. Чисто-*экономическая* программа давно уже внушаетъ имъ презрительное сожалѣніе. И что же? Русское правительство уже задумывается объ уступкахъ польскимъ рабочимъ. Въ запискѣ, поданной царю въ январѣ 1898 года, варшавскій генералъ-губернаторъ,

---

[1]) Революціонеры классической эпохи нашего «терроризма» прекрасно понимали значеніе «теоріи». Большинство террористическихъ дѣйствій предпринято было для того, чтобы *произвести извѣстное впечатлѣніе «на общество»*, т. е. другими словами для того, чтобы *измѣнить отношеніе общественныхъ силъ посредствомъ вліянія на умы извѣстной части обывателей.*

князь Имеретинскій, требуетъ пересмотра законодательства о рабочихъ, ссылаясь на то, что стѣсненія, налагаемыя на рабочій классъ отсталыми законами, *могутъ усилить вліяніе на нихъ «соціально-революціонной пропаганды»*. Разсудительный князь такъ и говоритъ: законодатель въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ дѣлать различіе между Польшей и «другими, *болѣе спокойными* районами внутри Россіи» [1]).

Это чрезвычайно интересный и поучительный примѣръ діалектики общественной борьбы. Энергичная *политическая* агитація, предпринятая нашими польскими товарищами, сдѣлала польскій край *менѣе спокойнымъ*, чѣмъ «другіе районы», и правительство заявляетъ, что «удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ» польскаго рабочаго класса «*пріобрѣтаетъ*» значеніе государственной важности» [2]). Если экономическія столкновенія рабочихъ съ предпринимателями могутъ порождать политическое недовольство рабочихъ, то политическое недовольство рабочихъ можетъ, какъ видимъ, съ своей стороны повести къ улучшенію позиціи рабочихъ въ ихъ *экономической* борьбѣ съ капиталистами. Экономія переходитъ въ политику, политика въ экономію.

Да нужно ли было намъ ходить въ Польшу за подтвержденіемъ этой истины? Ее, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ исторія закона 2 іюня 1897 года. Хотите знать, почему правительство нашло нужнымъ уступить требованіямъ рабочихъ на счетъ сокращенія рабочаго дня? Послушайте одного изъ членовъ комиссіи для составленія проекта названнаго закона. Во время поднявшихся въ комиссіи преній о томъ, долженъ ли тотъ же законъ регулировать заработокъ рабочихъ, вице-директоръ хозяйственнаго департамента министерства вну-

---

[1]) «Тайны нашей государственной политики въ Польшѣ», сборникъ секретныхъ документовъ. London, 1898, стр. 36. (Курсивъ въ цитатѣ мой).

[2]) Тотъ же сборникъ, стр. 33.

треннихъ дѣлъ Щегловитовъ высказалъ основныя побужденія правительства слѣдующимъ недвусмысленнымъ образомъ: «Если рабочіе убѣдятся, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на своего защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ (г. Щегловитовъ хочетъ сказать: если *рабочіе* не получатъ такого впечатлѣнія *отъ закона*), то рабочіе будутъ болѣе склонны къ правительственной пропагандѣ» [1]). Кажется, ясно; кажется, *политическая* цѣль правительства не можетъ подлежать сомнѣнію? А если—да, то вѣдь изъ этого прямо слѣдуетъ, что, чѣмъ настойчивѣе и энергичнѣе станутъ наши политическія *«внушенія»* рабочему классу, тѣмъ чаще будетъ уступать ему правительство въ интересахъ самосохраненія. Конечно, эти уступки не могутъ итти дальше извѣстнаго предѣла: въ противномъ случаѣ мы были бы неправы, утверждая, что интересы рабочихъ непримиримы съ интересами самодержавія. Но пока еще не наступилъ этотъ предѣлъ, оно непремѣнно будетъ уступать, въ надеждѣ пересилить этимъ наше вліяніе на рабочихъ.

Интересно, что сами предприниматели,—и при томъ даже и районовъ сравнительно очень *«спокойныхъ»*,—начинаютъ сознавать теперь, что русское законодательство о рабочихъ устарѣло и нуждается въ пересмотрѣ. Горный инженеръ В. В. Жуковскій, который былъ командированъ совѣщательной конторой желѣзнозаводчиковъ въ Австрію для изученія тамъ отношеній между предпринимателями и рабочими, издалъ по своемъ возвращеніи въ Россію брошюру, гдѣ высказываетъ, между прочимъ, ту мысль, что *лѣтъ черезъ 20 у насъ нужно будетъ легализировать рабочіе союзы.* Само собою разумѣется, что мы, соціалдемократы, относимся къ вопросу

[1]) См. «Тайные документы, относящіеся къ закону 2 іюня 1897 г.» Женева, 1899 года, стр. 21; смотри также стр. 19 и 28.

о правахъ рабочихъ не такъ *терпѣливо*, какъ г. Жуковскій. *Мы постараемся завоевать многія изъ нихъ гораздо раньше назначеннаго имъ срока.* Но я увѣренъ, что къ этому завоеванію насъ приведетъ *только путь политической агитаціи.*

Пусть, однако, не считаютъ меня исключительнымъ сторонникомъ политической борьбы посредствомъ живого и печатнаго слова. Я безусловно настаиваю *только на необходимости политической борьбы, а вопросъ объ ея пріемахъ всегда былъ и останется для меня вопросомъ цѣлесообразности.* Пріемы эти опредѣляются общимъ состояніемъ страны, соотношеніемъ существующихъ въ ней общественныхъ силъ и,—главное,—степенью политическаго развитія рабочихъ. Чѣмъ дальше уйдетъ это развитіе, тѣмъ разнообразнѣе будутъ становиться пріемы нашей политической борьбы съ правительствомъ. Теперь мы боремся преимущественно посредствомъ живого и печатнаго слова. Но именно потому, что эти пріемы борьбы въ высшей степени цѣлесообразны; именно потому, что они хорошо вліяютъ на политическое развитіе рабочихъ, у насъ становится возможнымъ употребленіе въ дѣло новаго могучаго пріема: *демонстраціи.* Событія, имѣвшія мѣсто въ Харьковѣ весною нынѣшняго года, можетъ быть, знаменуютъ собою начало новой эпохи въ исторіи нашей борьбы. Въ теченіе этой эпохи еще болѣе разовьется политическое сознаніе рабочаго класса, т.-е. слѣдовательно, еще болѣе возрастутъ наши силы, и тогда... Но зачѣмъ забѣгать впередъ: *довлѣетъ дневи злоба его!*

Послѣ всего сказаннаго ясна, надѣюсь, отличительная черта той тактики, которую я отстаиваю. Авторъ брошюры «*Объ агитаціи*» излагалъ дѣло такъ, какъ будто въ первыхъ двухъ «фазисахъ» рабочаго движенія политическая агитація неумѣстна; по-моему, она становится у насъ умѣстной всюду, гдѣ показываются признаки такого движенія. Авторъ брошюры «*Объ агитаціи*» разсуждаетъ такъ, какъ-будто политическая борьба можетъ быть только дѣломъ *пролетаріата, какъ цѣлаго класса,*

достигшаго извѣстной высоты развитія; я же думаю, что политическая борьба должна быть немедленно начата *нашей партіей*, которая представляетъ собою *передовой отрядъ* пролетаріата, — его наиболѣе сознательный и революціонный *слой*, — и что политическая борьба нашей *партіи* явится однимъ изъ самыхъ могучихъ факторовъ дальнѣйшаго развитія рабочаго класса. Авторъ брошюры «Объ агитаціи» склоняется, повидимому, къ той мысли, что политическая борьба съ самодержавіемъ начинается только тогда, когда борющіеся предъявляютъ правительству опредѣленныя политическія требованія, т.-е. гдѣ заходитъ рѣчь о той или другой законодательной реформѣ; а мнѣ эта мысль кажется ошибкой, сильно затрудняющей намъ исполненіе нашей политической задачи; въ моихъ глазахъ первой реформой, которую мы должны имѣть въ виду, является *реформа политическаго сознанія рабочаго класса*, и я полагаю, что, начавъ дѣло этой реформы, мы тѣмъ самымъ начинаемъ политическую борьбу съ правительствомъ, великую революціонную борьбу за вліяніе на умы рабочихъ, которая естественнымъ и логическимъ ходомъ своимъ приведетъ и къ извѣстнымъ требованіямъ со стороны пролетаріата, и къ извѣстнымъ уступкамъ со стороны правительства. Авторъ брошюры «Объ агитаціи» смѣшиваетъ понятіе «*классъ*» съ понятіемъ «*партія*», и, сосредоточивъ свое вниманіе на предполагаемомъ ходѣ развитія нашего рабочаго движенія, онъ забываетъ о политической иниціативѣ нашей *партіи*; а я считаю, что указанное смѣшеніе служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ заблужденій, которыя вызвали въ послѣдніе годы такъ много споровъ и разногласій въ нашей партіи, и что устраненіе этого смѣшенія необходимо для того, чтобы мы могли опредѣлить политическую *обязанность соціалъ-демократической партіи по отношенію къ рабочему классу*.

Въ самомъ дѣлѣ, авторъ брошюры «Объ агитаціи» не сторонникъ «экономическаго» направленія. «Но мы уже видѣли, что на нѣкоторые его доводы съ полнымъ

основаніемъ могутъ опираться чистые «экономисты». И поскольку онъ смѣшиваетъ классъ съ партіей, онъ безсознательно и невольно вноситъ каплю своего меду въ тотъ улей, въ которомъ работаютъ теперь авторы извѣстнаго «Credo» и ихъ единомышленники. Если о *политической борьбѣ* съ самодержавіемъ можно будетъ заговорить только тогда, когда для нея созрѣетъ *весь русскій рабочій классъ*, то позволительно ли вести рѣчь о *соціализмѣ* раньше, чѣмъ *весь пролетаріатъ* въ его цѣломъ не «*потребуетъ*» устраненія капиталистическаго хозяйства? Но пролетаріатъ въ его цѣломъ *еще не* «требуетъ» этого даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. *Поэтому существованіе соціалъ-демократіи не имѣетъ теперь смысла.* Какъ представители рабочаго *класса*, мы имѣемъ право говорить теперь лишь о нѣкоторыхъ второстепенныхъ реформахъ рабочаго законодательства. А для этого нѣтъ надобности въ особой соціалдемократической партіи. Мы были соціалдемократами; мы должны перестать быть ими. Таковъ ходъ мыслей, приведшій къ появленію «Credo». Въ своемъ *окончательномъ результатѣ* онъ очень далекъ отъ того, съ которымъ мы встрѣчаемся въ брошюрѣ «Объ агитаціи». Но въ своемъ *началѣ* онъ *совпадаетъ съ нимъ*, и этимъ объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что единомышленники авторовъ «Credo» очень часто и охотно ссылались на брошюру «Объ агитаціи» и противопоставляли ее программѣ группы «*Освобожденіе Труда*».

VII.

Я указывалъ на стачки, какъ на явленіе, дающее поводъ для политическаго воздѣйствія соціалъ-демократовъ на рабочую массу. Но кто знакомъ съ условіями русской жизни, тотъ понимаетъ, что подобные поводы далеко не исчерпываются стачками. Они встрѣчаются всюду, гдѣ на русскаго работника давитъ тяжелая лапа русскаго администратора. Рабочій страдаетъ отъ своего политическаго безправія, не только какъ продавецъ рабочей силы, но и

какъ обыватель, котораго начальство «*тащитъ*» туда, откуда ему хотѣлось бы вырваться и «*не пущаетъ*» туда, куда ему хотѣлось бы пробраться. Эта милая распорядительность начальства вызываетъ въ рабочихъ чувства неудовольствія и протеста, а тамъ, гдѣ зародились эти чувства, готово мѣсто и для политическаго воздѣйствія на нихъ соціалъ-демократической партіи.

Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ ходилъ слухъ о томъ, что одесскій градоначальникъ Зеленый,— о которомъ вообще разсказывали множество курьезовъ, достойныхъ изложенія перомъ Щедрина,—издалъ постановленіе, воспрещавшее «простонародію» ходить по тротуарамъ, которые предоставлялись такимъ образомъ въ исключительное распоряженіе «чистой публики». Это постановленіе не относилось непосредственно къ условіямъ продажи рабочими своей рабочей силы; оно было чуждо какихъ-нибудь экономическихъ соображеній: оно явилось однимъ изъ проявленій до сихъ поръ сильнаго у насъ *сословнаго предразсудка и крѣпостническаго самодурства*. Но это не мѣшало ему быть возмутительнымъ, и многіе одесскіе рабочіе, навѣрное, приняли его, какъ *жестокое оскорбленіе*. Соціалъ-демократія должна была *высказать*, что *чувствовали* эти рабочіе; она должна была поставить частные случаи административнаго произвола въ связь со всей правительственной системой и, бичуя одесскаго *сатрапа*, зацѣпить петербургскаго *самодержца*. Тактично составленное и широко распространенное въ массѣ воззваніе непремѣнно заронило бы сѣмя политическаго сознанія во многія рабочія головы.

Я не ручаюсь за то, что Зеленый дѣйствительно издалъ указанное постановленіе. Можетъ быть, слухъ о немъ былъ невѣренъ. Но для меня это неважно. Мнѣ нуженъ былъ только примѣръ для поясненія моей мысли, и если читатель ее понялъ, то онъ самъ иллюстрируетъ ее другими, совершенно достовѣрными примѣрами. Затрудненіе можетъ представиться ему, развѣ лишь вслѣдствіе крайняго изобилія такихъ примѣровъ.

Я позволю себѣ указать ему случаи, освѣщающіе обязанность нашей партіи при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Именно, я укажу на анти-еврейскіе безпорядки. Какихъ дѣйствій требуютъ они отъ нашей партіи? Скажетъ ли намъ кто-нибудь, что мы должны подстрекать бунтующую толпу и поддерживать буяновъ? Этого не скажетъ никто, кромѣ антисемитовъ. Почему не скажетъ? По тысячѣ соображеній, ясно показывающихъ, что національный антагонизмъ крайне вреденъ для рабочаго движенія и что антисемитизмъ полезенъ *только* его противникамъ. Но если эти соображенія ясны и убѣдительны, то почему-же не довести ихъ до свѣдѣнія рабочихъ? Почему не высказать ихъ кратко, но рѣшительно, въ то смутное и печальное время, когда масса не слышитъ ничего, кромѣ безсмысленныхъ науськиваній? Если наше воззваніе и не остановитъ толпы, то оно все-таки не пройдетъ безслѣдно, оно все-таки занесетъ лучъ свѣта въ темное царство и будетъ содѣйствовать развитію политическаго сознанія массы.

Далѣе. Въ первые часы или даже дни анти-еврейскихъ безпорядковъ полиція обыкновенно потворствуетъ буянамъ и смотритъ на ихъ подвиги сквозь пальцы. Она сама не прочь потормошить «жидовъ». Но она любитъ «порядокъ» и потому рѣшается, наконецъ, дѣйствовать. Начинаются «*внушенія*» и «*усмиренія*», которыя по своимъ пріемамъ сами составляютъ вопіющее преступленіе противъ человѣческой личности. Достаточно сказать, что *розги* играютъ очень видную роль въ этихъ «внушеніяхъ», расточаемыхъ безъ суда и слѣдствія, по усмотрѣнію пьяныхъ приставовъ и по указаніямъ безсовѣстныхъ сыщиковъ. Русскій народъ уже вышелъ изъ того варварства, въ которомъ онъ могъ равнодушно переносить такія расправы. Теперь онѣ оскорбляютъ его нравственное чувство, и мы можемъ посѣять много благородной ненависти на почвѣ, подготовленной такимъ оскорбленіемъ.

Еще примѣръ. Студенческіе безпорядки ни прямо, ни

косвенно не касаются условій найма рабочихъ капиталистами. Но они вызываютъ толки, доходящіе до слуха рабочаго класса: о нихъ пишутъ въ газетахъ, о нихъ говорятъ лавочники, о нихъ лжетъ полиція. Въ трудящемся населеніи большихъ городовъ найдется немало лицъ, интересующихся такого рода явленіями, и *наша партія обязана, въ интересахъ своей борьбы за политическую свободу*, выяснить имъ истинный смыслъ студенческихъ «*бунтовъ*». Она должна показать имъ, что дѣйствія «бунтовщиковъ», направляютъ противъ того самаго порядка, отъ котораго больше всего достается именно рабочему народу, и что, поэтому, рабочій народъ долженъ видѣть въ бунтовщикахъ *не враговъ, а союзниковъ*. Чѣмъ шире распространится такой взглядъ въ народной массѣ, тѣмъ болѣе ослабѣетъ вліяніе на нее охотно рядскихъ элементовъ, составляющихъ самый надежный оплотъ политической реакціи, и тѣмъ болѣе усилится вліяніе на нее революціонной соціалъ-демократіи [1]).

А народныя школы? А народныя чтенія? А разнообразныя просвѣтительныя попытки интеллигенціи, которыя отвѣчаютъ *серьезной и вполнѣ сознанной рабочимъ классомъ духовной потребности* и которыя встрѣчаютъ со стороны правительства такое множество препятствій? Трудящаяся масса настойчиво проситъ умственной *пищи*, правительство осуждаетъ ее на умственный *голодъ* и неотступно преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли бы придти къ ней на помощь, а мы будемъ молчать, успокаивая свою совѣсть революціонеровъ тѣмъ соображе-

---

[1]) Сюда же надо отнести и распространеніе въ рабочей средѣ агитаціонныхъ воззваній по поводу жестокихъ расправъ правительства съ отдѣльными представителями свободно мыслящей интеллигенціи, напримѣръ, съ Вѣтровой. Зачѣмъ станемъ мы молчать о томъ, что этихъ пытаютъ и терзаютъ тѣ самые слуги царя, которые готовы запытать и растерзать всякаго пролетарія, въ голову котораго проникаетъ мысль о борьбѣ за лучшее будущее?

ніемъ, что все это не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ фабричнымъ порядкамъ и прямой связи съ вопросомъ о расцѣнкахъ? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Если бы мы поступали такимъ образомъ, мы сдѣлались бы смѣшными доктринерами, жалкими педантами, неспособными пріобрѣсти широкое вліяніе на общественную жизнь и недостойными выступать въ качествѣ носителей великой освободительной *«идеи рабочаго сословія»*.

Такъ называемые культурники съ любовью къ дѣлу и съ самоотверженіемъ несутъ знаніе въ пробуждающуюся отъ многовѣковаго сна народную массу, но, натолкнувшись на цензурныя рѣшетки и полицейскія рогатки, они останавливаются въ нерѣшительности и *не смѣютъ* сообщить народу самое лучшее изъ того, что они могли бы сообщить ему. Иногда имъ удается преподать своимъ слушателямъ нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія по естествознанію, исторіи и географіи, но они не дерзаютъ затронуть передъ ними *важнѣйшій вопросъ* народнаго образованія, не рѣшаются указать на царя и на царскихъ опричниковъ, какъ на сильнѣйшее теперь препятствіе этому образованію. Соціалъ-демократія и здѣсь,—*какъ вездѣ*,—пойдетъ гораздо дальше другихъ направленій: она выскажетъ то, о чемъ молчатъ другіе, произнесетъ то слово, которое обходятъ «культурники» въ своемъ преподаваніи. Она объяснитъ народу, *кто* и *зачѣмъ* заслоняетъ отъ него свѣтъ знанія; она разоблачитъ политику *«народнаго просвѣщенія»*; она будетъ въ своихъ воззваніяхъ безпощадно клеймить продѣлки нашихъ обскурантовъ. И это будетъ новымъ видомъ политической *агитаціи*; это явится однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ *борьбы за политическую свободу*.

Еще одинъ примѣръ, на этотъ разъ послѣдній. «Неурожаи сдѣлались у насъ постояннымъ явленіемъ, несущимъ множество несказанныхъ бѣдствій населенію пострадавшихъ мѣстностей. Въ такихъ случаяхъ прямая

обязанность правительства оказать серьезную помощь голодающимъ. Но наше правительство не только не оказываетъ крестьянамъ серьезной помощи, но всячески стѣсняетъ тѣхъ частныхъ лицъ, которые хотѣли бы послужить народу въ тяжелую для него годину. Русская соціалъ-демократія обязана разоблачать передъ трудящейся массой эти тиранническія и постыдныя дѣйствія русскаго правительства. Промышленные рабочіе, навѣрное, выслушаютъ ее со вниманіемъ; вѣдь для многихъ изъ нихъ неурожай означаетъ раззореніе оставшейся въ деревнѣ родной семьи, нищету родителей и братьевъ. Иные изъ этихъ рабочихъ принесли, можетъ быть, съ собою изъ деревни наивное убѣжденіе въ томъ, что всякая помощь голоднымъ оказывается по царскому почину и распоряженію. Каково же будетъ ихъ негодованіе, когда мы обнаружимъ ихъ ошибку, когда мы покажемъ имъ, какъ ведетъ себя въ такихъ случаяхъ самодержавное правительство»! Мы не можемъ ограничиваться болѣе или менѣе длинными статьями въ предназначенныхъ для рабочихъ періодическихъ изданіяхъ. Мы должны во множествѣ распространять летучіе листки и воззванія, доступные пониманію самыхъ неразвитыхъ рабочихъ. Тутъ недостаточно *пропаганды*—тутъ необходима *агитація*.

Замѣчу кстати, что въ листкахъ и воззваніяхъ намъ слѣдуетъ обращаться при этомъ не только къ рабочимъ, но также и къ *крестьянамъ*, которыхъ этотъ вопросъ касается всего ближе. Я уже сказалъ, что многіе промышленные рабочіе имѣютъ въ деревнѣ отцовъ и братьевъ. Но вѣдь кромѣ *промышленныхъ* рабочихъ есть еще и *сельско-хозяйственные*. Такими являются тѣ изъ крестьянъ, которые по незначительности своего земельнаго надѣла живутъ *продажей своей рабочей силы*. Эти крестьяне—тѣ же пролетаріи, и горе намъ, если мы позабудемъ объ этомъ! Правда, промышленные рабочіе воспріимчивѣе сельско-хозяйственныхъ, и потому *первыя* наши усилія естественно направляются на промышлен-

ные центры. Но чѣмъ большимъ успѣхомъ увѣнчаются эти наши усилія, т. е., чѣмъ болѣе возрастетъ наше вліяніе на *промышленныхъ* рабочихъ, тѣмъ возможнѣе и необходимѣе станетъ для насъ революціонное *воздѣйствіе на деревню*. Зная это, мы уже теперь должны прокладывать себѣ дорогу въ нее всякій разъ, когда къ этому представляется удобный поводъ. А между такими поводами едва ли не первое мѣсто принадлежитъ хроническимъ голодовкамъ и сопровождающимъ ихъ стѣснительнымъ распоряженіямъ нашего попечительнаго начальства.

VIII.

«Располагая фактами и сообщеніями изъ разныхъ мѣстъ, сотрудники «Рабочей Мысли» должны дѣлать сводки и указывать, какъ слагается общее насиліе самодержавной власти отъ этихъ частныхъ чиновничьихъ и хозяйскихъ притѣсненій, причемъ нужна простота, ясность и воодушевленность».

Такъ говоритъ въ письмѣ, напечатанномъ въ № 8 «Рабочей Мысли», «*практикъ рабочій*», очевидно, мало опытный въ программныхъ спорахъ, но хорошо понимающій требованія жизни и положеніе своего класса въ нашемъ полицейскомъ государствѣ. Редакція «Рабочей Мысли» въ особомъ примѣчаніи обратила вниманіе читателей лишь на непослѣдовательность автора письма, который осуждаетъ употребленіе иностранныхъ словъ въ статьяхъ, предназначенныхъ для рабочихъ, и самъ во множествѣ употребляетъ ихъ въ своемъ письмѣ. Оставляя открытымъ вопросъ объ иностранныхъ словахъ, я замѣчу въ свою очередь, что цитированное мною мѣсто письма «практика рабочаго» прекрасно опредѣляетъ общую агитаціонную задачу нашей партіи: *ставить мелкія притѣсненія, испытываемыя рабочими со стороны хозяина и чиновниковъ, въ связь съ общимъ насиліемъ самодержавной власти*». Это какъ-разъ та задача, на которую я указываю и отъ посильнаго рѣшенія которой мы не

имѣемъ права уклоняться даже въ самомъ первомъ «фазисѣ» рабочаго движенія. Но если это такъ, если «практикъ рабочій» вѣрно опредѣляетъ намъ нашу практическую задачу, то стремиться къ чисто-экономической агитаціи значитъ дѣлать огромную и непростительную тактическую ошибку.

«Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его загорбкѣ, охъ, какъ знаетъ!—говорится еще въ письмѣ.—Нужно только, чтобы съ перваго же слова сердце его забилось сильнѣй, и онъ не удержится, чтобы не сходить къ сосѣду и... не передать ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается его сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ насилій». Это опять то самое, что говорю я: въ своей агитаціи наша партія не можетъ ограничиться указаніемъ рабочему факта экономической его эксплуатаціи; она непременно должна касаться той *«тьмы насилій»*, которая окружаетъ рабочаго со всѣхъ сторонъ и отъ которой родится сомнѣніе въ его головѣ и накопляется горечь въ его сердцѣ. Если мы сумѣемъ дать надлежащее направленіе этимъ сомнѣніямъ и найти яркое выраженіе этой горечи, то и въ самомъ дѣлѣ отъ нашихъ воззваній будетъ сильнѣе биться сердце въ груди пролетарія и быстрѣе обращаться кровь въ его жилахъ. «Дайте просторъ агитаціи и публицистикѣ,—прекрасно говоритъ «практикъ рабочій»,—и вы увидите, какъ заискрятся тысячи глазъ нашихъ рабочихъ, какъ воодушевятся лица и какъ быстро полетитъ вѣсть о дружномъ единеніи»... О какой же публицистикѣ говоритъ онъ? Ясно, что о *политической* т. е. о той самой, которая, по моему мнѣнію, должна быть неразрывно связана съ агитаціей на *экономической почвѣ*. Это письмо рабочаго есть *первое* (а можетъ быть уже и не первое?) *предостереженіе* г.г. «экономистамъ», идущее изъ среды нашего пролетаріата. Надо надѣяться, что за нимъ скоро послѣдуютъ другія.

Въ письмѣ «практика рабочаго» есть еще одно очень замѣчательное мѣсто. Привожу его цѣликомъ.

«Можетъ быть, вамъ покажется смѣшнымъ, что рабочіе

зачитывали до дыръ народовольческую брошюру «*Подпольная Россія*» и жили вмѣстѣ съ ея героями, забывая всякія опасности и трудности настоящаго. Я не сторонникъ разныхъ заговоровъ и терроровъ, но для меня нимало не смѣшно видѣть человѣка, перемѣнившаго Бову Королевича на Желябова и спящую красавицу на Вѣру Перовскую. Я указываю только на психологію рабочаго и не хочу сказать о какомъ-нибудь новомъ направленіи или воскрешеніи народовольческихъ утопій».

Указываемая здѣсь «психологія»—увлеченіе «*народовольческой*» брошюрой «Подпольная Россія» и біографіями Желябова и «*Вѣры*» Перовской—дѣлаетъ большую честь русскимъ рабочимъ и доказываетъ лишній разъ то, что мнѣ часто приходилось высказывать устно и въ печати, навлекая на себя злыя насмѣшки «интеллигентныхъ» скептиковъ: что русскій пролетаріатъ отомститъ русскому правительству за многократныя пораженія, нанесенныя имъ русской революціонной интеллигенціи. Но почему же авторъ письма думаетъ, что такая психологія русскихъ рабочихъ можетъ вызвать насмѣшки со стороны людей, называющихъ себя друзьями пролетаріата? Вѣроятно, онъ имѣетъ къ тому свои основанія; вѣроятно, онъ встрѣчалъ людей, осмѣивавшихъ сочувствіе рабочихъ героямъ «Подпольной Россіи». Если это такъ, если такіе люди дѣйствительно существуютъ, то да будетъ имъ очень стыдно! Они могутъ искренно считать себя друзьями рабочаго класса; но въ дѣйствительности они *не друзья рабочихъ, а ихъ враги, не просвѣтители, а усыпители*».

«*Заговоры и террроры*» теперь совершенно неумѣстны; но память о заговорщикахъ и террористахъ, преслѣдовавшихъ святую цѣль экономическаго и политическаго освобожденія русскаго народа, должна быть такъ-же дорога всѣмъ сознательнымъ рабочимъ, какъ дорога всѣмъ искреннимъ христіанамъ память ихъ мучениковъ. Желябовы и Перовскія составляютъ славу нашей родины.

IX.

Тактика, предлагаемая «рабочимъ практикомъ», нуждается въ одномъ только дополненіи: наша партія въ своей агитаціи должна указывать рабочимъ *не только на ту «тьму насилій»*, отъ которой *страдаютъ они сами но*, какъ я указывалъ выше, *также и на ту, которая тяготѣетъ* надо всей трудящейся и надо всей свободомыслящей Россіей. Такія указанія будутъ расширять политическій кругозоръ пролетаріата и въ то же время пріобрѣтать новыхъ, многочисленныхъ друзей его передовому отряду, т. е. нашей партіи. Они распространятъ наше политическое вліяніе далеко за предѣлы рабочаго класса въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Наша агитація и теперь уже въ значительной степени имѣетъ политическій характеръ. Намъ необходимо еще ярче и рѣшительнѣе оттѣнить этотъ характеръ, разъ навсегда разорвавъ со всякими «экономическими» предразсудками. Пріемы нашей политической агитаціи должны стать гораздо разнообразнѣе, область ея распространенія много шире, чѣмъ прежде. Я понимаю, что все это предполагаетъ, можетъ быть, такую организацію, какой у насъ пока еще нѣтъ, и такія матеріальныя средства, какими мы пока еще не располагаемъ. Но многое можно сдѣлать въ указанномъ направленіи уже и въ настоящее время. А каждый шагъ, сдѣланный нами въ этомъ направленіи, будетъ укрѣплять нашу организацію и увеличивать наши матеріальныя средства по той простой причинѣ, что будетъ увеличивать и укрѣплять сочувствіе къ намъ всѣхъ демократическихъ элементовъ нашего отечества. Эти элементы окажутъ намъ незамѣнимую поддержку въ политической борьбѣ съ самодержавіемъ.

На основаніи этихъ послѣднихъ словъ меня обвинятъ, пожалуй,—какъ обвиняли недавно П. Аксельрода,—въ намѣреніи покинуть точку зрѣнія классовой борьбы и содѣйствовать сближенію пролетаріата съ буржуазіей. Но я не боюсь такихъ обвиненій. Болѣе того, я убѣжденъ,

что пора уже *обратить их противъ обвинителей.* Ия сдѣлаю это немедленно.

Русскій рабочій классъ страдаетъ не только отъ капитализма, но и отъ недостаточнаго развитія капитализма. Самымъ тяжелымъ для пролетаріевъ послѣдствіемъ *неразвитости* нашей *экономики* является ихъ *политическое безправіе,* дѣлающее изъ нихъ рабовъ нервой встрѣчной кокарды и чрезвычайно затрудняющее ихъ *борьбу съ капиталистами.* Завоеваніе политическихъ правъ, разрушеніе абсолютизма составляетъ, поэтому, необходимое условіе правильнаго развитія этой борьбы. Русскій соціалъ-демократъ обязанъ выяснять рабочему не только ту враждебную противоположность, которая раздѣляетъ его интересы отъ интересовъ предпринимателей, но также и ту, которая существуетъ между его интересами, съ одной стороны, и интересами самодержавія—съ другой. Но интересы самодержавія враждебны интересамъ не однихъ только рабочихъ. Поэтому и въ борьбѣ съ самодержавіемъ заинтересованы не одни только рабочіе. Русская соціалъ-демократія сдѣлала бы непростительную ошибку, если бы она упустила изъ виду это важное обстоятельство и не сумѣла воспользоваться имъ въ интересахъ освободительнаго движенія пролетаріата. Она не можетъ игнорировать тѣ слои русскаго населенія, въ которыхъ живетъ духъ оппозиціи. Марксъ и Энгельсъ высказали въ Манифестѣ Коммунистической Партіи ту мысль, что коммунисты обязаны поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго порядка. Эта мысль сохранила все свое великое значеніе и для нашего времени. Она должна руководить нами въ нашихъ отношеніяхъ къ «обществу». Мы не только не имѣемъ права игнорировать существующія въ его средѣ оппозиціонныя теченія, но обязаны старательно и постоянно выставлять на видъ сторонникамъ этихъ теченій тѣ наши политическія стремленія, которыя дѣлаютъ изъ насъ *самыхъ рѣшительныхъ и самыхъ непримиримыхъ враговъ абсолютизма.* Намъ нечего бояться *сближенія* съ оппо-

зиціонными слоями нашего общества; намъ надо позаботиться только о томъ, *чтобы они не подчиняли насъ своему вліянію и руководству*. А такое подчиненіе сдѣлалось бы возможнымъ,—и даже *неминуемымъ*,—только въ томъ случаѣ, если бы у насъ восторжествовало *экономическое направленіе*.

Сторонники этого направленія не хотятъ политической борьбы, по крайней мѣрѣ, для настоящаго «момента». Но мы уже знаемъ, что у насъ въ Россіи эта борьба—та же природа: если вы гоните ее въ дверь, она возвращается черезъ окно. Но, возвращаясь такимъ необычайнымъ образомъ, она производитъ вреднѣйшую путаницу тамъ, гдѣ нельзя обойтись безъ самаго строгаго порядка. Благодаря этой путаницѣ, люди, идущіе въ одну комнату, противъ собственнаго вѣдома и желанія попадаютъ въ другую. Этотъ непріятный пассажъ уже случился съ нѣкоторой,—замѣтьте: съ *наиболѣе вѣрной себѣ, наиболѣе послѣдовательной*,—частью нашихъ «экономистовъ».

Оставаясь вѣрнымъ себѣ, т. е. послѣдовательно, логически развивая свои основныя положенія «экономистъ» неизбѣжно приходитъ къ программѣ, изложенной въ не разъ уже упомянутомъ мною «Credo». Авторы этого произведенія считаютъ излишнимъ существованіе соціалъ-демократіи, *какъ особой политической рабочей партіи*. Но они уже не высказываются противъ политической борьбы. Они только хотятъ, чтобы ея иниціатива принадлежала не рабочимъ, а именно тѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ нашего общества, о которыхъ я говорилъ выше. Къ чему же привела бы такая борьба при участіи въ ней соціалъ-демократовъ, но при отсутствіи особой соціалъ-демократической партіи? Понятно къ чему: къ чрезвычайному ослабленію вліянія *соціалъ-демократовъ*, которые, растворясь въ массѣ другихъ анти-правительственныхъ элементовъ, *на дѣлѣ* превратились бы въ простыхъ *демократовъ*. *Но превращеніе соціалъ-демократовъ въ простыхъ демократовъ именно и означало бы забвеніе классовой борьбы и сближеніе пролетаріата съ буржуазіей*. Вы-

ходитъ, стало быть, что къ этому результату ведетъ не та тактика, которую мы рекомендуемъ, а *та, которая подсказывается логикой «экономическаго» направленія.*

Но такой результатъ совсѣмъ для насъ нежелателенъ. Если въ той борьбѣ, которая не можетъ не начаться у насъ въ Россіи,—въ борьбѣ за политическую свободу,—наши рабочіе, въ средѣ которыхъ уже пробуждается классовое самосознаніе, выступятъ вассалами другихъ, чуждыхъ имъ партій, то отъ этого не выиграетъ никто, кромѣ буржуазіи. Пусть-же идеологи буржуазіи и стараются направить рабочихъ на этотъ путь. Мы, соціалъ-демократы, постараемся повести ихъ по другому.

Наша партія, не имѣющая рѣшительно никакой склонности къ самоубійству, возьметъ на себя починъ борьбы съ абсолютизмомъ, а, слѣдовательно, и *гегемонію* въ этой борьбѣ; чѣмъ болѣе многочисленны и разносторонни станутъ ея пріемы, тѣмъ яснѣе сдѣлается для всѣхъ искреннихъ враговъ существующаго политическаго порядка,—для всѣхъ тѣхъ, въ душѣ которыхъ любовь къ политической свободѣ не перевѣшивается стремленіемъ къ эксплуатаціи рабочихъ,—что они должны поддержать нашу партію въ интересахъ своего собственнаго дѣла. Мало-по-малу они привыкнутъ смотрѣть на ея побѣды и на ея пораженія, какъ на свои собственныя побѣды и пораженія. И наша партія сдѣлается такимъ образомъ *освободительницей* par excellence, центромъ, къ которому будутъ тяготѣть всѣ демократическія симпатіи и изъ котораго будутъ исходить всѣ наиболѣе крупные революціонные протесты. Тогда въ ея распоряженіи окажутся такія силы и такія матеріальныя средства, о какихъ безумно было бы и мечтать при нынѣшнихъ условіяхъ. Но ни одна единица этихъ силъ и ни одна копейка изъ этихъ средствъ не будетъ затрачена на подчиненіе пролетаріата какому-нибудь чуждому вліянію и на достиженіе какихъ-нибудь вредныхъ для него цѣлей. Напротивъ, всѣ эти силы и всѣ эти средства будутъ служить достиженію его собственныхъ цѣлей и упрочивать его собственное вліяніе на

другіе общественные элементы, потому что направлять и распредѣлять ихъ будетъ *его собственный передовой отрядъ:* **соціалъ-демократическая партія.**

Торжество «экономическаго» направленія привело бы къ политической эксплуатаціи русскаго рабочаго класса демократической и либеральной буржуазіей.

Тактика, защищаемая мною въ этой статьѣ, столь же неизбѣжно дала бы русской соціалъ-демократіи,—этому передовому отряду русскаго рабочаго класса,—политическую гегемонію въ освободительной борьбѣ съ самодержавіемъ.

Сколько застарѣлой близорукости нужно для того, чтобы поколебаться въ выборѣ хотя бы на одну минуту.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАД

Петроградского Совета Рабоч. и Красноарм. Депутатов.

Смольный Институт, 2-й этаж, комн. 51, тел. 34, Конт., комн. 54.

	Цена. Р. К.
Д. Рязанов. «Две правды». (Марксизм и народничество)	— 90
Его же. «Обуховское дело»	— 70
Его же. «19-е февраля»	— 75
Его же. «К. Маркс. и русские люди 40-х годов»	1 80
Ю. Стеклов. «Черная сотня во Франции»	1 20
Его же. «Революция 1848 года во Франции»	1 20
Его же. «Прудон»	— 80
Его же. «Поль Лафарг» (2-е изд.)	— 55
Его же. «Новейшее течение во французском антисемитизме»	1 —
Его же. «Интернационал», ч. I	— —
Его же. «Интернационал», ч. II	2 25
Самойлова. «О безработице»	1 10
Л. Троцкий. «Труд, дисциплина и порядок»	— 30
Его же. «Слово к рабочим и крестьянам»	— 45
К. Цеткин. «За большевиков»,	— 45
Его же. «Женский вопрос, интеллегентный пролетариат и социализм»	— 70
*** «Мировая война», с предисловием Г. Зиновьева	— —
Г. Зиновьев. «Речь о создании красной армии» (2-ое изд.).	— 25
К. Радек. «Анархисты и советская власть».	— 12
К. Цеткин. «Борьба за свободу и мир в России»	— 12
Н. Ленин. «Борьба за хлеб»	— 40
И. Степанов. «Жан Поль Марат и его борьба с К—Рев.».	— 40
«Вождь рабочих перед судом капиталистов».	— 12
Кий. «Республика советов»	— 25
Карл Маркс. «Наемный труд и Капитал»	— 40
Горичев. «Таблицы исчисления платы от 150 до 800—1000 р. при 8 и 6 часовом рабоч. дне	2 50

Печатаются:

Н. Ленин. «Заключительное слово на 4-м с'езде Совдепов».
Его же. «За 12 лет», сборник статей.
К. Каутский. «Этика».
Его же. «Сборник статей».
Ф. Энгельс. «Философия, политическ. экономия и социализм» (Анти-Дюринг).
Лиссагаре. «История Парижской коммуны».

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАД

Петроградского Совета Рабоч. и Красноарм. Депутатов

Смольный Институт, 2-й этаж, комн. 51, тел. 34, Конт., комн. 54

Литературный сборник посвященный памяти Г. В. Плеханова.
Илья Ионов. «Алое поле». Стихотворения. (2-ое изд.).
В. Князев. «Красные звоны и песни».
Барбюс. «Огонь». Дневник полувзвода. Перев. Арденина.
Бебель. «Мемуары», в 3-х томах.
Его же. «Положение женщины в настоящем и будущем».
Арну. «Народная история Парижской коммуны».
В. Блос. «История Французской революции».
В. Либкнехт. «К юбилею мартовской революции».
Его же. «Воспоминания о К. Марксе».
Его же. «Два мира».
П. Лафарг. «Труд и капитал».
Эйснер. «В. Либкнехт, его жизнь и деятельность».
Бакс. «Великая Французская революция».
Басов (Верхоянцев). «Венок» (сказки).
Кунов. «Французская пресса во время Франц. революции».
В. Морис. «Вести ниоткуда» (утопия).
Лафарг. «Поклонение золоту».
К. Цеткина. «Школьный вопрос и рабочий класс».
Степанов. «Кто богатеет и кто разоряется от войны».
Чиколини. «Происхождение современной войны».
Н. Ленина. «Уроки Революции».
Ю. Ларин. «Продовольствие в Германии и России».
Бухарин. «Программа Коммунистов» . . . . . — 80

Книжный склад Петрог. Совета Рабочих и Красноарм. Депут. располагает большим выбором книг по всем обществен-но-политическим вопросам. Отдел принимает на себя составле-ние библиотек и содействует продаже литературы на местах.

Организациям и книжным складам предоставляется скидка. Заказы в провинцию исполняются при получении задатка.

Адресовать: Петроград, Смольный, 2-й этаж, Контора комн. 54, ком. 51. Книжный складъ.